коробочка

Кайф.

(том третий)

История про одолженную жизнь

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Третий том романа повествует о девушке-подростке Кайе, из «параллельного» нашему мира, чье тело стало «сосудом» для души моего бывшего соотечественника, «промышленного разведчика», ныне также бывшего и просто неплохого мужика, Мазовецкого Дмитрия Николаевича, чья жизнь на «этой» Земле подошла, печально рано, к своему завершению…

- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62
- Глава 63
- Глава 64
- Глава 65
- Глава 66
- Глава 67
- Глава 68
- Глава 69

Глава 49

Имение Семьи Кайи. Домик на островке. За несколько недель до встречи с Консультантом.

— Кайа, проснись, Солнышко! — услышал я сквозь дрему и почувствовал прикосновение к плечу

Открыв глаза, увидел, что перед креслом, в котором я закемарил, стояла «матушка». Одета она была, вопреки обыкновению, ибо предпочитала носить военную форму, во вполне цивильное зимнее пальто, нараспашку, однако, к воротничку ее блузки, выставленному напоказ, уверен, что нарочно, был прицеплен «глаз Гора», а значит, «матушку» все-таки не «попросили» со службы. Однако ее лицо! Вернее, его выражение…

Всего на какой-то миг(!), но я успел «разглядеть» отголосок мыслей относительно меня, отразившийся на лике этой женщины. И я явственно испугался этих ее мыслей, ибо подобное выражение лица вряд ли могло быть предвестником чего-то хорошего для меня. Однако, мой испуг было возможно принять за обычное выражение недоумения на лице человека, которого внезапно разбудили, а потому, он вряд ли был замечен, но все же…

Безусловно, «матушка» была в курсе произошедших с Аркадием Станиславовичем и его супругой печальных событий и моей роли в них, а также, вероятнее всего знала о том, что я позаимствовал у «бывшего папочки» его базу данных, а это, естественно, четко указало на мою непосредственную причастность к случившемуся в Пансионе. А произошедшее там, в свою очередь означает, что я преступник. И не только в своих глазах, но, что хуже, и в ее тоже. По итогу, даже несмотря на то, что часть моих преступлений была совершена в ее с «папаней» благо и естественно выдавать меня она никому не станет, но все же…

Хотя, так ли уж «естественно»? Неизвестно…

Кайа — ребенок для нее приемный, то есть не родной. А что простится матерью ее родному дитя, не простится Кайе — это очевидно. Эта женщина для меня слабо предсказуема, особенно теперь, когда ее душевное состояние на фоне беременности нестабильно, но даже потом, когда и если она благополучно разрешится от своего бремени. Стоит в ее голове лишь только зародиться мысли о том, что я могу стать угрозой ее собственному ребенку и все. Совсем все. Для меня. И права сотню раз была Ядвига, говоря о том, что хоть «папенька», да и «маменька» тоже, и получше, в чем-то по крайней мере,

большинства членов этой Семейки, но…

Впрочем, понять ее нетрудно. Если представить, гипотетически, конечно, что в том мире удочеренная девочка устроила хотя бы одну десятую от того, о чем стало известно «матушке», то эта девочка, в лучшем для нее случае, тут же отправилась бы обратно в детский дом.

— Мам, ты наконец-то вернулась, — протерев глаза и улыбнувшись той, встал с кресла и подойдя, обнял ее так, чтобы ей не было видно выражения моего лица, мне необходимо успокоиться, да и «переигрывать» перед ней явно не стоит, все-таки она совершенно точно не наивная простушка, лучше всего показывать простые и понятные эмоции.

— Ты почему на ногах?! — спросил с деланной суровостью я, отстраняясь от нее, — Папа же говорил, что тебе положен постельный режим! С моим братом или сестрой все хорошо?

— Все хорошо, — улыбнулась она мне, — опасный период миновал, по крайней мере со слов доктора, так что, мне снова можно ходить, не злись.

Она взяла мою левую ладонь в свои руки и осмотрела мизинец.

— Уже не болит? — спросила она

Я не нашел ничего лучшего, нежели зарыдать в ответ, замаскировав слезами свои истинные эмоции, которые едва-едва не проявились на лице, несмотря ни на какой свой самоконтроль, от воспоминаний о тех ужасных событиях на «узле», виновником коих стал я.

Мы присели на мою кровать, и я, рыдая, положил голову на «матушкино» плечо, только теперь заметив еще троих женщин, что были в помещении. Прислужницу матушки и двух женщин, мне незнакомых, пришедших, очевидно, вместе с ней.

— Палец не болит, — ответил я через некоторое время, шмыгая носом, — но моя кисть…изуродована!

Я снова разревелся.

— Тебе очень повезло остаться живой, это настоящий подарок высших сил, — вздохнув, негромко произнесла она, поглаживая меня по голове, — прости, пожалуйста, нас с папой за то, что мы оказались никчемными родителями, раз в конечном итоге оставили тебя беззащитной, заставив пережить весь тот кошмар. Более такого не повторится, я тебе обещаю…

Ага, такое может и не повторится, но долбанная Семейка приготовила для меня кое-что другое. Впрочем, случившееся тоже дело рук отдельных представителей этого Семейства, в том числе, так что…

— …а что до пальца…мы обязательно что-нибудь

придумаем…

Ее прервало появление в помещении еще двух женщин, вернее, пришедших было больше, но членов Семьи — двое: «бабуля» и бывшая «мачеха»

Обе запыхавшиеся, а стало быть — торопились. Обе здорово встревоженные. На их лицах было такое выражение *не уверен, каким словом по-русски это описать, ибо долгое пребывание вдали от Родины дает о себе знать*, каковое видишь у людей, которые едут туда, где, как им известно, их ждут большие неприятности и\или серьезная выволочки и им хотелось бы, чтобы эти последние минуты и часы, что они проведут в пути, никогда не заканчивались.

Обе в курсе всего происходящего, — для меня это стало очевидным, едва я взглянул на них, — им известно, что Аркадий Станиславович исчез, а внезапное освобождение «матушки» и появление ее в Имении могло означать для них ровно одно…

У меня зачесались ладошки, ибо загнанные в угол крысы, в лице этих двух женщин, способны на что угодно. И еще кое-что. Я изначально думал, что бывшая «мачеха» не была в курсе того, что устроил бывший же «папаша», но как сейчас выясняется — это не так. И если она знала обо всем с самого начала *по моему позвоночнику пробежал электрический разряд*, то все происходящее резко обретает новые краски, ибо, если бы дело касалось только лишь того, чтобы «утопить» моего нынешнего «папашу» — бывшая «мачеха» разбилась бы в лепешку, но не позволила своему мужу устроить подобную авантюру. По одной простой причине — «если что», то обязательно пострадают ее дети, ибо императорское «неудовольствие» — гарантировано закрывало какие-либо перспективы для этого Семейства, а стало быть, и для ее детей. И это еще в лучшем случае. А на это она, ради уничтожения братца своего супруга, не пошла бы ни за что. Ее дети для нее — превыше всего. А раз так, то и борьба за Наследие этой Семьи — всего лишь ширма для… Для чего?

— Женя! Тебя освободили?! Слава тебе Господи! — воскликнула, перекрестившись, «бабуля» так, будто бы и в самом деле была этому чрезвычайно рада, — Но, скажи на милость, зачем ты заставляешь бегать за собой старуху и почему не поставила нас в известность, во-первых, о том, что тебя отпустили, а во-вторых, что приедешь в Имение? И почему ты не зашла ко мне сразу, как приехала сюда?

— Мои извинения, Марья Александровна, — ответила «матушка», — но ситуация вынуждает меня сейчас пренебречь весьма многим и поторопиться, ибо на кону, как вам известно, стоит жизнь и репутация Игоря. И репутация Семьи. Я приехала

за дочкой, и как только разрешится дело Игоря, мы незамедлительно приедем к вам, рассказать обо всем лично. Впрочем, вы же, наверное, и сами поедете в Петербург.

— Женя, Семья решила, что твоя дочь останется до весны здесь…, — начала было бывшая «мачеха»

— Матушка! — перебил я говорившую, вцепившись в руку «мамашки» и зарыдав, — пожалуйста, забери меня отсюда! Меня здесь заперли, никуда не пускают и издеваются…

— Да так ты смеешь вообще рот свой раскрывать! — зашипела на меня «бабка», — полночи шлялась незнамо где…

— Марья Александровна! — прервала ее «матушка», — Если моя дочь в чем-то провинилась, то, само собой, она будет наказана! Мной! Но жить при этом, до весны, по крайней мере, она будет вместе со своей матерью и отцом. Это не обсуждается, я в своем праве!

— Женя, пусть Кайа живет здесь, не нужно позорить девчонку сильнее, ведь твой муж — казнокрад… — начала было шипеть бывшая «мачеха», у которой от волнения, кажется, начали сдавать нервы

— Лидия, — «матушка» встала с кровати, и сделав несколько шагов в сторону бывшей «мачехи», зашептала той на ухо, достаточно громко для того, чтобы все присутствующие смогли услышать, — сестра моя, попридержи, пожалуйста, свой змеиный язычок, ибо пройдет совсем немного времени, и твое будущее будет зависеть от моего настроения, тебе же это известно, верно? Так что, не порти мне его, ладно? Кайа, ты собралась?

«Матушка» обернулась ко мне.

— Да, мам, секунду, — ответил я, убирая ВЭМ, оформленный на Ию, в рюкзачок

После дневного сна я был в поту, как это частенько у меня бывает, но, увы и ах, «матушка» не станет, судя по всему, ждать, пока я приму душ.

— Надеюсь, Государь разберется в этом деле и сына отпустят, восстановив его и наше доброе имя, — вздохнув, сказала «бабуля», — что-то мне нездоровится, пойду-ка я прилягу.

— До свидания, Марья Александровна, — попрощалась «матушка»

— До свидания, бабушка…и все прочие, — попрощался я

«Бабуля» с сопровождающими ее женщинами, направилась к выходу, взяв под руку бывшую «мачеху», стоявшую столбом посреди комнаты в оцепенении и глядевшую на «матушку», как кролик на удава, и потащив ее за собой.

— Я собралась! — сказал я, надевая рюкзачок, — Бобла, ты идешь?

Небольшая трехцветная кошка, до сего момента мирно лежавшая на комоде, на вязаной салфетке, и лениво наблюдавшая за межчеловеческими отношениями, с громким: «мряу!» спрыгнула на пол и подойдя ко мне, обвила мою ногу своим хвостом.

— Кайа, никаких животных дома!

— Ну, мам! Ну, пожалуйста!..

Было лишь чуть больше четырех часов после полудня, однако, на дворе стояла зима и уже довольно сильно стемнело. По территории Имения, до машин, мы шли молча, хрустя снегом.

В пассажирском отделении нашего минивэна мы с матушкой были вдвоем, не считая Боблы, даже ее Прислужница, вместе с прочими, ехала в соседнем авто, а это означало, что сейчас предстоит очень серьезный разговор. Матушка наверняка будет интересоваться моими приключениями в той их части, что происходили на «узле» и о которых я умолчал в разговоре с Николаем Семеновичем.

Я долгое время размышлял на тему того, что именно я скажу по поводу своего пребывания на «узле» и вообще, стоит ли говорить о том, что я там был? Лучше бы, конечно, чтобы меня и «узел» вообще ничто не связывало, но… В итоге пришел к выводу, что рассказать все-таки придется, ибо как ни крути, но меня видели и совершенно точно запомнили двое офицеров, встреченных мной, один из которых обрабатывал и перевязывал мне руку. Возможно, конечно, что оба они погибли при взрывах, но если нет, то совершенно очевидно, что дознаватели вытянули из них все что можно. А значит и про меня они тоже рассказали и если бы не отстреленный мизинец, то было бы возможным съехать на то, что они попросту обознались. Но, увы…

Таким образом лучше всего рассказать правду, слегка разбавив ее ложью. В конце-концов, даже при том, что «матушке» известно о кое-каких моих «талантах», то все равно, несмотря на мое присутствие на «узле», связывать произошедшую катастрофу с четырнадцатилетней девочкой, да еще и инвалидом «по голове» — сумасшествие. В конце-концов, я же не булыжник на рельсы положил. А двое людей, что могли бы указать на мою причастность к произошедшему и на одного из которых я и планировал «повесить» диверсию, мертвы. А мертвые, как всем известно, молчат.

Однако, вопреки моим ожиданиям, «матушка», когда мы выехали из Имения, взяв мою ладошку в свои руки, спросила:

— Ты что-нибудь вспомнила из того, что было до?

Я отрицательно покачал головой, тихим шепотом сказав:

— Нет, совсем ничего.

В машине повисла тишина. «Матушка» гладила мою ладошку, а я гладил сидевшую на моих коленях Боблу.

— С того момента, как вышла из…больницы, ты ведь нигде не была, кроме Имения?

— В Пансионе, — хмыкнул я, отдергивая указательный палец, который собралась куснуть кошка

— Хочешь поехать на несколько дней попутешествовать? — поинтересовалась она

— Мам, — «мамкнул» я и нейтральным голосом продолжил, — сначала был тот кошмар в Пансионе, затем, когда покинула его стены, я не находила себе места от переживаний за тебя и вашего с папой ребенка. Когда ты заперлась в своей комнате, не желая меня видеть…я понимала, что и самочувствие у тебя, вероятно было так себе, да и страшно тебе наверняка было. Поэтому, я просто ждала… ждала, когда ты позовешь меня…но ты не позвала… мам, ты бросила меня одну! Хоть и жили мы под одной крышей! Затем начался тот ужас в нашем доме, когда тебя, вместе с папой, увезли какие-то люди, а тем же вечером…

Я замолчал.

— Я не хочу никуда ехать, мам. Как я могу думать о чем-то подобном, о каком-то отдыхе, когда папу через неделю судить будут?! А затем, когда справедливость восторжествует и папу наконец выпустят, у меня будут переживания совершенно иного плана.

Она хотела было что-то сказать, но я продолжил.

— Знаешь, когда я спасалась бегством от убийц, что преследовали меня, то единственное, чего бы я хотела — оказаться как можно дальше от всей нашей Семейки! Чтобы никогда более не видеть никого из вас! Очень жаль, что у меня не было необходимых для этого документов, иначе я была бы уже далеко отсюда!

— Понятное желание, — только и пробормотала «матушка»

— Понятное тебе, говоришь? Да с чего бы, а? — я зло усмехнулся, глядя ей в глаза, — Вот скажи мне, мама, чем ты занималась, когда тебе было четырнадцать лет? Что-то сильно сомневаюсь, что, к примеру, заставляла некоего мужчину убивать под запись собственную беременную жену, для того, чтобы этот мужчина дал необходимые показания в Суде, дабы твоего папу не вздернули как какого-то…

Тыльной стороной ладони я утер слезы.

— Сомневаюсь я, что ты спасалась бегством от убийц! Что тебя хотели отдать, будто игрушку, какому-то уроду! Поэтому, пожалуйста, не надо мне говорить, что ты понимаешь меня! Я

чудовище, мама! Жуткое, отвратительное само себе чудовище! И в него обратили меня члены моей же Семьи!

Оставшуюся часть пути мы ехали молча, а после, я обратил внимание на то, что на нашем этаже дежурила не привычная уже Семейная охрана, а некие «государевы люди», однако, судя по тому, что мне довелось увидеть ранее, это вполне могли быть боевики «папочки».

По приезду домой, после ужина, устроившись в одной из гостиных, «матушка» попросила подробно рассказать о моих злоключениях. Она уселась на диван, а я улегся, положив голову на ее колени и начал свой рассказ. «Матушка», гладя мою голову, слушала меня, изредка задавая вопросы или уточняя детали.

— Кто послал тебе предупреждение? — спросила она

— Не знаю, — ответил я, после того, как рассказал об «анонимке», но только о второй, ибо, если бы я промолчал о ней, то мой рассказ вышел бы неубедительным, — сообщение прислали с неизвестного номера, да и представится этот человек не пожелал, хотя я искренне рада тому, что есть на свете еще люди, которым моя жизнь не безразлична.

— А до этого, с тобой связывались с неизвестного номера? — поинтересовалась она

— Нет, — соврал я, покачав головой, продолжив свой рассказ

— С твоей стороны было очень находчиво вызвать полицию и прочие службы. Слава Богу, что ты догадалась об ожидавшей тебя внизу опасности — сказала «матушка»

Затем я подробно описал «клиента», который хотел меня «снять», ибо «матушка» моя на него конкретно обозлилась. Уверен, что этого господина в скором времени найдут и…

Ну, а дальше наступило время «икс», ибо мой рассказ плавно подошел к описанию приключений на «узле», что, естественно, вызвало самый живой интерес со стороны «матушки».

— Николай Семеныч не говорил мне о том, что ты была на железнодорожном узле, — сказала «матушка», однако, и ее голос, и ее мимика, а я в тот момент очень внимательно рассматривал ее лицо, говорили о том, что для нее не являлось секретом мое нахождение на «узле» в момент катастрофы. Хорошо, что я не стал пытаться скормить ей версию о том, будто бы я был в другом месте

— Это потому, — ответил я, — что я не рассказала ему об этом, как и о предупреждении. Ибо кроме тебя и папы я про железнодорожный узел никому рассказывать не стану. Вдруг у кого-то хватит ума обвинить меня в произошедшем кошмаре! Да и не доверяла я совершенно этому человеку в тот момент…

— Так что там было? — спросила та

— Проснувшись, я вылезла из бетонной трубы, а затем, как и планировала, отправилась на сортировочную станцию, чтобы на грузовом поезде добраться до Имения…извини, мам, я на секунду, пить хочу…

Вернувшись с кухни, я уселся в другом углу дивана, обхватив колени и продолжил рассказ.

— Я шла по дорожке, рядом с крайним путем, и когда мимо проехал грузовой состав, то я увидела двух солдат на путях. Они там чем-то были сильно заняты. Правда, чем именно — не знаю, а потом они побежали. У одного из них в руках был ВЭМ, вроде бы, хотя точно не уверена. Заметив меня, один из них сразу вытащил оружие и…, — я зашмыгал носом, — начал в меня стрелять. Я бросилась на землю, но он…, — я зарыдал в голос, — успел в меня попасть…

Рыдая, я показал «матушке» свою руку.

— А затем… Господи, какой ужас… два поезда столкнулись и стрелявший в меня солдат, кажется погиб…

— Почему ты решила, что это были солдаты? Их точно было двое?

Через некоторое время, успокоившись, пожал плечами и шмыгнув носом, ответил:

— Эти двое были в военной форме, я точно это разглядела. Я потом встретила еще целую толпу солдат, одетых в точно такую же форму…я думала, что все…сейчас меня убьют! Но один из них оказался доктором, перевязавшим мою руку…Мама, пожалуйста, скажи, жив ли тот доктор…? — с надеждой в глазах посмотрел я на «матушку»

Та, сев поближе ко мне, взъерошила мои волосы, ответив:

— Жив он, жив. И тебя он тоже не забыл.

У меня ухнуло сердце, в очередной раз порадовавшись, что не стал лепить горбатого, утверждая, будто меня не было на «узле». Вышло бы мне это боком, совершенно точно.

— Я рада…, — громко выдохнул я, — а когда доктор ушел, я побежала дальше, а затем, начались взрывы! Мама, это было так ужасно…вся эта катастрофа… пассажиры, разорванные в клочья… мам, я не могу сейчас продолжать рассказывать про это, давай, пожалуйста, продолжим позже, а то я, кажется схожу с ума?!

Глава 50

Санкт-Петербург. Территория главной резиденции царской Семьи. Неделю спустя, раннее утро.

Я снова в городе на Неве. Скоро начнется Суд, на котором будут судить «папашу» и его коллег по опасному бизнесу. Впрочем, не судить, ибо, если мою «матушку» **уже** освободили и восстановили в должности — значит те, «кому надо» свой вердикт **уже** вынесли, а Высокий Суд на сегодняшнем заседании лишь закрепит юридически достигнутые кулуарно договоренности. Интересно, до чего они там договорились? Хотя какая мне сейчас разница? Единственное, в чем уверен наверняка, так это в том, что Семейку ощиплют, за устроенное бывшим «папашей» и гоп-компанией, использующей его, так, что мало не покажется. В том числе в назидание другим, чтобы «уважаемые люди» даже не помышляли устраивать свои свары в ущерб государству российскому и его обороноспособности.

Я убрал с лица влажные локоны, последствия адского снегопада, лютующего на улице. Здание имперского Суда, в котором и будет проходить процесс, является частью огромного дворцового комплекса и из окон которого, открывается прекрасный вид на сам царский дворец, стоящий на берегу Невы, в котором, проживает царская Семья. Вернее, открывался бы, если бы не снегопад, из-за которого уже в пяти шагах впереди не видно ни зги. По территории самого дворцового комплекса, всем, кроме царской Семьи, ну и иностранных делегаций, приходится идти пешком, так что, несмотря на зонтики, и я, и все прочие члены Семьи, а на Суд явились все, кто физически мог, были похожи на снеговиков…

И моя шикарная юбка, и ботиночки, пришли в весьма печальное состояние, ибо, несмотря на снегоуборочные работы на территории комплекса, мы шли практически по колено в снегу.

Сейчас все «мое» Семейство, а также, как сообщила «матушка», еще три других, тех, что сотрудничают с нашим, по крайней мере пока, в деле производства и продажи оружия, собралось в некоем «предбаннике» зала судебных заседаний. В моей голове сразу всплыли воспоминания о Тимирязевском районном суде в **той** Москве, где со мной судилась, по поводу выставления меня вон с занимаемой площади, уважаемая старшая сестра. Конечно, в плане удобств это помещение и то, где своей очереди дожидались москвичи «федеральные», было как небо и земля, в конце-концов, здесь огромный кондиционируемый зал, примерно с сотней комфортный «посадочных» мест для тех,

кто ожидал начала либо окончания процесса, но сама атмосфера была одинаковой. Казённой.

Вспомнив «дорогую сестру», сделавшую меня бомжом, настроение мое, как несложно догадаться, резко испортилось, однако, взглянув на прочих присутствующих в зале, дурные воспоминания о давно минувшем моментально испарились из головы. Ибо, глядя на лица членов Семейств «уважаемых партнеров», а также на взгляды, бросаемые ими на нас, у меня зачесались ладошки.

Три Семейства, перемешавшись друг с другом, разбились на группы, обсуждая что-то свое, вероятнее всего — предстоящий судебный процесс. Наша же Семья — варилась, как говорится, в собственном соку, не смешиваясь с иными. Бывший «папаша» своей выходкой конкретно подставил не только свою же Семью, но и прочие Семейства, а в этой реальности не «спросить» за подобное — это однозначно будет «потерей лица». **Здесь** подобные явные подставы и «кидки», по крайней мере среди того сословия, к которому принадлежат собравшиеся тут — не в чести и не прощаются. Тихонько, «под ковром» — это сколько угодно, как я уже успел заметить, но не в открытую! Не в наглую! А «спрашивать», что очевидно, станут не только с бывшего «папани», а со **всей** Семьи. Так что, очевидно, «дружить» бывшие партнеры будут против нас. И логика чистой экономики тут работать явно перестает.

Интересно, решать возникшие проблемы эти Семейства будут в стиле «святых 90х» или все-таки обойдется и все будет более-менее цивилизованно? Не хотелось бы, чтобы меня умертвили в ходе «междусобойчика»…

Нет, конечно, вот так вот сразу свернуть сотрудничество не получится. Все-таки «мое» Семейство контролирует огромную долю реальных производственных мощностей и местных НИИ, так что заменить Филатовых, разорвав производственные цепочки с их предприятиями, по текущим и ближайшим контрактам будет проблематично, а скорее всего, даже невозможно. Это, во-первых, не просто, а во-вторых, не быстро. Но дайте время, и Филатовы потеряют значительную долю рынка, к гадалке не ходи.

— Что-то случилось? — шепотом поинтересовалась «матушка», тронув меня за плечо

— У меня очень нехорошее предчувствие, мам…, — также шепотом ответил я, разглядывая собравшихся

— Все будет хорошо, милая, не тревожься понапрасну, — сказала «матушка»

— Дай-то Бог, — ответил я

В «предбаннике» началось оживление, это в зал судебных

заседаний, мимо собравшихся, под конвоем, но не закованными в наручники, провели семерых человек, включая «папашу», который на мгновение притормозил процессию и улыбнувшись, махнул нам с «матушкой» рукой, однако, от меня не укрылось его беспокойство, которое он пытался замаскировать своей обычной нагловатой ухмылочкой. Но, хоть не в труселях и шлепках топал, а в дорогом костюме, да и следов от побоев на его гладковыбритом лице не осталось, за исключением сломанного носа, но тот еще долго заживать будет.

После того как подсудимых завели в зал судебных заседаний, оттуда вышел секретарь и начал зачитывать имена и фамилии.

— Прошу заявленных свидетелей, — громко сказал секретарь, закончив читать ФИО, — а также уважаемых дам и господ, имеющих допуск к государственной тайне не ниже второго класса и желающих почтить своим присутствием сегодняшний процесс, пройти в зал!

Процесс будет «закрытым», что неудивительно, учитывая то, каких «материй» он будет касаться. И судить сегодня будут лишь лиц дворянского сословия, а всех прочих, арестованных по тому же делу, ожидает суд более низкой инстанции.

Ну, и постольку-поскольку моего имени секретарь назвать не удосужился, а соответствующего допуска к гостайне я не имею, то стало быть дожидаться окончания судебного процесса, в отличие от «матушки», буду в «предбаннике».

— Жди нас здесь, пожалуйста, и никуда не уходи, — сказала «матушка», чмокнув меня в щеку, а затем, кивнув на свою Прислужницу и мою сопровождающую, продолжила, — Катя и Лера останутся с тобой. И да, вскоре сюда прибудет Государь, так что не забудь поприветствовать его должным образом.

— Конечно, мам, — ответил я

После того как все те, кто должен был и хотел, проследовали в зал заседаний, «предбанник» опустел примерно на три четверти и здесь остались либо пришедшие вместе с Семьями подростки, вроде Кайи, с сопровождающими их лицами, либо же те, кто к Семейному бизнесу отношения не имел, в основном богатые бездельники и бездельницы.

Журналистов я вновь не увидел, никто из их братии не говорил, глядя в камеру: «…с минуты на минуту, в зале за нашими спинами, начнется закрытый судебный процесс…»

И только мы втроем уселись на стулья, расставленные вдоль стен, как в «предбанник» зашел тип в ливрее и объявил:

— Его Императорское Величество, Федор Иванович!

Те из присутствующих в «предбаннике», что, как и мы, уселись на стулья, тут же повскакивали и подошли к красной

дорожке, расстеленной через «предбанник» ко входу в зал заседаний.

— Здравствуйте Ваше Императорское Величество! — хором произнесли присутствующие, когда Государь, в сопровождении троих человек, двое из которых носили судейскую мантию, вошел в «предбанник»

— Дамы и господа здравствуйте! — ответил на приветствие тот и быстрым шагом двинулся по ковровой дорожке в сторону судебного зала.

Государь был одним из трех судей, так что поверх его великолепного гражданского костюма, была накинута мантия. «Папашу» и его коллег сегодня будут судить не общегражданским судом, а Высоким, этакой «Тройкой», где председательствует Первое лицо государства и на вердикт данной инстанции апелляцию подать невозможно.

Проходя мимо меня, он внезапно остановился и повернувшись ко мне, молча стал разглядывать мое лицо.

— Ваше Императорское Величество…, — сказал я, потупив глазки в пол

— Вы необычайно милы, Кайа Игоревна, — наконец сказал он, закончив «ощупывать» взглядом мое лицо

— Благодарю Вас, Ваше императорское Величество, — ответил я, а Государь уже шел дальше

И почему из всех присутствующих он выделил именно меня? — подумал я и судя по тому, что на мне сошлись взгляды многих представительниц женского пола, находящихся здесь, не только я. Не к добру это…

— Я выйду на балкон, — через некоторое время, когда осточертело сидеть, сказал я

— Хорошо, — ответила «матушкина» Прислужница, а Лера пошла вместе со мной

И когда мы с ней уже практически вышли на балкон, у меня по позвоночнику пробежал электрический разряд, и я обернулся. В «предбанник», с закованными в наручники руками, под конвоем ввели Аркадия Станиславовича, который, заметив меня, также остановился. На его лице проявилась такая лютая злоба…

— Пошел! — подтолкнул его один из конвоиров, и бывший финансист продолжил идти, более на меня не глядя.

А затем, мой взгляд упал на бывшую «мачеху», которая, как и я, дожидалась в «предбаннике» окончания процесса, вместе со своими детьми. Она была бледной, как поганка, а ее руки вцепились в подол юбки. Ну да, Аркадий Станиславович же «нашелся»…

На балконе. Я стоял, уткнувшись лбом в большое панорамное

стекло, которым был остеклен весь балкон, включая пол и потолок, глядя на снегопад. Небольшая группа девиц из других Семейств, что также тусовались на балконе и чьи шмотки пострадали от непогоды не меньше наших, демонстративно, поджав губы и хмыкая, отошли от нас подальше. Полагаю, что если бы не строжайший запрет на любые свары в этом месте, о чем мне не уставала напоминать «матушка», а затем и «бабушка», со всеми «тетушками», то сейчас бы я наверняка услышал в свой адрес, а также в адрес «своей» Семьи, немало гадостей.

— Не обращай на них внимания, — шепнула мне Лера, глядя на то, как девицы о чем-то шушукаются, время от времени кидая на нас насмешливые взгляды.

— Даже и не думала расстраиваться из-за этих великовозрастных бездельниц, — шепотом ответил ей, не открывая взора от снегопада

Процесс длился чуть более двух часов, за которые я успел как следует заскучать и проголодаться.

— Его Императорское Величество, Федор Иванович! — объявил вышедший из зала заседаний тип в ливрее

Все вновь выстроились у красной дорожки. Государь же, на этот раз просто рассеяно улыбнулся собравшимся и не задерживаясь, покинул «предбанник».

— Папа! — довольно громко воскликнул я, увидев «родителей» и подбежав, повис на шее «отца»

— Привет, амазонка! — ответил «папаша», чмокнув Кайю в щеку

— Поедем, перекусим! — сказал он, когда наконец иссяк поток поздравлений от его братьев, за исключением бывшего «папаши», который скрылся в неизвестном направлении сразу, как закончился Суд и сестер, а также прочих членов нашей Семьи, и от его коллег, которых судили вместе с ним.

— Я только за! — ответил я

И мы пошли на выход из здания Суда.

В ресторане, в отдельном кабинете. Обедали мы втроем, а Лера, вместе с Прислужницей «матушки», извинившись, остались на обед в общем зале. Слопав первое, второе и приступив к десерту, я поинтересовался:

— Ну и какой же вынесли вердикт?

— Не для ушей непричастных барышень, — ответила «маманя»

— Ну и ладно! — сказал я, и отламывая ложечкой кусочек кекса, поинтересовался, — Но ощипали-то нас здорово?

— Двадцать процентов акций «Объединённой авиакосмической Компании» отходят государству. Также, от

государства будет назначен наблюдательный совет во все наши Компании, исполняющие «гособоронзаказ».

— А нельзя ли было, вместо подобных убытков, просто повесить «бывшего папашу»?

Ответа не последовало. Видимо, нет.

— И что, этот «замечательный человек», — развил я свою мысль, имея в виду бывшего «папашу», — вот так вот запросто отделается легким испугом? Его же ведь не задержали в зале Суда, а значит, отпустили…а тебя, пап, собирались повесить! Это что же получается, все звери в лесу равны, но некоторые ровнее?

— Это называется — политика, — ответил «папаша», пожав плечами

— Нет, так дело не пойдет, — сказал я и достав видеофон, включил запись перестрелки в нашем здании, после чего, передал аппарат «папе», — на записи хорошо видно, как боевик «бывшего папаши» ведет бой с полицией. Дед, на сколько я помню, говорил, что лишит Наследия, изгонит из Семьи и устроит прочие горести любому, кто ради своих амбиций навредит Семье. Николай Филатов натравил на члена Семьи, на меня, убийц, а также, стал причиной невообразимых финансовых потерь для нашей Семьи. Уважаемый дед должен ответить за свои слова и как минимум вычеркнуть имя этого человека из Родовой Книги…

— Угомонись, Кайа! — негромко сказал «папаша», слегка стукнув ладонью по столу, — то, что мой отец, твой дед, должен делать — не твоего ума дело! Чтобы я более не слышал от тебя подобных речей, понятно?

— Я не стану более заводить подобных речей, — ответил я спокойно

— Вот и славно, — сказал «папаша», — но все же ты права, этому человеку нельзя дать выйти более-менее сухим из воды. И я не дам, будь уверена, пусть даже и не надеется.

— И почему это я ничего не слышала от тебя про эту запись? — это «мамашка» начала свирепеть

— Мам, — ответил я той, когда допил чай, — я твоя дочь, а не твоя подчиненная! Что же до записи, то я, когда рассказывала о своих злоключениях, банально забыла про нее…у меня вообще с памятью так себе.

«Папаша», скопировав запись на свой видеофон и удалив ее с моего, вернул мне устройство.

— Если все пообедали, — сказал «папаша», — то предлагаю ехать домой, отдыхать, ибо сегодня вечером нам всем предстоит посетить игорный дом.

— Будем просаживать в рулетку оставшиеся у Семьи активы? — невинным тоном спросил я

— У нас с твоей мамой там запланирована важная встреча, ну а ты сможешь поиграть немного, если захочешь. Ну или просто посмотреть. Тебе же еще не доводилось бывать в таких местах.

— Не доводилось, — честно ответил я, ибо азартным человеком не был никогда и казино не посещал даже ради того, чтобы просто поглазеть.

Вечером того же дня. Игорный дом «Госпожа Удача».

Снегопад, успокоившийся было днем, к вечеру начался с новой силой. К счастью, к игорному дому, в отличие от здания Суда, было, само собой, возможным подъехать прямо ко входу и наш шикарный вечерний туалет не пострадал от непогоды.

«Папаня» с «маманей», а также ее Прислужница, практически сразу предоставили нас с Лерой самим себе, уйдя на какие-то переговоры.

В «Госпоже Удаче», как утверждалось в Сети, было возможным не только спустить денежки на рулетке или в карты, но и вкусно покушать, послушать живую музыку и многое другое. Очень многое.

Мы же с Лерой просто не спеша прогуливались, глазея на всякое. И регулярно получая комплименты от лиц мужского пола.

Описывать интерьер этого заведения бессмысленно, скажу лишь, что «Госпожа Удача» была шикарна. Неприлично шикарна. Этакое «бояръ казино».

Посетителей в заведении было не слишком много, а в зале игровых автоматов, где игроки испытывали свою удачу с «однорукими бандитами», хоть и небыли эти аппараты классическими «бандитами», виденными мной в кино, но смысл их был тот же, так и вообще мало. Играли «в автоматы» в основном дамы и господа весьма почтенного возраста. И в большинстве своем это были уроженцы восточных губерний Империи.

— Барышни, здесь происходит серьёзная игра и если вы не…, — внезапно, когда мы уже собрались было войти в очередной зал, к нам подошел сотрудник игорного дома

Запретить нам войти он не мог, хотя бы потому, что в это заведение пускали весьма ограниченный круг лиц, и мы вполне могли играть во что угодно здесь, но…

— Нет, играть по-крупному мы не желаем, — ответил я, улыбнувшись работнику, — и, пожалуй, мешать игре мы тоже не станем

— Барышни, если вам интересны карточные игры, то прошу вас сюда, — работник указал на другой зал и коль скоро нам с Лерой не было особой разницы где бродить и на что смотреть, то мы направились поглазеть на карточные игры

— Лер, — спросил я свою сопровождающую, — ты бывала здесь?

— Нет, — ответила та, — у меня не было ухажеров, способных пригласить меня сюда, да и способ спустить деньги я могу придумать поинтереснее. Не азартная я.

И в тот момент, когда мы подошли к одному из столиков, а понаблюдать за игрой мог любой, запрещалось лишь подсказывать игрокам, один из игравших решил его покинуть.

— Барышня, — обратился ко мне сидевший за столом и куривший сигару толстячок, сходу определив, что Кайа «юная госпожа», а Лера — ее сопровождающая, — не желаете ли присоединиться к нашей игре?

— Роман Юрьевич, — это вмешался другой игрок, худой, как жердь, — боюсь наша игра будет скучна для столь юной барышни, ибо она требует внимательности и умения хорошо считать.

Унылая провокация от унылой «жерди».

— Надо уметь хорошо считать и быть внимательной, да? — улыбнувшись до ушей сказал я игрокам, — Кажется это очень интересная игра! И если вы, господа, объясните мне правила игры, то я с удовольствием сыграю с вами!

— Кайа, лучше не надо! Они тебя провоцируют! — шепнула мне на ухо Лера

— Само собой, — так же шепотом ответил я, — но это же игорный дом, так почему бы чуть-чуть не поиграть?

— Конечно, конечно! — сказал толстячок, выпуская струю дыма, — правила просты, присаживайтесь барышня…

И я присел. Правила и впрямь были незамысловаты. Суть игры сводилась к тому, чтобы собрать в итоге комбинацию «стоящую» больше, нежели комбинации других игроков.

— Я бы хотела купить фишек, — обратился я к сотруднице заведения, после чего, с моей карты были списаны денежные средства, а на столе передо мной возникла небольшая горка металлических, стилизованных под старинные золотые монеты, фишек, похожих на жетоны московского Метрополитена начала девяностых, из **того** мира.

Первые пару партий я осваивался, проиграв естественно свои ставки. Но, когда я окончательно разобрался в игре, а Лера, судя по выражению ее лица, уже вознамерилась было удалить меня из-за стола, то карта мне, как в том анекдоте про Василия Иваныча, что называется поперла.

Как выяснилось, карточная игра, когда и если ты играешь не на свои кровно заработанные, очень недурное времяпровождение.

Рядом с толстячком, поставив на игровой стол перед ним запотевший бокал пива, материализовалась его спутница —

длинноногая брюнеточка, которой на вид было лет 16–17, не больше. Чем тут же испортила все настроение, ибо мне жуть как захотелось пивка. И если поначалу было не совсем понятно, кем она приходилась толстячку, то, когда он «помацал» ее за «филейный край», стало очевидно, что это либо коммерческая девочка, которую он «снял» на вечер, либо любовница. А сама девица иной раз ревниво поглядывала на меня и Леру, что, впрочем, мы полностью проигнорировали.

Не сказать, что в итоге я всех «раздел». Не всех, конечно. Например, с толстячком у нас игра шла примерно на равных. Но многих, от чего игроки покидали наш стол весьма регулярно, а кучка «жетонов на метро» передо мной, росла на глазах.

Лера внезапно ущипнула меня на плечо, а игроки, сидевшие за столом, встали.

— Добрый вечер, Мила, — сказали они хором

Я тоже встал, обернувшись. Позади меня стояла женщина, которую я узнал сразу. Это была Мила Орлова, Прислужница дамы Кристины

— Здравствуйте, господа, — ответила та

— Здравствуйте, Мила, — поздоровался с ней я

— И ты здравствуй, — шепнула мне на ухо она, — доигрывай партию и следуй, пожалуйста, за мной. Тебя ожидает дама Кристина.

Покидать стол до завершения партии здесь являлось признаком неуважение, а поэтому, даже Прислужница любовницы Государя была вынуждена дожидаться ее окончания.

— Вы прекрасно играете, барышня! Слабо верится, что вам и правда не доводилось играть ранее. Но, к сожалению, эта партия остается за мной, — довольным тоном заявил толстячок, кладя карты на стол и туша в пепельнице свою сигару

— Честное слово, я впервые играю в эту игру, просто вы прекрасный учитель! — улыбнулся в ответ я, — Но что касается победителя этой партии…

Я положил на стол карты. Двое других игроков «отпасовали» раньше.

— Кажется, победила я, — сказал я, с улыбочкой до ушей и принялся сгребать солидную горку «жетонов» в холщовый мешочек, поданный мне барышней из персонала заведения, — господа, благодарю вас за игру, но, увы и ах, меня ждут…

Кто меня ждет уточнять не пришлось, ибо здесь не было тех, кто бы не узнал Прислужницу любовницы Государя.

— И вам, барышня, спасибо за игру, до свидания, — попрощались со мной игроки.

— Следуйте за мной, пожалуйста, — сказала Мила, явно имея

в виду лишь меня, а сопровождающая должна была дожидаться меня где-то здесь…

Лера, в отличие от той же Ирины, была мне с самого начала очень симпатична. И бросать ее здесь одну, сказав, будто собаке: «жди здесь», мне очень не хотелось. Безусловно, она бы не обиделась, ибо, во-первых, обстоятельства, а во-вторых, она психолог и судя по тому, что ее назначила ко мне «маманька» — профессионал. Да и взрослая женщина нашла бы, чем себя занять в подобном месте в отсутствие своей подопечной, но…

— Секундочку, — сказал я Миле и передав Лере мешочек с «жетонами», направился в сторону компании молодых людей и барышень, «за тридцать», тусовавшихся у местного бара, неподалеку от нашего стола. Один из «прекрасных юношей» был без спутницы и в него, как я заметил, время от времени «постреливала» глазками Лера.

Не женат, — отметил я, глядя на его руку

— Здравствуйте! — поздоровался я с веселой компанией, улыбнувшись им до ушей

— И вы здравствуйте, барышня, — ответили «тусовщики», чье внимание я привлек и которые ожидали от подошедшей малолетки какого-нибудь шоу

— Мои извинения за то, что отвлекаю вас, но у меня возникла ситуация, с которой только вы можете мне помочь! — обратился я к типчику, на которого заглядывалась Лера

— И чем же я могу вам помочь, барышня? — слез с барного стула типчик, и сделал шаг ко мне

— Видите ли в чем дело, — зашептал я тому на ухо, и указал на Милу, — со мной желает побеседовать одна дама…

Типу этому не надо было объяснять **кто** именно желает со мной побеседовать. Ибо было здесь, как в песенке: «Кто не знает Любочку? Любу знают все!», только вместо Любочки — Милочка.

— Так что у вас за проблема? — уже серьезным тоном поинтересовался тип

— Как вас зовут? — спросил я

— Павлом, — ответил тип

— Я Кайа. Очень приятно с вами познакомиться, — сказал я

— И это взаимно, — ответил он и выжидательно посмотрел на меня

— Как я уже говорила, одна очень важная персона желает побеседовать со мной, но мне придется оставить здесь, в одиночестве, свою сопровождающую, ее зовут Лерой…, — кивнул я на Леру, которая во все глаза смотрела на меня, — не знаю, будет ли это дерзко с моей стороны, но я бы хотела попросить вас составить ей компанию, пока я буду отсутствовать…

Мы уже подошли достаточно близко для того, чтобы моя сопровождающая смогла услышать то, о чем я говорю. И услышав — у нее, фигурально выражаясь, отвалилась челюсть, а сама она покраснела, как помидорка.

— Ладно…, — только и ответил слегка ошалевший Паша, разглядывая Леру, а там было на что поглядеть, ибо хоть «на личико» она и не была первой красавицей, но фигура у нее, которую к тому же подчеркивало прекрасное вечернее платье — просто отвал башки!

— Лера — Павел. Павел — Лера, — представил их друг другу я

— Мешочек с награбленным оставляю тебе, транжирь! — сказал я Лере, имея в виду «жетончики», коими в «Госпоже Удаче» можно не только делать ставки на всякое, но и расплачиваться за все, — Не скучай, и дождись, пожалуйста, меня!

Сказав все это, я пошел вслед за явно развеселившейся Милой, а оглянувшись, увидел, как Лера, в шутливой форме, грозила мне кулаком. А может и не в шутливой…

Глава 51

Поднявшись на второй этаж «Госпожи Удачи», вслед за Милой, вошел в некий тамбур, где находились несколько человек, бывших, коль скоро оберегают они государеву любовницу, из службы охраны первых лиц государства.

— Ваш видеофон, пожалуйста, — заявила мне женщина из здешней «Секретной службы», причем просьбой это не было.

Видеофон отдавать категорически не хотелось, мало ли, что они туда засунут?! Стоило догадаться, что на приватную беседу с дамой Кристиной с такой штукой не допустят и оставить его Лере, но я, как всегда, умен задним числом…

Бросил взгляд на Милу, та в ответ лишь пожала плечами, мол, правила такие, что поделать?

Вынув из девайса накопитель, убрал его в сумку, чем вызвал, судя по лицам присутствующих, немалый к нему интерес. Там сейчас ничего компрометирующего меня или Семью не было, но раньше было, а в том, что специально обученные люди смогут при желании восстановить удаленную с накопителя информацию, я практически не сомневался. После чего, отдал девайс охраннице.

— Иная аппаратура для виртуальной записи, а также опасные предметы у вас при себе имеются? — спросила женщина

— Нет, — ответил я

После этого, она же досмотрела мою сумку, а затем, проверила меня портативным металлодетектором.

— Снимите ваши перчатки, пожалуйста, — потребовала она

— Я этого делать не стану, извините, — безразличным тоном ответил я и развернувшись к Миле добавил, — если здесь и сейчас это обязательная процедура, то увы и ах, с дамой Кристиной у меня сегодня поговорить не получится.

Вероятно, эта фраза, произнесенная устами четырнадцатилетней девушки-подростка, выглядела весьма комично, будто маленькая девочка «косит» под взрослую и важную «тетю». Но мне все равно.

— Вам есть что от нас скрывать, барышня? — тут же задал вопрос один из охранников

— Нет, мне совершенно нечего от вас скрывать, — вновь равнодушно ответил я

— Тогда ваше противление совершенно неясно…, — продолжил все тот же охранник, видимо старший из них

— Прос-то я не же-ла-ю сни-мать пер-чат-ки, — по слогам произнес я, — других причин нет.

Даже если охранница потребовала бы у меня снять платье,

дабы убедиться, что я не пронесу на себе ничего потенциально опасного, я бы снял. Разумеется, когда все мужчины вышли бы отсюда. Но не перчатки, которые я теперь всегда ношу на публике. Что поделать, у меня развилась новая фобия, и я категорически не желаю, чтобы посторонние видели мой искалеченный палец.

— Мой видеофон, пожалуйста, — сказал я, протянув руку за своим девайсом, всем видом показывая, что ухожу.

Охранница взглянула на Прислужницу.

— Пропустите ее, — внезапно из интеркома раздался голос дамы Кристины

Один из охранников, не говоря ни слова, открыл дверь, и я, вслед за Милой, прошел внутрь, оказавшись в «VIP аквариуме». Три стены этого помещения представляли собой тонированные стекла, открывающие вид на ресторан; тот самый зал, где я играл в карты; а также, на еще один зал, где я еще пока не был. А оглядев убранство самого помещения, стало очевидно, что это персональный зал для членов царской Семьи. Столы и прочее необходимое для игры оборудование тут присутствовало в полном объеме.

На диванчике, сбросив туфли и положив ноги на пуфик, сидела курившая сигарету дама Кристина, бывшая, судя по раскрасневшемуся лицу, уже изрядно подшофе. На низеньком столике рядом, стояла початая бутылка с чем-то и два высоких бокала.

Ее длинные шикарные волосы, видимо уложенные, на момент ее прихода в это заведение, в некую сложную прическу, сейчас были распущены, вызвав у меня зрительную ассоциацию с пшеничным полем…

— Я привела ее, — сказала Прислужница

— Вижу, — ответил дама Кристина, выпуская струйку дыма, затушив затем сигарету в пепельнице

— Здравствуйте Ваше императорское Величество, — поздоровался я

— Кажется, я тебе уже говорила, что я всего лишь «дама», — меланхолично ответила та, глядя на зал для игры в карты, а затем, обернулась ко мне и погрозила пальчиком, — а вообще, мы здесь все подруги: я, ты и Мила, а потому, зови меня просто Кристиной или можешь даже как-нибудь уменьшительно-ласкательно, я не против. Присаживайся, куда хочешь.

— Подруги? — поинтересовался я, подняв бровь

— Безусловно! — ответила та, — Если ты, конечно, не против моей дружбы…

Она выразительно посмотрела на меня.

— Как я могу быть против вашей дружбы, учитывая сообщения присланные мне «неизвестным доброжелателем»…

— Ну и отлично тогда! И давай, заканчивай уже мне «выкать». Когда мы беседуем приватно, обращайся ко мне по имени и на «ты». Мила — налей, пожалуйста, нам вина!

И Мила разлила содержимое бутылки по бокалам, которых уже оказалось три.

Честно сказать, обращаться на «ты» к царской любовнице мне было не комфортно. Во-первых, я уже привык к биологическому возрасту своей новой тушки, а к людям, бывшим значительно старше меня, а даме Кристине было тридцать один и относительно четырнадцати лет Кайи — разница значительна, я всегда обращался на «вы». Во-вторых, я всегда обращался на «вы» к людям, с которыми желал сохранить некую дистанцию.

— Чем освобождение твоего папы из-под стражи и снятие с него обвинений не повод всем нам немножко выпить?! — сказала она, приняв из рук Прислужницы бокал.

Затем из рук Милы получил свой бокал я.

— Ну, девчонки! За победу Семьи Филатовых в Суде! — громко произнесла тост Кристина.

«Чокнувшись», мы выпили. Ну как «мы»… Обе взрослые женщины выпили до дна, а я так, слегка пригубил, но даже от этой малости в моей голове зашумело. Это было игристое вино. Отличное, что, конечно, не удивительно. Разве любовнице Государя подали бы тут что-то вроде «Советского шампанского»? Нет, не подали…

— Не понравилось? — поинтересовалась Кристина, заметив, что я лишь пригубил напиток

— Понравилось, — честно ответил я, ибо хоть и едва-едва, но мне удалось-таки попробовать местный алкоголь, — но, во-первых, мой доктор предупредила меня о том, чтобы я избегала употребления алкоголя, из-за некоторых, скажем так, особенностей моего организма…, а во-вторых, я не желаю предстать перед ва…тобой в непотребном состоянии

— Ой, да ладно! — махнула рукой Кристина, — От одного бокальчика ничего же не случится! Да и мужчин среди нас нет, чтобы воспользоваться твоим «непотребным состоянием»… или… постой! Уж не считаешь ли ты, что мы с Милой можем?..

Она засмеялась.

— Да, я, кажется, слышала, что некоторые девчонки из твоего Пансиона были еще теми шалуньями! — хохотнула Кристина, — Но не бойся, с девочками мы только дружим! Правда, Мил?

Кристина была уже явно «хорошая». Мила в ответ лишь изобразила «фейспалм», заявив:

— Да откуда же я знаю, что тебе взбредет в голову?!

— Эй! — делано возмутилась царская любовница и запустила в Прислужницу небольшую подушку. Сильно промахнувшись.

— Думаю, что ты прекрасно поняла, что я имею в виду. То, что можно тебе, Кристина, того нельзя мне…, — сказал я

— Вот! Вот почему я искренне желаю, чтобы ты была **моей** подругой! — неожиданно трезвым голосом перебила меня она, — Помнится, когда мне едва-едва исполнилось шестнадцать, меня сюда, как я сейчас тебя, пригласила Государыня, вдовствующая теперь уже, и, как и я сейчас тебе, предложила мне свою дружбу. И выпить с ней… И знаешь, что я сделала?

— Думаю, что выпила, — ответил я

— Я была вне себя от радости, что мне, совсем еще девчонке, предложила дружбу **ОНА! —** сказала Кристина, поставив локоть на подлокотник, опершись щекой о свою ладонь, и задумчиво уставившись куда в один из залов, — Я, как и ты, до того момента ни разу не пробовала спиртного и на радостях «наклюкалась» так, что следующим утром совершенно не помнила то, как оказалась у себя в постели…ну и досталось же мне тогда от родителей! Больно вспоминать…

— Наверное их стоит сейчас пригласить сюда, — засмеявшись, сказала Прислужница

— Не вздумай! — заявила Кристина и стала шарить рукой в поисках другой подушки, а затем, обернувшись ко мне, продолжила, — ну а ты, девчонка на два года младше, чем была тогда я…такая разумная и такая спокойная!..

— Или это оттого, — Кристина внезапно, с прищуром, уставилась на меня, — что ты не считаешь меня значимой, потому, что я лишь **его** любовница?

— Вовсе нет, — с безмятежностью на лице и в голосе, ответил я, разглядывая ее многочисленные украшения, — с моей «колокольни» и ты и Государыня стоите столь высоко, что я не могу разглядеть, кто из вас выше.

— Неплохо сказано! Тебе лишь четырнадцать, а ты уже так хорошо умеешь льстить, — сказала Кристина, собственноручно наливая себе и Миле новую порцию алкоголя

— Говорить правду — легко и приятно, — пожав плечами, ответил я

— Иногда, — добавила Мила

— Ну, и, в-третьих, — продолжил я, — моя Семья ничего не выиграла. Да, папу, конечно, отпустили и это, безусловно, самое важное для меня! Но… у моей Семьи сегодня отобрали двадцать процентов акций основного актива. И один Бог знает, какие потери будут в итоге, когда другие Семьи получат от нас

причитающуюся компенсацию…за произошедший инцидент. И кто бы ни стоял за всем этим, они придумали и провернули практически беспроигрышную комбинацию. Хоть эти люди и питают явную нелюбовь к моей Семье, но я не могу не восхититься ловкостью их действий.

— Питают явную нелюбовь к твоей Семье… Как там говорили эти римляне? — Кристина начала щелкать пальцами, вспоминая

— Ищи кому выгодно, — подсказала Прислужница

— Вот! Точно! — обрадовалась царская любовница, — Кто, по-твоему, главный выгодополучатель от конфискации активов твоей Семьи?

— Государство? — поинтересовался я

— Государство — это я! — процитировала она Людовика XIV и заливисто расхохоталась, от чего мне даже показалось, что курила она вовсе не табак, а затем, резко прекратила смеяться, — **Ее** сыновья! Александр и Алексей! Она выклянчила для них у нашего супруга конфискованное у вас… Как там раньше говорили? «На кормление», кажется…

— Кристин, ужин привезли, — перебила ее Прислужница

— Пусть завозят! — распорядилась Кристина и в комнату вкатили тележку с едой из ресторана, а две работницы начали шустро сервировать круглый стол, после чего, одна из них быстренько удалилась, пожелав нам приятного аппетита, а другая — осталась прислуживать за столом.

— Надеюсь, ты не против морепродуктов? — поинтересовалась у меня царская любовница

— Абсолютно не против, — ответил я, садясь за стол и разглядывая привезенные морские деликатесы

— Кальмары у них особенно хорошо удаются, — сказала Кристина и мы приступили к трапезе, во время которой немного поболтали о разных пустяках, в основном обсуждая сам ужин.

Кальмар и правда удался великолепно, как, впрочем, и все остальные морские гады, приготовленные для нас поварами заведения.

После того как мы не спеша покончили с дарами моря, и работницы ресторана забрали посуду, Кристина, налив себе еще бокальчик «шампусика», вернулась на диван, похлопав рукой рядом с собой.

— Присядь ко мне, пожалуйста! — сказала она, что я и сделал, положив руки себе на колени

— Не будь такой скромницей! — со смехом сказала она и сев поближе, обняла свободной рукой меня за плечи.

Глядя на ее раскрасневшееся лицо и учащенное дыхание, я стал сомневаться насчет ее слов по поводу того, что «с девочками

она только дружит».

— На чем мы с тобой остановились? — ее горячее дыхание приятно согрело мне ухо

— На том, что конфискованное у моей Семьи идет в пользу Великих князей…

— Именно! — продолжила она шептать мне на ухо, — Но прежде, мне очень интересно, почему ты отказалась снять перчатки?

Я взглянул на обнявшую меня царскую любовницу. Эта женщина была живым воплощением греха. Понятно теперь, чего это у Государыни такой дурной характер. И если почтальон Печкин вредным был оттого, что у него велосипеда не было, то Государыня, оттого, что у ее мужа есть дама Кристина.

— Мой палец, — ответил я, — мне искалечили кисть руки

— Я хочу посмотреть! — безапелляционно заявила Кристина

— Кристина! Не будь бесстыжей и отстань от девчонки! Для нее это трагедия! — возмутилась Мила, но как-то вяло

Я, не говоря ни слова, стянул с руки перчатку и глядя в пол продемонстрировал той свою искалеченную кисть, которую она, поставив бокал на столик, тут же взяла в свои руки и начала рассматривать.

— Это случилось **тогда**? — спросила она минуты две спустя

— Да, в меня попали, — ответил я, а она поглаживала мою кисть

— Это никогда не прекратится, — она внезапно сменила тему

— Не прекратится что? — уточнил я

— **Ее** преследование нас. Тебя. Меня. И обеих моих дочерей, — ответила она

— Твои дочери — это и дочери Государя, великие княжны, что она им может сделать? — спросил я

— Поверь мне, многое! — ответила та, и вновь зашептала мне на ухо, — В ее власти испортить жизнь обеим принцессам… А ты… ты не только посмела остаться живой, но еще и при попытке убить тебя, **она** наступила на грабли, здорово треснувшие ее же по лбу, фигурально выражаясь. Из-за «вытекающих последствий» ее неудачной попытки твоего убийства, наш муж сильно охладел к ней, и, поэтому **она** теперь в бешенстве! Будь уверена, что **она** не простит тебе подобной своей неудачи.

— Но я-то здесь причем?! — возмутился я

Царская любовница в ответ лишь пожала плечами

— Какая разница, причем ты здесь? Будь ты даже абсолютно не причем… Натура у нее такая, — сказала Кристина, отпустив мою руку и вновь приобняв меня

На несколько секунд в помещении установилась тишина. Я

вернул перчатку на место.

— А знаешь, чего еще **она** тебе не простит? — поинтересовалась Кристина

— Чего? — спросил я

Она широко мне улыбнулась и проведя пальцами по моей щеке, ответила:

— Нашей сегодняшней встречи. Будь уверена, ей сегодня же о ней донесут, — Кристина вновь взяла бокал и сделала глоток, — в недалеком будущем ты должна будешь стать игрушкой для ее родственника, а разве подобного рода «игрушки» могут позволить себе вести за ее спиной какие-то шашни со мной?

— То есть ты нарочно пригласила меня…, — начал я

— Конечно, нарочно! — засмеялась она, перейдя затем на серьезный тон, — когда достигаешь определенного положения в нашем обществе, то любое свое действие приходится обдумывать даже не трижды, а раз десять. А если не будешь этого делать, то очень скоро потеряешь свое положение. И если оно достаточно высоко, то, возможно, вместе с головой.

Разглядывая мое лицо, она улыбнулась.

— Я не злая женщина, Кайа, — сказала она, — и совершенно точно не враг тебе. Как я уже говорила ранее, я искренне желаю твоей дружбы. И я вовсе не заставляю тебя делать выбор между **ней** и мной. Подобного выбора у тебя нет. Но есть другой: захочешь ли ты стать **моим** другом или же нет? Вот и все.

— Зачем это вам? — спросил я

— Тебе, — поправила меня она и вновь провела большим пальцем по моей щеке

— Тебе, — повторил я

— Мила, — сказала она Прислужнице, — будь добра, открой еще бутылочку

— Может уже хватит? — поинтересовалась та в ответ

— Нет, пока еще нет, — ответила царская любовница и получив полный бокал, откинулась на спинку дивана

— Если в нашем с **ней** положении сохранится нынешний статус-кво, то мы с тобой, Кайа, а также вся твоя Семья, а произошедшее было лишь первым ее действием против вас, будь уверена, обречены…

— Извините меня, дама Кристина, — перебил ее я, вставая с дивана, — но у меня, кажется, что-то со слухом, я не расслышала вашей последней фразы. Да и поздно уже, я, пожалуй, пойду. До свидания…

— Сядь на место! — твердым голосом и властным тоном потребовала царская любовница

Вздрогнув, я сел обратно на диван.

— Испугалась? — вновь зашептала она мне на ухо, приобняв

Я отвернулся, а она, выпив залпом оставшееся в бокале, поставила его на столик.

— Мне тоже страшно, — сказала она, улыбнувшись

— Мне четырнадцать лет. Что я могу? Зачем я вам нужна? Для чего вы мне все это рассказываете? — спросил я, не глядя на нее

— Сейчас самое главное сделать так, чтобы ты осталась жива будущей весной. А если тебя не станет, то и рассказывать тебе сейчас все остальное, будет бессмысленно. И даже вредно, — ответила она

— С чего это меня должно «не стать»? — поинтересовался я

— Тебе рассказали о Семействе будущего любовника? — вопросом на вопрос ответила та

— Ну так, в общих чертах, матушка поведала мне про будущего любовника, что он, с ее слов, любит доставлять своей партнерше физические страдания…садист, — пожав плечами, ответил я

Кристина, наклонив голову глядела на меня.

— Всего я, конечно, не знаю. В конце-концов, все то, что делается, происходит «за закрытыми дверьми», но кое-что рассказать тебе могу, — сказала она, облокотившись, на спинку дивана и глядя в потолок, выполненный в виде звездного неба, — его самого тебе опасаться особо не следует. Наверное. Думаю, что он тебя даже пальцем не тронет, в том смысле, чтобы творить с тобой что-то этакое. Садистское. Одно дело, если бы тебя не удочерил Игорь…, а другое дело… Нет, это жалкое и трусливое ничтожество, как и большинство садистов, предпочитает измываться над теми, за кого не отомстят. В основном, как я слышала, подобным образом он развлекается с проститутками. Но то профессионалки, им за это платят деньги, и они молчат или…да кто их, если что, искать станет? А удочеривший тебя человек кротким и смирным нравом не отличается. И его жена тоже. Твоей жизни, скорее всего, угрожает не он. Хотя, конечно, гарантий я дать не могу.

— А кто? — поинтересовался я

— Жена ничтожества, — ответила Кристина, обнявшая меня вновь, — эта маленькая серая мышка любит свое ничтожество до умопомрачения. И это не фигура речи. В конце-концов, как говорится, с кем поведешься… до тебя у ничтожества было две зарегистрированных любовницы. Обе девицы были признанными специально для этого дела бастардами, то есть на их дальнейшую судьбу тем Семействам было наплевать.

— И что с ними случилось? — спросил я

— Официально — пропали без вести. Ушли куда-то, так сказать, и не вернулись, — ответила она

— А неофициально? — полюбопытствовал я

— А неофициально — «серая мышка» на почве ревности свихнулась. И когда эти девушки надоели ничтожеству, он, как говорят, отдал их в качестве развлечения супруге. А получив такой «подарок», та, опять же, как говорят, впала в какое-то кровавое безумие и устроила такое «представление»… неважно, в общем. Таким образом неизвестно, будет ли с тобой развлекаться «по-особому» ничтожество или же нет, но будь уверена, что «серая мышка» сделает все, чтобы ты не задержалась на этом свете, причем максимально неприятным для тебя способом. Особенно, если ее муж станет обращаться с тобой нормально, а не как с прочими. Это, поверь мне, будет для нее как красная тряпка для быка. А стало быть, нам нужно сделать все, чтобы данный союз Семей не состоялся.

— Он не может не состояться. Что такое я и моя жизнь, когда на кону стоят **такие** средства? — поинтересовался я

Кристина, встав с диванчика, нетвердым шагом направилась к игровому столу, на который Мила поставила початую бутылку, и налив очередной бокал, вернулась на диван, где, выпив напиток в два глотка, зашептала мне на ухо такие вещи, от которых у меня, натурально, вылезли глаза из орбит и волосы встали дыбом.

— Что это была за лютая хрень, Кристин? — в ужасе прошептал я

— Так говорят, — ответила, пожав плечами, та, — если сможешь подтвердить эти слухи, то считай, что ты свободна, как птица в небесах…

— Ты смеешься? — разозлившись, спросил я, — Если тот кошмар, о котором ты мне сейчас поведала и в самом деле имел место быть, и я, допустим, каким-то образом заполучу доказательства тому, то что я с ними буду делать? Обнародую?! Да это равносильно тому, что подложить бомбу под трон твоего супруга…

— Тиши-тише, — прервала меня она, приложив указательный пальчик к моим губам, — если мы с тобой все сделаем как надо, а так и будет, то бомбу под трон, фигурально выражаясь, мы действительно подложим. Под **ее** трон!..

— Долбанутая Семейка…, — меня передернуло от отвращения

— Что есть, то есть, — согласилась царская любовница, — ты очень молода и неопытна еще, но почему-то имеешь такое взрослое и зрелое суждение о столь непростых вещах…Интересно,

почему? Но ты должна быть предельно осторожна во всем, что говоришь и делаешь. Ты рассказала своей матушке о том, что тебе приходили **те** сообщения?

— Только об одном из них, — ответил я, пожав плечами, — о том, где «неизвестный доброжелатель» предупреждал о том, что за мной идут убийцы…

— Хорошо, хорошо, — перебила меня она, прикусив свой указательный палец

— А по поводу **того** изображения…, — начал я

— Потом. Сейчас это не так важно, — перебила она меня, — значит так, помогать тебе в открытую я не могу, за мной постоянно наблюдают. Но я твой друг и кое-какие возможности у меня все-таки есть. Об этом тоже потом…Твоя матушка! Ни в коем случае **ничего** из того, о чем мы говорили, ей не рассказывай! Она тебе настоящий друг, кто бы что ни говорил, но не тогда, когда дело касается царской Семьи…Ясно тебе?

Голос ее становился все более бессвязным.

— Ясно, — ответил я

— Это хорошо! — ответила она и улыбнулась мне до ушей, — а теперь я еще кое-чего хочу от тебя!

— В моих силах чем-то тебе помочь, Кристина? — спросил я

— Да! — ответила та и взяв в свои ладошки мою голову — поцеловала.

Как говорится, удары судьбы нужно принимать стойко. Конкретно этот «удар» я решил именно так и принять, а поэтому, скосив взгляд на Милу, которая отвернувшись от нас, смотрела на ресторан, просто расслабился и получал удовольствие, ощущая ее потрясающий запах, приятные выпуклости…ну и все остальное, тоже приятное, что ощущается во время шикарного поцелуя с шикарной женщиной. Тело не протестовало.

Минуты через две, а быть может и через десять, кто в такие моменты следит за временем, дама Кристина отлипла от моих губ.

— Неужели я не первая? Где это ты, негодница, так хорошо научилась целоваться? — облизнув губы, прошептала она мне на ушко, а затем, уткнулась в мое плечо, и я услышал ее мирное сопение.

— Она заснула, — сообщил я Миле

Царская любовница оставалась в моих объятия до того момента, пока ее Прислужница не сняла с нее серьги, а затем, уложила ее на диван. Подложив ей под голову подушку, она накрыла ее пледом.

Кажется, кое-кому, завтра с утра, будет очень стыдно…а может быть и нет.

— Пойдем, присядем, — шепотом сказала Мила

— Не знаю, Кайа, что такого в тебе обнаружила моя хитрая, как лисица, Госпожа, — сказала та, когда мы сели за карточный стол, — но она тебе оказала такое доверие, каковое на моей памяти, а знаю я ее с детства, она не оказывала никому, кроме меня…

В моей голове сразу возникли неприличные фантазии с царской любовницей и ее Прислужницей в главных ролях.

— …пожалуйста, не подведи ее! Тебе еще мало лет, но ты, из того, что я о тебе узнала, производишь впечатление крайне разумной барышни. Таким образом, надеюсь, тебе не надо напоминать о том, что болтать об увиденном и услышанном здесь, ты не должна?

— О том, что дама Кристина предложила мне поучаствовать в задуманном ей небольшом любительском государственном перевороте? Или о том, что, перебрав лишнего, она полезла ко мне целоваться…

— Ты все верно поняла. Особенно, насчет первого. Ты слишком прозорлива для четырнадцатилетней девчонки, даже странно. А что же до второго…пожалуйста, не отвергай подарок, который она тебе сделает в качестве своего извинения за…

— Мила, — перебил я ее, — передайте, пожалуйста, даме Кристине, что я совершенно не в обиде на нее за произошедшее и рада оказанному мне доверию.

Я выразительно посмотрел на Прислужницу.

— Спасибо, я передам, — ответила та

— И я никому и ни о чем не расскажу, а что касается дружбы… наша искренняя дружба возможна только в том случае, если эта самая дружба не нужна ей лишь для того, чтобы «втемную» использовать меня в своих замыслах.

— Я передам, — хмыкнув, ответила Мила, — а теперь пойдем, верну тебя твоим родителям, они должно быть уже заждались.

На первом этаже «Госпожи Удачи», в ресторане. Негромко играла живая музыка.

— Здравствуй, Мила, — поприветствовала Прислужницу заметившая нас «матушка»

— Добрый вечер, — поздоровалась та в ответ

— Привет, Мил и спасибо за то, что привела наше чудо

Прислужница матушки поднялась из-за стола, чтобы поприветствовать Милу.

— Возвращаю вам Кайю, а теперь извините, меня ждет моя Госпожа, до свидания

И она удалилась.

Собираясь сесть на свободный стул, я заметил отсутствие Леры и разведя руками, принялся озираться по сторонам, как Винсент Вега из «Криминального чтива».

— Мы тебе доверили такую замечательную сопровождающую, — с постным выражением на лице заявил «папаша», — но стоило нам покинуть вас двоих ненадолго, как ты, злодейка, тут же продала ее…

— Ладно, — ответил и садясь за стол, поинтересовался, — а деньги-то, вырученные с ее продажи, где я могу получить?

— Ее до завтра не будет, — сказала слегка зевнувшая и прикрывшая ладошкой рот «матушка», — и если вдруг, милая дочь, ты не будешь знать, чем занять себя в будущем, то помни, что у тебя явный талант быть свахой.

— А, ага, ясно, — ответил я, — жаль, мы сегодня, после посещения игорного дома, собирались сходить в баньку…

— Кайа, — сказал «папаша», ощупывая свой нос, — я тебе уже говорил, что у нас с твоей мамой, самая лучшая дочь на свете?

Позже, в авто.

— О чем с тобой хотела поговорить дама Кристина? — поинтересовалась «матушка», когда мы возвращались из «Госпожи Удачи»

— Да, собственно, мы говорили ни о чем. Она увидела, как я играла в карты и решила, кажется, что ей нужен собутыльник и собеседник в одном лице. Ну и в пику Государыне, конечно.

— Ты пила с ней? — поинтересовался «папашка», поглаживая руку «мамашки»

— Шутишь, что ли, пап? Забыл, какой «интересной» была моя встреча с царской Семьей в прошлый раз? Я сидела вся как на иголках и просто слушала, что она мне говорила. Меланхоличное настроение у дамы Кристины было. Надеюсь, что ваша важная встреча тоже прошла хорошо?

— Неплохо, но все могло бы быть и лучше, — ответил папаня

— И хуже, тоже, — добавила матушка

Далее, всю дорогу до нашей гостиницы, они были заняты друг дружкой, а я размышлял о всяком. Государь, хотел он того или нет, объявил охоту на нашу Семью. Ату их, ату! И, кажется, жизнь моя от этого станет лишь «интереснее»…

Государева любовница…ее Прислужница, почему она не вмешалась в происходящее, коль видела, что ее Госпожа была «готовая»? Не могла? Не хотела? Так и было задумано ими изначально?

Почему дама Кристина решила быть со мной столь откровенной, зная, что «матушка» у меня натуральный царский опричник? Лично я бы совершенно точно не стал откровенничать

с четырнадцатилетней девчонкой… Что она такого может обо мне знать? А ее предупреждение? Почему она сразу не сообщила «компетентным органам», когда ей стало известно о том, что меня хотят убить?..

Не может быть…Или может? Может ли быть, что посланные ей люди внимательно следили и записывали все происходящее, находясь поодаль? Ну в рамках ее борьбы с Государыней — такое не исключено…но тогда, вполне возможно, что она…

Нет, надеюсь, что нет. Но, если да, и она вдруг, в нужное ей время, вытащит на свет Божий виртуальную запись с тем, как я… я для нее стану во всем послушной марионеткой.

— Нееет, — негромко вслух сказал я, — мы с ней определенно должны стать лучшими подругами.

— Ты что-то сказала? — спросил оторвавшийся от «маменьки» «папенька»

— Нет, пап, ничего. Мысли вслух, — ответил я, отвернувшись от окна и слегка улыбнувшись

А еще, она всеми силами будет способствовать тому, чтобы запланированный союз Семейств не случился. И чтобы там она не говорила, моя судьба ее волнует мало.

Личные покои Государыни, в то же самое время.

Говорят по-немецки

— Ваше императорское Высочество, ну-ка марш в постель! — заявила Государыня своей дочери, великой княжне Марии

— Ну, мама, — топнув ножкой, запричитала маленькая девочка, — я не хочу спать! Я хочу остаться с тобой, Гретхен и Юлей!

Государыня подхватила дочь на руки и усадила на колени.

— Конечно, Ваше императорское Высочество, — сказала она ласковым тоном, — вы можете остаться сейчас с нами. Но, тогда завтра вы не посетите зверинец. Или одно, или другое.

Великая княжна, поцеловав щеку Государыни, осторожно слезла с ее коленей.

— Спокойно ночи, матушка! — сказала она

— Спокойно ночи, Гретхен, — пожелала она доброй ночи Прислужнице Государыни

— Спокойной ночи, Юля, — попрощалась она с подругой Государыни, родственницей Кайи

Получив поцелуй на ночь от матушки и пожелания доброй ночи от всех остальных, Великая княгиня, в сопровождении няньки, отправилась в детскую.

— Уже поздно, — сказала Юля, — я, пожалуй, тоже пойду…

— Останься, пожалуйста! — попросила подругу Государыня, — **Он** в ближайшее время в моих покоях не появится,

а раз так, то…давайте сегодня праздновать! Тем более, что отличный повод для этого есть! Устроим, как в юности, пижамную вечеринку!

— А что? — ответила Юля, улыбнувшись, — я не против!

Минут через двадцать, когда все три женщины были уже в пижамах.

— Между прочим, — сказала Гретхен, разливая шампанское по бокалам, — сегодня вечером Филатова Кайа, та самая, имела приватную встречу в «Госпоже Удаче», с…со шлюхой.

Государыня, которая лежала на кровати, опершись на локоть, трижды глубоко вздохнула и сквозь зубы процедила:

— Тварь…

— Известно, о чем они говорили? — спросила она, справившись с эмоциями

— К сожалению, нет, — ответила Прислужница

— Все-таки стоит, пожалуй, попросить Лару дать еще одно представление «Девушка и пёс»!

— Кажется, — сказала Юля, сделав печальное лицо, — мою дорогую племянницу ожидают нелегкие времена…

— Черт с ними! — сказала Государыня и подняла свой бокал, — за сегодняшнюю победу! И за тебя, Гретхен! За ту, кто придумала этот великолепный план и столь ловко воплотила его в жизнь!

— За победу! — дружно отозвались женщины

«Чокнулись», они выпили до дна.

— Жаль, конечно, что Игорь вышел сухим из воды…, — сказала довольная Прислужница

— Только в этот раз, — добавила Государыня.

Глава 52

Санкт-Петербург, территория судостроительного предприятия, день спустя, утро.

Весь предыдущий день меня приобщали к культурной жизни столицы, в основном посредством экскурсий. Прямо с утра и до самого вечера я, вместе с не выспавшейся, но довольной жизнью Лерой, посещал всякие крепости и прочие музеи *с содроганием ожидая того момента, когда потащат в дворцовый комплекс на экскурсию, где меня позовет на «пару слов» Государыня, но обошлось, экскурсии туда скорее всего не организовывают*, так что ноги мои «гудят» до сих пор. И приятные воспоминания от поцелуя с царской любовницей, пока что тоже не померкли. Как и воспоминание о том, **что**, со слов все той же дамы Кристины, творит один из членов Семейства моего потенциального любовничка *меня передернуло от ужаса и отвращения*. На экскурсиях этих, кстати, я не был, как это обычно бывает, в составе какой-нибудь группы. Вместо этого, экскурсовод проводила мероприятие исключительно для меня одного *хорошо быть богатенькой буратинкой из уважаемой Семьи!*, хотя, конечно, вокруг бродили толпы народа, куда ж без этого. Очень необычный опыт, а мне есть с чем сравнить, ибо всякие экскурсии я любил всегда. К сожалению, сравнить **этот** Питер с**тем**, у меня не выйдет, ибо в**том** я банально не был.

— Пап, — спросил я, когда мы вышли из авто около здоровенного ангара, в окружении гораздо б**о**льшего, чем обычно, числа охранников, что меня изрядно напрягло, ибо это явно не к добру, от которого к берегу вела двухколейка, так что, судя по всему, тут строят не слишком крупные, но все же корабли, — у вас с мамой здесь запланированы какие-то дела?

— Сейчас сама все увидишь, — ответил он, приобняв меня за плечи

У входа в ангар нас ожидали некие работники данного предприятия, с представительным мужчиной во главе, из тех, кого обычно называют «лицом компании», одетым в хороший костюм. На всех на них были надеты строительные каски, которые выдали и нам *техника безопасности и все такое прочее*, когда этот «комитет по встрече» должным образом поприветствовал наше Семейство. А затем, войдя наконец в ангар, я увидел **ЕЕ.**

Скажу честно, к яхтам я всегда питал слабость, бывая на них иной раз, на всяких вечеринках, по приглашению того или иного знакомого и, наверное, не случись того, что случилось, когда-

нибудь приобрел бы себе в собственность. Но, конечно, не такое чудо, каковое сейчас предстало передо мной. Для подобной красотки я в **той** жизни, что называется, рылом не вышел.

Не могу похвастаться точным глазомером, но думаю, что не ошибусь, если скажу, что этот корабль в длину был около сорока метров. Я, конечно, не знаю характеристик этой яхты, но уверен, что «ходить» она будет просто отменно, ибо передо мной, бесспорно находился шедевр корабельного дизайна. Я в своей жизни видел множество яхт, в том числе вживую, но **эта** — одна из красивейших. Она была похожа на космический корабль из далекого-далекого будущего. Обтекаемая и лаконичная во всем. Шедевр, просто шедевр. Снаружи, на вид, яхта была полностью закончена, все работы, что велись сейчас на ней, происходили внутри.

— Нравится? — спросил «папаша», заметив восхищение на моем лице

— Просто нет слов, — ответил я, качая головой, — речная?

— «Река-море», — ответил тот

Очень удобный вариант для РИ, в которой чрезвычайно широкая сеть речных каналов и вообще, речное движение развито исключительно хорошо

— Ты ее купил? — спросил я

— Да, — ответил «папаша», а «матушка», стоявшая позади довольно громко хмыкнула, — это спецзаказ для одного моего хорошего знакомого, у которого сейчас некоторые финансовые трудности, и он искал на нее покупателя.

«Папаша» посмотрел на меня, продолжив:

— А я как раз раздумывал над тем, что бы такого подарить на Новый Год своей любимой, но не в меру бойкой дочери, — в этом моменте «матушка» откровенно рассмеялась, — и тут так удачно подвернулось предложение с этой яхтой. Учитывая твой характер, мне показалось, что **это** будет для тебя наилучшим подарком. Хоть еще и чуть-чуть рановато, но это тебе наш новогодний подарок. Внутри, пока что еще идут работы, но, когда следующей весной, — на слове «весна» у него слегка дрогнул голос, — начнётся Навигация, ты уже сможешь совершить на ней свой первый вояж…практически куда захочешь. Как тебе, нравится?

Понравился ли мне подарок?.. «Лицо фирмы», до этого момента общавшееся в основном с «папашей», услышав для кого предназначена эта яхта, тут же переключилось на меня. Длинна, скорость, максимальная дальность хода…он все говорил и говорил, но я его не слышал, лишь улыбался, вежливо кивая. Я не мог отвести взгляда он корабля, глядя на который у меня возникло ощущение переломного момента в этой жизни. Это

будто Солнышко проглянуло сквозь тучи после недели беспрерывного дождя.

— Пап, — сказал я, утирая выступившие в уголке глаз слезы, — это… это…это просто…

Я развел руками.

— Просто это…пап, это просто…у меня нет слов! Спасибо!

— Не забудьте дать ей имя к началу эксплуатации, — это я вновь услышал голос «лица компании»

Я аккуратно подошел к кораблю и протянув руку, дотронулся ладошкой до корпуса.

— Я уже знаю, как ее назову, — ответил я

— И как же? — поинтересовался «папаша»

— Она похожа на космический корабль, — сказал я

— О! Вы заметили сразу…, — улыбнувшись, сказал представитель судостроителя, — это одна из «фишек» данного проекта

— Я назову ее «Галактикой», — сказал я, ибо глядя на яхту, в моей памяти моментально всплыл отличный фантастический сериал, — да, пожалуй, «Галактика» — отличное для нее имя.

— Прекрасное имя для этого корабля, барышня, прекрасное имя! — поддержало мой выбор «лицо компании»

— Какова ее длинна? Извините, я прослушала…, — поинтересовался я, разглядывая свою новую игрушку

Ну как свою. Пока она лишь формально моя. Ибо те конские расходы, требуемые на обслуживание данного корабля, будут само-собой оплачиваться Семьей.

— 39 метров, барышня, — ответил мне тип

— Яхта просто класс! Завидую тебе, — шепнула на ухо мне Лера, когда мы возвращались к авто

— Зависть — это грех! — высокопарно ответил я, подняв указательный палец вверх, Лера «прыснула» от смеха

Позже. В автомобиле. По дороге в Москву.

Ехали мы необычной компанией: «папаша», я и Прислужница «матушки». Сама же «матушка» ехала в спецавто с узлом связи на борту, также бывшим в нашей колонне, занимаясь какими-то служебными делами. Напоследок, так сказать. Ведь вскоре она, как я слышал, должна будет покинуть свою должность по понятным причинам и вернется ли когда-нибудь еще не службу — большой вопрос. Впрочем, службе своей она отдала немало лет и в карьерном плане, со слов «папаши», достигла больших высот. Очень больших. С другой стороны, вероятно государство такими кадрами, как она, разбрасываться не станет и после декрета, матушке найдут новую должность. Наверное.

Но я думал с нами будет Лера, которая со вчерашнего дня

пребывает в отличном расположении духа. Однако нет, она ехала в другой машине, а значит, предстоял разговор в чисто Семейном кругу. И он состоялся…

Где-то на полпути в Москву, «папаня», отложив в сторону свой ВЭМ, с которым работал, обратился ко мне:

— Кайа.

— Да, пап? — ответил я, оторвавшись от созерцания зимних пейзажей, проносящихся за окном, и приводя спинку своего кресла в более высокое положение, дабы удобнее было разговаривать

— Я заметил, — сказал он, — что несмотря на… случившуюся с тобой беду, ты очень внимательная, проницательная и умная барышня. И эти качества в тебе отчего-то развиты гораздо сильнее, чем, по идее, должны были бы быть в твоем возрасте. Но это и к лучшему. Как ты наверняка сама уже заметила, наша Семья сейчас оказалась в сложном положении. Мы понесли не только большие потери в активах, а соответственно и финансовые, но и что гораздо хуже — репутационные. И понесем еще большие, пока все не закончится… и в данный момент совершенно неважно кто именно внутри Семьи повинен в этом…

— Не важно?… — хмыкнул я

— Не важно, — подтвердил «папаня», — не перебивай, пожалуйста. У нашей Семьи есть Глава — это твой дед. Именно он и будет определять степень вины и наказание для провинившегося. Не я, не ты. Он.

— Я поняла, — ответил я

— Хорошо, — сказал он, — я знаю, что ты не любишь деда. А также и то, что сама ты ему в значительной мере безразлична. На это не нужно обижаться, хоть подобное, конечно, очень неприятно во всех смыслах — это надо просто принять к сведению. И помнить об этом. В его глазах — ты лишь незначительная пешка в «партии». Ты была принята в Семью не столь давно, а стало быть, не можешь знать и понимать всего того, что знают и понимают другие ее члены, воспитывавшиеся в ней с рождения. Твой дед — всегда был человеком жестким, порой даже жестоким, в том числе и по отношению к членам собственной Семьи. Часто не справедливым. И он пожилой человек. А к старости у людей обычно все их черты характера, положительные и отрицательные, становятся более выраженными. Но за долгие годы, он множество раз успешно провел нашу Семью через серьезнейшие кризисы и сегодняшний — еще не самый тяжелый из них.

— Пап, — поднял, ладошками вперед, обе руки я, прерывая его монолог, — я юная барышня и у меня от столь долгого

вступления заканчивается «оперативная память», так что я теряю суть разговора…

— Хорошо, буду короче, — ответил он, — после всего недавно произошедшего, у твоего деда сильно пошатнулось здоровье, а он к тому же сегодня будет вынужден принять тяжелое для себя решение. Решение относительно одного из членов Семьи. Относительно своего сына.

— Николая? — спросил я

— Да, — ответил тот, — и это для него будет очень непросто

— И чем же это он такой особенный? — поинтересовался я

— Твой генетический отец — любимый сын его матери. Твоей бабушки. Ты понимаешь, что это означает? — спросил он

— Никаких чрезмерно жестких мер в его отношении дед предпринимать не станет, бабуля костьми ляжет, но спасет «бывшего папаню», — ответил я, пожав плечами

— Верно, — согласился он, — это против правил, которых придерживается твой дед, но он сейчас не пойдет на разрыв со своей женой. Потому как это развяжет настоящую войну внутри Семьи и погубит ее. Вероятнее всего, Николая отстранят от любых Семейных дел и отправят куда-нибудь подальше. А по договоренности между твоим дедом и Государем, я вскоре приму от отца все дела нашей Семьи.

Я внимательно вгляделся в лицо «папашки», на котором не дрогнул ни единый мускул. Мое почтение его выдержке. Это же насколько для него должно было быть неприятно и даже болезненно столь разное отношение его родного отца к нему и к его брату. Даже несмотря на то, что «дед» вынуждено согласился на «предложение от которого невозможно отказаться» со стороны Государя.

— Не поняла, — ответил я, — а дедушка?..

— Несмотря на все потери, наша Семья контролирует слишком многое и быть во главе всего этого, параллельно решая внутрисемейные проблемы, уже непосильная ноша для такого пожилого человека, как он. Через месяц мой отец публично объявит о том, что я — новый Глава Семьи.

— Как это? Он что, просто возьмет и скажет: «я устал, я ухожу!», а затем соберет чемодан и уедет на экзотический остров, доживать свои деньки в окружении знойных красоток?

— Ну, последнее **теперь** ему вряд ли позволит твоя бабушка, — улыбнулся «папаня», — твой дед будет заниматься государственной службой. Займет место в имперском Сенате.

— Звучит неплохо! Ты — самая большая «шишка» в Семье, дед — имперский сенатор. Но, где здесь «но»?

«Папаша» достал из холодильника бутылку с водой и налив

бокал мне и себе, спросил:

— А сама ты как думаешь?

— Думаю, что раз «бывший папаня» останется жив-здоров, то бабуля, когда ей подвернется удобный случай, устроит восстание против тебя, дабы именно ее ребенок, в итоге, получил все. А мы: ты, мама, мой брат или сестра и я…уйдем погулять и не вернемся.

— В общем и целом ты права. Хотя, конечно, все не будет столь жестоко, как ты сейчас обрисовала… — сказал «папаша»

Я откинулся в кресле и с бесстрастным выражением на лице, сказал спокойным тоном, слегка его перебив:

— Если ты, папа, и правда считаешь, что: «все не будет столь жестоко», а не просто успокаиваешь меня, то, пожалуйста, не соглашайся становиться главой этой Семьи. Потому, как в таком случае, мы действительно в один прекрасный день «выйдем в магазин за хлебушком» и не вернемся. На такой исход, папа, если ты не готов идти на самые решительных меры, я готова поставить все что угодно! Неужели ты забыл, на что готовы пойти эти люди?! Они подвели тебя под эшафот! Они устроили настоящую войну практически в центре Москвы просто затем, чтобы убить мозолящую их глаза барышню. Просто потому, что я им не нравлюсь! А что начнется, когда ты из их зубов начнешь вырывать власть и финансы?! Папа! Я хоть и юная барышня, мало что понимающая в этой жизни, но уверяю тебя, что если ты начнешь принимать полумеры в отношении откровенно враждебных тебе людей, то все закончится исключительно нехорошо! И сам Государь тебе за это спасибо не скажет, это как пить дать. Хотя, быть может, он в конечном итоге хочет национализировать всю тяжелую оборонную промышленность…

Вообще-то у меня есть нехорошее такое предчувствие, что сам царь еще «допрыгается» со своими попытками «отжать» активы у столь крупных капиталистов. Эти ребята, как я успел заметить еще в прошлой жизни, подобного не любят. Сильно не любят. Не уверен, что царь или те из советников, которые «подбили» его на это, до конца понимает, чем все может закончиться. А закончиться все может очень быстро и очень плохо. Для Государя. Ибо этот самый более-менее крупный капитал посмотрит на все происходящее с Филатовыми, да и решит, что вообще-то неплохо было бы иметь другого, более безопасного для их активов царя, чисто на всякий случай. И тому никакие спецслужбы вместе с армией не помогут.

— Хватит, — негромко сказал «папаша», — если твоя мама успешно разрешится от бремени — мои права на Главенство будут неоспоримы, тем более, что у меня есть **его** поддержка…

— А меня, в качестве твоей возможной наследницы они не примут, — улыбнулся я

— Чисто технически, согласно уложению нашей Семьи, отстранить меня от наследования из-за того, что лично ты им не нравишься — они не смогут. Но, как бы это неприятно не прозвучало, тебя в качестве следующего лидера Семьи они не примут никогда. Надеюсь, ты с этим в итоге смиришься.

Я громко и от чистого сердца рассмеялся.

— Папа, да мне сто лет не сдалось когда-нибудь становиться Главой нашей Семьи. Быть может это весьма приземленно, но я, несмотря на то, что естественно стремлюсь быть человеком уважаемым и значимым, жить предпочту спокойно и размеренно, работая на благо нашей Семьи. А общее управление всеми активами подобного размера этого не подразумевает априори. Не говоря уж о «разруливании» разнообразных конфликтов между родственниками. Нет, не хочу заработать язву и бессонницу. Но пап, я правда не могу понять, зачем ты мне все это рассказываешь, ибо я, как ни крути, никакой самостоятельностью, в силу возраста, пока еще не обладаю и вынуждена делать лишь то, что скажут.

— Вот я и хочу, чтобы ты делала то, что мы с мамой тебе скажем, — одобрительно кивнул мне «папаша», — и так, как, во-первых, в тебе этой самой самостоятельности, как мы с твоей мамой могли заметить, гораздо больше, чем у прочих барышень твоего возраста. Определенного рода самостоятельности, по крайней мере. А во-вторых, ты разумная. И поэтому, я решил ввести тебя в курс дела, дабы ты ясно понимала, что от тебя требуется и зачем. И чтобы ты от непонимания ситуации не стала делать «как лучше», а делала все «как надо».

— Что я должна делать? — спросил я

— О, ничего сложного. Просто на сегодняшнем Семейном собрании, да и вообще с сегодняшнего дня, ты должна держать язык за зубами. В том числе перед дедом! Не доводи его, как ты любишь это делать, до белого каления, пожалуйста. Я понимаю, что такой неординарной личности, как ты, и я не иронизирую, у которой по любой теме найдется, что сказать — это непросто. Но я тебя об этом прошу. И вообще, веди себя так, чтобы даже у тех, кто тебя терпеть не может сильнее прочих, не было ни единого повода к тебе придраться. Ты должна демонстрировать свою вежливость и уважение ко всем членам Семьи, без исключения. А сегодня в Имении соберутся все, в том числе члены боковых линий Семьи. Сегодня все они будут оценивать меня, как следующего Главу нашей Семьи. И коль скоро они посчитают, что ты их не уважаешь, то это, безусловно будет воспринято ими, как

то, что ты всего лишь ретранслируешь мое к ним неуважение. А учитывая то, что все эти люди кормятся с активов Семьи, которые уже сейчас значительно уменьшились в объемах и один Бог ведает, на сколько уменьшатся еще, в ближайшем будущем, а это означает, что, во-первых, им придется затянуть пояса, чего делать они не привыкли. Ну, а во-вторых, они могут решить, что на всех не хватит и что я… Мне нужно тебе объяснять, чем подобные их домыслы могут обернуться для нас в итоге?

— Нет, пап, я поняла и буду делать ровно то и так, как вы с мамой мне скажете, — ответил я

— Очень хорошо, — сказал «папаша», — это ровно то, чего я от тебя ожидаю

— Поскорее бы началась Навигация…, — мечтательно заметил я

«Папаня» рассмеялся.

— Пап, у меня есть к тебе просьба, — сказал я

— Какая? Если это в моих силах, я ее выполню, — ответил он, пожав плечами и наливая себе еще воды

— Я хочу, чтобы у меня были уроки черчения, — сказал я

— Черчения? Или рисования? — уточнил он

— Черчения, — подтвердил я

— Ладно, — ответил тот, пообещав, — будет тебе черчение.

В Имении Семьи Кайи. В апартаментах ее родителей. Вечер.

Когда я стоял и смотрел в зеркало на итог долгой и кропотливой работы целой толпы специалистов по наведению женской красоты *мне эти женщины очень понравились, ибо делали свое дело шустро, аккуратно и были вежливы, но не подобострастны, что лично меня бесит до предела*, занимавшихся мной, «матушкой» и ее Прислужницей, я пришел в восторг от своей Кайи. Если я скажу, что моя тушка в этом неприлично великолепном и весьма удобном платье, с этим стильным макияжем и модной прической, а также, с каким-то немыслимым количеством дорогущих на вид ювелирных украшений, выглядит шикарно и даже как-то грешно, как не должна на мой взгляд выглядеть девочка ее лет — то это будет явным преуменьшением.

Однако так и должна выглядеть, пусть и приемная, но все же дочь будущего главы этой Семьи. Выгляди Кайа чуть менее шикарно — это стало бы умалением его достоинства.

— Барышня, вам нравится запах этих духов, — спросила меня одна из занимавшихся внешностью нашего трио женщин

— Да, очень приятный запах. Пусть будут эти, — ответил я, принюхиваясь, после чего женщина эта помазала парфюмом у меня за ушками

— Вы трое совершенно великолепны, — сделал комплимент, зашедший к нам «папаня»

Рассматривая себя в зеркале у меня возникло ощущение легкого дежавю. И я вспомнил Летний Бал в Пансионе. То, что сегодняшнее Семейное мероприятие скучным не будет — в этом я уверен наверняка.

Мое чутье меня не подвело и на сей раз. Веселье началось прямо, как говорится, с порога. Так как любое подобное мероприятие начинается с «пожрать», наш путь пролегал в главный обеденный зал Имения, рассчитанный на черт знает какое количество народа и едва войдя туда, мы нос к носу столкнулись с «бывшим папашей», его женой и детьми.

— Поздравляю с тем, что тебя оправдали, брат, — выдавил из себя «бывший папаша», когда мы проходили мимо них

Наше четверка лишь едва-едва замедлила шаг, а «папаня», повернув в сторону брата голову, безразлично, с едва заметной брезгливостью в голосе, довольно громко и это услышали многие, ответил на поздравление:

— Не брат ты мне, мерзавец!

И когда мы уже отошли от них на приличное расстояние, я, держа «папашу» под руку, оглянулся.

Увидев выражение лица «бывшего папаши», у меня появилось очень дурное предчувствие. Мне стало очевидным, что итогом конфликта этих двоих, станет смерть одного из братьев. Сложившаяся ситуация не подразумевала иного исхода…

Глава 53

Не ожидал, что у меня столько родственников, — подумал я, когда мы заняли *одними из последних* свои места за столом.

В главном обеденном зале Имения было накрыто множество длинных столов и почти все места за ними были заняты. Женщины, мужчины, дети *лет от шестнадцати и старше, Кайа, как исключение*. Все «при параде», этакая выставка тщеславия *Кайа, впрочем, как и «матушка», даже на их фоне все-равно выделялась своим «прикидом», чем вызвала повышенное внимание к своей скромной персоне со стороны прочих лиц женского пола этого Семейства, в основном юных и которые активно шушукались, глядя на меня*.

Не уверен, как именно называется раздел науки и есть ли таковой вообще, изучающий семью как таковую в различных человеческих обществах, но уверен, что исследователю подобной тематики было бы крайне небезынтересно взглянуть на сегодняшнее сборище.

В моей голове возникла прочитанная когда-то давно, в одной из исторических книг, сценка, где «высокий» аристократ устраивал пир, принимая на нем своих родичей и вассалов. Здесь и сейчас все происходило ровно также *у «деда» даже титул имеется*. В этом зале собралась Семья. Род, объединенный кровными узами и общим делом *папаня как-то говорил, что бездельники и прожигатели жизни, а также те, кто не занят в Семейном деле, либо же род их деятельности не приносит ощутимую пользу Семье, права голоса на общих собраниях не имеют*. Все, и близкие, и очень дальние родственники, ведь современный транспорт и средства связи позволяют им всем, живущим в самых разных уголках необъятной страны, собраться в одном месте, в одно время. Сюда явились даже инвалиды, и я уже видел, как минимум парочку таковых, передвигавшихся в особых креслах.

В зал вошел «дед» с «бабулей», державшей мужа под руку, и те из родственников, что до этого момента болтали друг с другом о чем-то своем *а члены Семьи могли не видеть друг друга годами, встречаясь лишь на подобных сборищах*, моментально замолчали, выказывая тем самым уважение к своему Патриарху.

Присевший на мгновение за стол «дед» *а мы сидели с «дедом» за одним столом, по правую от него руку*, встал. И все встали. Мужчины и женщины. Молодые и старики.

Кто-то из прислуживавшего сегодня за столом подле Хозяина персонала, хотел было налить водки в стопку «деда», но «папаня»,

сидевший к своему отцу ближе прочих *с одной стороны, по крайней мере*, сделал останавливающий жест, а затем собственноручно налил и передал «стопку» тому в руки. «Дед», поблагодарив сына, «толкнул» коротенькую речь:

— Я рад, что моя Семья почтила этот дом своим присутствием. Что все вы, несмотря на чрезвычайную занятость нашими общими делами, нашли время приехать лично. Для меня несказанная радость видеть сегодня всех вас в добром здравии, ведь некоторых, например, тебя… брат, мне не доводилось видеть уже долгие годы…

«Дед» взял паузу, дух перевести.

— Двенадцать лет…брат, — вставил слово тот старый хрыч, к котором обращался «дед» и было видно, что отношения между ними оставляли желать много лучшего.

— Да, уже двенадцать лет…, — согласился «дед», — но ужину — приятные речи! О серьезном, о делах, мы поговорим после. За нашу Семью! За Филатовых!

«Дед» выпил.

— За Семью! — загудел зал и присутствующие за столами влили в себя алкоголь, вернувшись затем на свои места

— За Семью, — негромко произнес я и просто сел, выпивать со всеми мне в силу возраста еще не полагалось, да и не хотелось. Компания не та.

Далее был сам ужин, во время которого я не притронулся ни к еде, ни к питью, ибо в перчатках принимать пищу неудобно, а снимать одну из них, оставляя другую на руке — не хотелось. На меня, итак, пялилось чересчур много внимательных и оценивающих глаз *В той жизни меня научили правильно носить костюм, что не так-то просто, как может показаться на первый взгляд, и держаться в обществе достойно, и хоть носить женское платье — не то же самое, что мужской костюм, но приспособился я к этому довольно быстро. И мой уверенный в себе вид пришелся, судя по выражению некоторых лиц, по душе далеко не всем*. Все всё прекрасно понимали, глядя на то, где именно сидит «папаша» *из тех, кто еще не был в курсе сговора Государя с «дедом»*. «Дед» здесь и сейчас объявлял о том, кто именно из его детей станет следующим Главой Семьи. Сейчас, а не через месяц, когда это будет сделано во всеуслышание.

«Бабка» была необычайно мрачна и тиха, думая о чем-то своем. Уверен, что эта карга еще устроит какой-нибудь финт ушами.

Родственники…я оглядел зал, ловя иной раз на себе их взоры. Неодобрительные. Безразличные. Завистливые. Заискивающие.

И ни одного искренне дружественного, по крайней мере по отношению ко мне лично! Родственники…

Впрочем, ничего плохого они мне делать не станут, уверен, и не только потому, что будущей весной я должен буду стать «жертвой», во имя Семьи. А потому, что все они думают исключительно о себе, а до меня им нет особого дела. Есть я или нет меня — им неважно, лишь бы сохранялся статус-кво, и их позиции в Семье не ослабевали.

Однако я буду неправ, если скажу, что все они — лишь сборище эгоистов. Хотя, безусловно они и есть эгоисты *ультра-эгоисты, я бы даже сказал*, но в нужный момент эти люди способны сплотиться так, что единственной возможностью одолеть это их единство — физическое уничтожение всех до одного.

И вовсе не из-за любви друг к другу, а потому, что иначе им не выжить и не защитить свои активы.

И Филатовы далеко не единственная подобная Семья в РИ. Здесь все общество устроено подобным образом. И насколько же должно быть непросто Государю иметь со всеми ими дело. Впрочем — это его печали, не мои.

Не удивительно, почему Великая Октябрьская Социалистическая Революция сразу постаралась *и не без успеха* разорвать тесные семейные связи, сделав Семьей нечто вроде: «папа, мама, я», заменив связи семейные на некие «коллективные». Одиночками, не имеющими поддержки мощной Семьи, управлять гораздо проще.

А затем мне вспомнилась моя собственная старшая сестра. Там. Которая первым делом, после вступление в бабушкино наследство, через суд вышвырнула меня из дома…

Лично для меня родственники хороши, когда они «где-то там, за горизонтом» и ты общаешься с ними пару раз в год, поздравляя с Новым Годом и Днем Рождения.

Оторвав взор от стола, посмотрел на довольного жизнью «отца», а затем, на сидевшую рядом «мать», которая с отсутствующим выражением на лице разглядывала чаинки в своей чашке.

И тут меня как током ударило! Я аж задохнулся от внезапного озарения. Последний элемент «пазла» встал на свое место, явив целиком всю картину произошедших недавно событий.

Меня до костей пробрал озноб…мне срочно нужно уйти отсюда! Я поднялся со своего места.

— Ты куда? — шепотом спросила «матушка», придержав за руку

— В туалет, — так же шепотом ответил я, хоть говорить сейчас с ней спокойно было практически за гранью моих сил, и быстрым шагом двинулся по направлению к уборной, чувствуя, что вот-вот потеряю над собой контроль.

Едва войдя в уборную и заперев за собой дверь, я начал метаться по помещению взад-вперед. Быть может, конечно, все это лишь плод моей многолетней паранойи, но…

Нет! Все мои инстинкты и разум просто кричат о том, что «пазл» в моей голове сложился верно.

Спокойствие, Кайа, только спокойствие! Мне никак нельзя идти на поводу у своих теперь уже женских эмоций, впадая в истерику и теряя над собой контроль. Сильные эмоции убивают мой разум, а ведь он — единственное пока что оружие, имеющееся в моем арсенале.

Вдох-выдох, вдох-выдох. Все, теперь, кажется, я могу рассуждать здраво. Хорошо.

Как там говорится? За каждым великим мужчиной стоит великая женщина…кажется так. А если эта великая женщина по совместительству еще и один из высших чинов в так называемой «внутренней разведке»?..

Сегодняшний подарок от «родителей» выглядит уже несколько иначе. Не только как «спасибо», но еще и как «извини».

А за что им извиняться передо мной? А за то, что я стал разменной пешкой в их борьбе за Наследие! Пешкой, чьей жизнью возможно пренебречь, ради достижения главной цели!

Какова была вероятность того, что именно «отец» станет следующим Главой Семьи? Не то чтобы подобной вероятности не существовало в принципе, иначе бывший «папочка» не стал бы суетиться по поводу своего братца, однако она была, учитывая Семейные расклады, скорее умозрительна, нежели реальна. Но вот, поглядите, «папаша» сейчас сидит, с довольной физиономией, подле своего отца!

Конечно, никаких улик против «матушки», даже косвенных, у меня нет и быть не может, но…

«Матушка»! Если все обстоит так, как я думаю, то она… гениальная, хладнокровная, расчетливая, амбициозная, жестокая и чертовски компетентная *здесь можно вставить какой-нибудь нелицеприятный эпитет, но я не стану этого делать, нет ни сил, ни желания на нее злиться, ибо люди эти здесь, все до единого, совершенно одинаковы, пора бы уже к этому привыкнуть*! Но не может человек ее пола в РИ не будучи амбициозным до мозга костей достичь той должности, которую она занимает, особенно в ее возрасте! Разве может она не желать для своего мужа, а стало быть и для себя, Главенства в этой Семье? Разумеется, она

желает, и еще как! И к передаче власти от нынешнего Главы к ее мужу она готовилась, уверен, уже многие годы, используя и свое служебное положение, и желание Государя, насколько я могу это понять из произошедшего за последние дни, видеть «папашу» во главе Семьи. А может, и во главе всего военно-промышленного комплекса, такое тоже исключить нельзя.

И в момент, подходящий, по ее мнению, она запустила реализацию своего замысла.

А еще она люто ненавидит «бабку» с «дедом» и прочих родственничков, хотя прекрасно это скрывает! С их стороны, чего бы там они о себе ни думали, каким-то образом раздражать эту женщину было просто глупо.

Могла ли она спланировать и организовать подобного рода «спецоперацию»? Ну, назначение на свою должность она же не за красивые глаза получила, я уверен, а учитывая то, чем конкретно занимается структура, в которой она служит, для нее подобная деятельность — является рутинной. Думаю, что «матушка», используя неких подставных лиц, уже долгое время «сливала» ближайшему окружению Государыни информацию о возможности, которую никак нельзя упустить. И это самое окружение в конце-концов убедило Государыню действовать согласно плану, столь любезно разработанному для нее «матушкой». В конце-концов, как говорится: «короля играет свита», или Государыню в данном конкретном случае.

А может и не было никаких подставных лиц, а некто из приближенных к Государыне, кому она доверяет, сотрудничает непосредственно со «внутренней разведкой». Такое не исключено, однако — это сейчас не важно.

Хотя почему только «матушкой»? Скорее всего, произошедшее — это ее совместное с Государем «творчество» *ну или по крайней мере все это она провернула с Его ведома и благословения*.

«Женя, кстати говоря, далеко не уходи, мне есть, о чем с тобой поговорить» — вспомнились мне Его слова, сказанные «матушке» на мероприятии посвященному торжественной передачи флоту корабля, накануне всех тех событий.

Все эти обвинения «папаши» в коррупции, растрате и срыве сроков производства, плюс эффектное задержание — лишь красивая ширма. Государь потребовал от «деда» во искупление грехов Семейства сделать «папашу» следующим Главой. Ну не просто же так царь начал «топить» за «папашу»? А значит сговор произошел бы в любом случае, иначе Семейство пострадало бы куда как сильнее. И то, что я, своими собственными руками, добыл сведения, доказывающие невиновность «папаши» — лишь

приятный бонус, который облегчил им все дело.

У моей дорогой «матушки» все козыри на руках были изначально, и она просто спокойно наблюдала за тем, как разыгрывается устроенный ей «спектакль», давая своим противникам «повеситься самим». И журналистов с государственных каналов не было при задержании по той причине, чтобы, когда это потребуется, все это дельце было возможно спустить на тормозах без шума и пыли.

А покушение на меня? Если хорошенько подумать, без эмоций, то разве мог бывший «папаша», вот так запросто снять охрану с жилища, где живет столь высокий чин «внутренней разведки»? Не могло наше жилище охраняться лишь силами Семейного «ЧОПа» и\или боевиками «папаши» *которые, кстати, бывшему «папаше» не подчиняются ни разу*.

Удочерили Кайю недавно, а стало быть, та часть плана «матушки», которая предусматривала мое убийство *или покушение на него* — это скорее всего импровизация, на которую Государыню толкнула «матушка» в самый последний момент. А та не пожелала упустить подвернувшуюся возможность избавиться от будущей нежелательной родственницы, а заодно, показать Филатовым и всем прочим, на моем примере, что попытка подсунуть ей или ее родственникам «что негоже» — может дурно окончиться.

С одной стороны, подобное желание и попытка его реализации для столь опытного в политике человека, как Государыня, может показаться не логичным и даже глупым. В конце-концов, какая разница, Кайа или другая девчонка станет частью Сделки. Это, с моей точки зрения или с точки зрения прочих, обычных, людей из того мира. Но с другой стороны, здесь люди другие. Ментально. Особенно в той среде, к которой и принадлежит Кайа. И особенно, если этот человек — Государыня Российской Империи. К ее поступкам невозможно применить обычную логику обычных людей. Не зря же царей называли — помазанниками божьими, а чем их жены хуже? И конкретно эта царица явно считает себя таковой и при попытке подданных «объегорить» ее, пусть даже в самом малом, приходит в слабо контролируемую ярость, с непременным желанием покарать наглецов.

Одним своим камнем «матушка» перебила всех зайцев на полянке.

Впрочем, тут есть нюансик. Каким образом царская любовница узнала о попытке моего убийства? Ставлю рубль на то, что это именно «матушка» *не самолично, разумеется* довела до нее эту информацию. Может, конечно, в окружении Государыни

есть шпион любовницы, но вариант с «матушкой» мне кажется более правдоподобным.

Зачем бы ей сообщать подобное даме Кристине? Да Бог его знает! «Матушка» играет на стороне Государя, а не его женщин. И тому, возможно, потребовалось слегка «прищучить» благоверную. Борьба за власть внутри царской Семьи и все такое прочее, не мое дело.

Эта реальность, несмотря на весь внешний лоск, все больше и больше напоминает мне какую-то антиутопию.

Также ясно, как божий день, что принимать любую помощь от царской любовницы я могу, но не дай Бог мне поделиться с ней чем-то *что я гипотетически смогу обнаружить*, могущим опорочить царя, царицу или их родственников. И «матушка» не посмотрит на то, что Кайа ее «любимая доча», в этом можно не сомневаться. Как и в том, что пресловутая «внутренняя разведка» держит руку на пульсе всего происходящего и вообще, мышей ловит отменно.

А еще очевидно, но это секрет Полишинеля, что «матушка» не только жена своего мужа, но и царские глаза и уши в Семье.

Очевидно, что для «матушкиного» плана было совершенно неважно, убили бы меня той ночью, либо же нет. И, вероятнее всего, моя смерть была бы для нее даже предпочтительнее, ибо, во-первых, ее собственная беременность протекает хорошо, и стало быть, приемная дочь теперь не нужна. А, во-вторых, со столь явной поддержкой Государя, даже отсутствие собственного ребенка у «папаши» вряд ли бы стало серьезной помехой для становления им Главой этой Семьи *но подобное наверняка было наименее желательным, ибо иным Семьям пришлось бы сильно не по душе, если бы царь стал так активно вмешиваться в их выбор наследников*. Эта провокация в любом случае достигла бы своей цели, и в этом ее прелесть. Государыня, со слов дамы Кристины, перед своим мужем уже оказалась измазана в дурно пахнущей субстанции за организацию моего убийства силами бывшего «папаши» и последовавшим за попыткой оного беспределом в Москве. А бывший «папаша»? А нет его больше! Он уже «утопленник», единственное на что он теперь может надеяться, после того, как они с Государыней потерпели полное фиаско — заступничество своей матери.

Хотя самым радикальным образом решать его проблему и не собирались. Уверен, что сохранение его жизни — было одним из условий сговора. Но от наследования он отстранен гарантировано, чтобы там себе «бабка» не надумала. Слишком большие потери понесла Семья.

А еще очень любопытно, что связывает его с Государыней,

коль скоро «выступили» они столь славным дуэтом? Ситуативное партнерство или…?

Я вспомнил Юлю, ту мою родственницу и подругу Государыни, что планировала провокацию в отношении меня в Пансионе и которую перед «дедом» так страстно защищал бывший «папаша». Дед, кстати, хотел разобраться сам в этом деле. Любопытно, чем все закончилось? Впрочем, учитывая, что эта самая Юля сейчас в добром здравии ужинает в зале — ничем. Кажется, что в этой Семье расправа грозить может лишь таким, как Кайа…

Если мои догадки относительно роли «матушки» во всем произошедшем верны, то в скором времени *уже сегодня или завтра* «деду» предоставят доказательства причастности бывшего «папаши» к организации моего убийства и участия его боевиков в перестрелке перед офисным зданием Семьи. Если всё так, то все те, кого бывший папаша, по наущению Государыни отправил меня убивать, находятся в ее заботливых руках и уже дали необходимые показания *и дадут их «деду»!*. А вот если бы меня убили, то она предоставила бы «деду» записи с моим убийством. Наверняка перед всем этим наш дом нашпиговали разнообразными скрытыми камерами с автономным источником энергии.

Это последний гвоздь в крышку «гроба» бывшего «папашки».

Вот и все, «фигура» бывшего «папаши», нравится кому-то это или нет, отыграна и удалена с доски, что полностью меняет внутрисемейные расклады и альянсы, которые все-таки имеют место быть.

Мои аплодисменты «матушке», за то, как она разыграла свой гамбит с Государыней, пожертвовав двадцатью процентами, и заполучив все остальное *ну или почти все, еще кое-какие потери неизбежны*.

А «шестое чувство» мне подсказывает, что эти двадцать процентов встанут еще у Государыни костью в горле и вообще, случившееся будет иметь для нее долговременные неблагоприятные последствия. И вероятнее всего, это также было одной из целей…

В дверь уборной постучались.

— Кайа, ты здесь? — с той стороны двери раздался голос «матушки»

— Да, — ответил я и подойдя к двери, открыл ее

— Что случилось? Почему ты плакала? — спросила она, рассматривая мое лицо

Я оглядел себя в зеркало. Туш у моих глаз «поплыла», а сами глаза были красными от слез.

— Слишком много впечатлений, мам. Мысли всякие неприятные лезут в голову, — ответил я, а на моих глазах вновь стали наворачиваться слезы

Нервная система девчонки-подростка начинала сдавать.

«Матушка» что-то сказала в свой браслет, а затем мне.

— Терпи. Ужин, а потом и малый семейный совет, где ты, как наша наследница обязана будешь присутствовать, должна высидеть. А всякие лишние мысли выброси из головы, они мешают жить, поверь мне на слово, — твердым голосом сказала она, глядя мне в глаза

Неужто поняла, что я понял?

— Хорошо, — согласился я, отводя взор

Через пару минут в уборную вошла одна из тех женщин, что наводили мне «марафет», после чего оперативно поправила мой макияж и мы с матушкой пошли обратно в зал, а на моем лице появилась улыбка.

— Ты права мама! Ты совершенно права, все лишние мысли нужно выбросить из головы!

Внутри себя я возликовал! Все те человеческие жертвы, все те ужасы, что мне пришлось пережить и сотворить самому… теперь я могу разделить их со своей вновь обретенной «матушкой» *но строго про себя, по крайней мере пока*. Ведь все это мы сотворили вместе, я и она! Я больше не одинок в этом кошмаре! Я такой же, как и все они, такая же эгоистичная и циничная сволочь, но меня это больше не волнует…

Глава 54

Тем же вечером. Малый Семейный совет.

Оказывается, в Поместье, под главным домом, есть самый настоящий бункер, где все мы в данный момент и находимся (хотя, чему удивляться? Было бы странным, не будь здесь такого убежища). Мы — это «дед» и его дети, плюс я и некоторые другие взрослые внуки, а также «бабка» и несколько членов боковых линий Семейства (но таковых было буквально пара человек).

И так как собрался узкий круг близких родственников, то стало быть и необходимость в какой-либо внешней помпезности отпала. Все присутствующие за время, между окончанием Семейного ужина и началом этого мероприятия, успели переодеться в повседневное.

Собрался малый совет в одном из помещений убежища, в некоем зале для совещаний, специально организованным для подобного рода сборищ. С соответствующими мерами информационной безопасности. Во-первых, любые звуко-видеозаписывающие электронные, а также аналоговые устройства, необходимо было складировать в специальные сейфовые ячейки, установленные рядом со входом в зал (который и сам представлял собой здоровенный сейф), прежде чем тебя допустят внутрь. Во-вторых, специально обученные люди проверили с помощью портативного оборудования всех и каждого, а также само помещение, на наличие различного рода нежелательных устройств (наблюдение за работой этих людей здорово расслабляло меня, не зря же говорят, что люди могут вечно смотреть на то, как работают другие).

Зал этот, на мой взгляд, учитывая место его расположения мог бы быть и поскромнее в размерах, но у заказывавших строительство этого места, взгляд на это был иной, естественно. Не скромный.

Впрочем, это касалось лишь размеров, в остальном же помещение было довольно аскетичным. Здоровенный стол (занимавший, в общем, не слишком большую площадь зала), да кресла за ним (не слишком-то и удобные, но это, как мне кажется, было сделано намерено). Ну и в качестве декора — два здоровенных дисплея во всю стену, показывавших снегопад в горах, что делало обстановку зала очень приятной, заставляя забыть тот факт, что мы под землей).

А по поводу «специально обученных людей»…

Помимо того, что на территории Имения охраны стало вообще больше, так еще и вдобавок к обычным охранникам

(одетым хоть и в специально пошитые, но все же гражданские костюмы — личную охрану членов Семьи, плюс типчики в серенькой униформе — сотрудники Семейного охранного предприятия, патрулирующие территорию Имения и охраняющие прочие объекты инфраструктуры Семьи), появились какие-то… солдаты? Типы, одетые в зимний «цифровой» камуфляж военного образца (но не общевойсковой, ибо качество исполнения их формы, очевидное даже со стороны, заставило бы рыдать по ночам в подушку имперское министерство финансов, задумай Государь обрядить в нее все российское воинство), без знаков различия, с «разгрузками», набитыми запасными магазинами к их автоматическим винтовкам (при том, что у всей прочей охраны на вооружении были лишь пистолеты, по крайней мере из того, что видел я). Мое дурное предчувствие, появившееся еще с утра, когда я заметил увеличение числа охранников при «родителях» лишь усилилось.

Четверо из этих боевиков прямо сейчас присутствовали в зале Семейного совета, заняв свои позиции по углам, и вызвав у меня неприятные ассоциации с расстрельной командой.

— Пап, — шепотом обратился я к «папаше», кивнув на боевиков, — сейчас же будет, вроде как малый Семейный совет… что здесь делают эти люди?

— Это не чужие люди, Кайа. Им твой дедушка доверяет даже больше, чем некоторым членам малого совета, — так же шепотом ответил тот, — и они подчиняются лишь Главе нашей Семьи и никому больше.

«Это не чужие люди» — эхом отозвалось в моей голове, и я вгляделся в лицо одного из боевиков, самого старшего из них, примерно одного возраста с «папашей».

Да это же сын «деда»! Сходство между ними было просто поразительное…

— Все они… незаконнорожденные дети…, — прошептал я свою догадку

— Тссс…, — прервал меня «папаня», — ты права. Наша Семья старается не разбрасываться своими человеческими ресурсами, пристраивая кого возможно к общему делу. Эти люди не могут ни на что претендовать, но об их судьбе позаботились. Они — фанатично преданы твоему деду…

Отец прервался, ибо слово взял «дед», и малый Семейный совет начался.

А я, из-под опущенных ресниц, некоторое время рассматривал старшего из этих личных гвардейцев «деда». На вид он был чрезвычайно харизматичным человеком, одного поля ягодка с «добрым дядюшкой» Художницы, хоть и сильно того

моложе. Военный или спецслужбист (видимо в данный момент «в отпуске»). И раз свою лямку он тянет под протекцией Семьи, можно не сомневаться, что и звание с чином имеет не малое, хоть и стоит здесь и сейчас с автоматом наизготовку, в форме без знаков различия. Да и по физиономии его видно, что он привык командовать людьми.

Он заметил мой взгляд и безразлично оглядел меня. Я отвернулся. Интересно, какие чувства он испытывает, понимая, что немножечко «второсортен» относительно законных детей своего отца?

Мне вспомнилась хитроумная, несмотря на юный возраст, Ядвига. В итоге я все-таки оказался членом малого Семейного совета, по крайней мере пока, а значит, уже стал ценен для нее. Уверен, что о себе она даст знать в самое ближайшее время, ведь бывший «папаша», если верить словам «папаши» нынешнего, в скором времени отбудет в «прекрасное далеко», а Государыне и ее клике, в которую входит и Чудо, нужны здесь свои глаза и уши.

Совет был долгим (я на нем был только слушателем, разумеется). И для меня, как для человека не сведущего в делах Семьи, скучным. Но я не жалуюсь. Семья занималась оперативным планированием своих действий на ближайшее будущее, внося коррективы в планы, в связи с известными событиями (впрочем, не только). Выслушано докладов и принято решений было немало. Из тех, что касались непосредственно меня — усиление охраны членов Семейства и объектов инфраструктуры ввиду возможных провокаций, попыток свести счеты, передела сфер влияния и финансовых потоков, из-за того, что устоявшиеся за многие годы альянсы Семейств либо рухнули, либо близки к этому. Теперь будут самоорганизовываться новые, большинство из которых не будут включать в свой состав Филатовых, насколько я понимаю. Что в свою очередь обязательно приведет к тому, что Филатовы также постараются сколотить свой новый альянс. И это приведет к…

Короче говоря, жить станет лучше, жить станет веселее.

Очевидно, что среди всех этих олигархических Семейств вот-вот начнется большой раздрай, в процессе чего, они, безусловно, потеряют часть своего политического влияния. Кто-то большую, кто-то меньшую. Но их общий вес на политической арене государства явно станет меньше.

А если у кого-то власти становится меньше, значит — у кого-то ее становится больше. Не у «кого-то», а у Государя.

Хитрозадый «помазанник божий» все это нарочно устроил, в этом нет сомнений. Концентрирует власть в своих руках. Но зачем? Власть ради власти? Или же надвигается некий

«грандиозный шухер» и государство постепенно переходит с мирных рельс, на военные, усиливая центральную власть? Опасно это, так можно и без всякого внешнего врага государство завалить.

Как бы там ни было, но когда наконец с делами было покончено (я засыпал, скорее всего, уже наступило утро), случилось ровно то, чего я и ожидал все это время. И что должно было подтвердить версию о роли «матушки» во всей этой истории. «Папаша», сидевший в кресле, закинув ногу на ногу, сказал:

— Отец, мы с Женей, к нашему сожалению, вынуждены рассказать тебе об еще одной неприятности…

— Что на сей раз? — раздраженно перебил его «дед»

«Папаша», выдержав театральную паузу и убедившись, что внимание всех присутствующих сосредоточилось на нем, продолжил:

— Нам доподлинно известно, что люди Николая, причастны к попытке убийства нашей дочери, а также к той перестрелке.

Не сам Николай, а его люди. Забавно.

Я перевел взгляд на смертельно побледневших бывших «папочку» и «мачеху». А «бабка», сидевшая рядом с «дедом», напротив «папани», плотно сжала губы и было заметно, что молчать она явно не собирается, но пока сдерживает себя.

«Дед», встав со своего места и нарезав по комнате пару кругов, уставился на свои ботинки и помассировав виски, спросил, коротко взглянув на Николая:

— Я надеюсь, Игорь, что это не голословные обвинения?

— Отнюдь, — ответил «папаша», — Жене и сотрудникам ее ведомства удалось определить местоположение этих людей, задержать их и допросить…

— Они оговорили себя под пытками! — тут же вспылил бывший «папаша»

— Допрос безусловно производился, но истинность их показаний подтверждена инструментально и не вызывает сомнений, — ответила «матушка», и добавила, обращаясь к «деду», — но, я полагаю, что вы лично захотите поинтересоваться у этих людей обо всех обстоятельствах той ночи…

— Да, Женя, — перебил ее «дед», — мне, черт побери, было бы очень небезынтересно услышать все лично от них..! Но разве твое ведомство позволит?

— Мое ведомство позволит, хотя и весьма недолго, — ответила «матушка»

— Сейчас? — уточнил «дед»

— Да, — ответила та

— Я был бы признателен за подобную возможность, — сказал «дед», и особенно радостным при этом он не выглядел

— Тогда простите меня, я ненадолго вас покину, — «матушка», беременность которой уже была прилично заметна, поднялась со своего места и покинула зал.

Отсутствовала она полчаса или около того. И все эти полчаса зал совещаний напоминал тысячелетний склеп. Не было произнесено ни единого слова, никто даже не шевелился. И выражение: «гнетущая тишина» — лучше всего подходило моменту.

Наконец «матушка» вернулась. Вернулась она не одна, а в сопровождении еще некоторого количества боевиков, облаченных в зимний камуфляж, и конвоировавших четверых человек. Вернее, троих. Четвертого им пришлось скорее вносить, ибо самостоятельно он идти не мог и вообще, выглядел так, как и должен выглядеть человек, не так давно получивший тяжелейшую черепно-мозговую травму. Это был тот самый тип, я его моментально узнал, которого при побеге из дома приголубил цветочным горшком.

Судя по выражению лиц боевиков бывшего «папаши», в ведомстве «матушки» сломали их, что называется, о колено. Так что нет никаких сомнений в том, что рассказали они заинтересованным людям все, что знали.

Вошедшие «дедовы» гвардейцы, передали конвоируемых на попечение тех, что охраняли собравшихся, и покинули зал.

Я снова взглянул на бывшего «папаню». Тот погрузился в совершеннейшую апатию и сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла. Бывшая «мачеха» пребывала в ужасе…она в курсе всего происходящего, в этом нет сомнений.

— Кайа, ты кого-нибудь из этих людей узнаешь? — спросила меня «матушка» и это был единственный раз на этом совете, когда на меня вообще обратили внимание (все присутствующие, за исключением «родителей», изо всех сил делали вид, что никакой Кайи среди них нет)

— Да, мам, — ответил я, — человека с забинтованной головой. Это его я ударила цветочным горшком, когда он вел перестрелку с полицией…

— Это только слова девчонки, потерявшей память и предавшей своего родного отца! Как можно ей доверять? — возмутилась бывшая «мачеха»

— Хороший вопрос, Лидия. Как вообще кому-то можно доверять? К счастью, Кайа произвела виртуальную съемку инцидента, разрешите? — ответила на ее выпад «матушка»

— Да, пожалуйста, — сказал «дед» и в руках у матушки

появился портативный накопитель, который она вставила в соответствующее гнездо и на дисплеях, вместо снегопада в горах, началась перестрелка в Москве.

— Это запись ничего не доказывает…, — начала было Лидия, бывшая похоже на грани истерики, через несколько минут, когда все присутствующие смогли вдоволь насладиться кадрами расстрела силовиков присутствующим здесь боевиком (камера на видеофоне была хороша и прекрасно запечатлела то, как типчик этот, спрятавшись за колонной в холле, вел пальбу).

— Кто ты такой? — перебил ее «дед», спросив одного из задержанных, стоящего ближе к нему

— Меня зовут…, — с хрипотцой в голосе начал было отвечать этот сломленный человек

— Мне насрать на то, как тебя там зовут, — неожиданно спокойным голосом перебил того «дед», — что ты делал той ночью в моем здании? Тебя послали убить мою внучку?

Задержанный отрицательно замотал головой.

— Я отвечал за организацию огневого прикрытия, а также за отключение системы энергоснабжения здания…

— Ты знал, что подписался на убийство моей внучки? — вновь перебил его «дед»

— Не…, — начал было он, но встретившись со мной взглядом, изменил ответ, — да я знал, что целью акции было… умерщвление одной из барышень Филатовых.

Бывшая «мачеха» открыла было рот, но дед во все горло заорал на нее: «Заткнись!», отчего вздрогнули все без исключения присутствующие в зале.

— Кто должен был умерщвлять мою внучку? — вернув спокойствие голосу, спросил он у командира группы прикрытия

— Не могу знать! — ответил тот, — На тех людях были маски. Их лиц я не видел. Это не были мои подчиненные.

— Вы тех задержали? — поинтересовался «дед» у матушки

— Только одного из них. Второй, к сожалению, погиб при задержании…, — ответила та, — убийца стоит следующим.

Значит убийц в квартире было все-таки двое.

— Кто твой наниматель? — спросил дед худого и интеллигентного на вид мужика, при взгляде на которого никто бы не признал в нем наемного убийцу

Киллер, мгновение поколебавшись, ответил, кивнув на следующего в их строю:

— Он

«Дед» перевел взгляд на последнего из задержанных, разглядывая того некоторое время, а затем сказал:

— Я тебя знаю. Ты глава охранного предприятия, созданного

Николаем

— Да, — односложно ответил задержанный

— Коля приказал? — спросил дед

Бывший уже руководитель, бывшего «ЧОПа», бывшего же «папаши», посмотрел на этого самого бывшего «папашу». И все присутствующие взглянули на бывшего «папашу». Тот, как и раньше, спокойно сидел, закрыв глаза.

— Да, — немного поколебавшись, согласился задержанный

— Спасибо, Женя, — обернулся «дед» к «матушке», — я узнал все, что хотел

— Тогда с вашего позволения, — ответила она

— Иди, — разрешил ей «дед», после чего в зал пригласили гвардейцев, конвоировавших задержанных сюда и они же, в сопровождении матушки, повели их обратно

— Коля, — через некоторое время сказал «дед», — подойди!

— Отец! — взволнованно воскликнул тот, вставая со своего кресла, — Это должно было стать убийством чести! Этот ублюдок предала и опозорила меня!

Честно говоря, я ожидал, что бывший «папаша» начнет все валить на Государыню, она, мол, заставила. Но нет, он свел все на личную неприязнь ко мне.

Бывший «папочка» с лютой ненавистью взглянул на меня, а я заметил, как дернулся при слове «ублюдок» старший из гвардейцев «деда», его незаконнорожденные сын, стоявший рядом со своим отцом. Мне показалось, что ему стоило большого труда сдержаться и не застрелить здесь и сейчас, прямо на глазах у изумленной публики, бывшего «папочку».

— Убийство чести, говоришь? — спокойным тоном поинтересовался «дед» у идущего к нему сына, — Ты имел на это право, согласен…

Ах, ты ж старый мудак!

— …но почему ты не сделал это сам, своими собственными руками? Вместо этого…

— Отец…, — перебил того бывший «папаня»

— Заткнись! — заорал на сына тот и ударил его наотмашь по лицу, а учитывая могучее, несмотря на возраст, телосложение «деда», бывший «папа» с трудом удержался на ногах, — не смей перебивать своего отца!

Затем он ударил его по лицу вновь! И вновь!

Я вытянул шею и не без удовольствия наблюдал за тем, как бывшего «папочку», человека около пятидесяти лет, с чрезмерно раздутым чувством собственного величия, будто какого-то мелкого пацана, мордует его родной папаша.

А еще мне вспомнилось то, как он сам ударил меня по лицу в

зимнем саду. Меня наполнило злорадство, которое, однако, я в себе тут же подавил. Спокойствие, Кайа, только спокойствие!

И все присутствующие в зале наблюдали это.

— А я тебе скажу! Скажу, почему ты, вместо того, чтобы свершить свою глупую и вредную для Семьи месть самому, послал тех подонков! — покраснев и тяжело дыша, проговорил дед, — Все потому, что ты, в отличие от прочих моих сыновей, жалкое, трусливое и истеричное ничтожество! Господи, Марья…

Дед отвернулся от папаши, было видно, что гнев мешает ему даже дышать.

— …как мы с тобой воспитали это? Почему, а? Я долго терпел и потакал его выходкам, но…

«Бабка» хотела было что-то ответить, но «дед» не предоставил ей такой возможности.

— Коля, — сказал он, глядя на сидевшего на полу, на заднице и пришедшего в ужас бывшего «папочку», всегда бывшего столь надменным, — еще несколько минут назад я планировал назначить тебе содержание и отправить с глаз долой подальше, но… Но всему есть предел! Предел моего снисхождения к тебе и к твоим делишкам! Извини меня сын, но… но я не могу спустить тебе с рук всю совокупность твоих проступков, коими ты нанес Семье едва ли поправимый когда-либо в будущем ущерб…

По щекам старика потекли слезы.

«Бабка», рыдая как белуга, бросилась в ноги к «деду», а мгновение спустя, компанию ей составила и бывшая «мачеха».

— Мишенька! — истошно завыла «бабка», — Не губи Колю! Христом Богом тебя заклинаю, не губи сыночку! Меня! Лучше убей меня! Старуху! Это я! Это я так негодно воспитала сына! Не губи Коленьку…

Ей, скуля и воя, вторила бывшая «мачеха». В зале происходил полнейший сюрреализм.

Еще немного и здесь вживую разыграется сюжет картины: «Иван Грозный убивает своего сына», только с другими действующими лицами…

Я всеми фибрами своей души ненавижу бывшего «папеньку», но происходящее здесь и сейчас — это просто какой-то невообразимый треш!

Все собравшиеся замерли, будто мраморные изваяния, в ожидании неминуемой и кровавой развязки. А гвардейцы «деда» наблюдали эту сцену с плохо скрываемым удовольствием на лицах.

— Рома! Будь добр, дай мне свой пистолет! — крикнул дед, изо всех сил боровшийся со слезами, протянув руку к незаконнорожденному сыну

— Отец, — ответил стоявший рядом с ним тот самый гвардеец, которого я разглядывал и достав оружие из кобуры, протянул пистолет «деду»

Вой «бабки» стал еще громче, хотя, казалось бы, это невозможно физически, а я поймал себя на ужасной мысли что хочу, чтобы здесь и сейчас «дед» прикончил бывшего «папашу». Ибо это, в будущем сократило бы число моих невзгод, как минимум вполовину.

Однако, у Вселенной на этот счет было свое мнение. Для меня у нее не существует простых и легких путей…

Внезапно «дед», вместе со вцепившимися ему в ноги и дико воющими «бабкой» и бывшей «мачехой», сделал несколько шагов, мимо протягивавшего оружие незаконнорожденного сына. Подойдя к столу, он оперся о него рукой. Затем он с удивлением оглядел сидящих за столом и пребывавших, в основном, в ужасе от разворачивавшейся на их глазах сцены возможного убийства сына родным отцом, и сказал:

— Голова кружится

А затем, кулем свалился на пол. И в зале мгновенно начался цирк на конной тяге…

Со своих мест повскакивали все, даже сидевший на полу и дожидавшийся решения своей участи бывший «папаша».

— Инсульт…у него инсульт, — доносились до меня голоса разных людей

Однако гвардейцы «деда» оказались весьма расторопны и не прошло и полминуты с момента «удара» у деда, как его на черт знает откуда взявшихся носилках двое гвардейцев уносили прочь из зала. Наверняка в убежище оборудована полноценная медицинская реанимационная палата, по-другому в таком месте и быть не могло. Да и ухудшение здоровья пожилого Патриарха было, уверен, давно ожидаемым событием.

— Ну и что теперь делать? — донесся до меня растерянный женский голос

И тут с колен на ноги поднялась «бабка». Ее лицо более не было лицом всеми уважаемой пожилой мадам. Оно было похоже на лицо древней шаманки, призывавшей богов на помощь своему племени, ведущему отчаянную битву. Впрочем, примерно так оно и было.

Встав в полный рост, с зареванным, но каким-то торжественным лицом, она громко произнесла, не менее торжественным голосом:

— Дети мои! Это ваш шанс! Не дайте тому, что принадлежит вам по праву рождения, выскользнуть из ваших рук! Убейте сына шлюхи, и заберите свое!

Указующим перстом она ткнула в сторону явно охреневшего от таких речей «папаши».

Двое еще остававшихся в зале, но уже двигавшихся на выход гвардейцев, остановились, и с интересом стали наблюдать за развитием событий.

Некоторые из малого Семейного совета зашептались, мол у пожилой мадам «кукуха» с концами улетела в теплые края. Но другие, а конкретно бывший «папочка» и два его братца, приняли слова своей матушки, как руководство к немедленному действию. И у четверых мужчин: «папани» и оппонирующих ему братьев, в руках моментально возникли ножи. Все верно, я давно подметил, что хоть «папаня» и не носит огнестрела, но нож у него всегда при себе. Ибо мужчина без оружия — не мужчина.

У меня в глазах вновь проявились зеленые адреналиновые кляксы, а время начало замедляться.

Все, и я, в том числе, стояли, наблюдая за разворачивающейся, будто на полотне мастера-художника, картиной убийства братьями-заговорщиками своего брата-наследника. А сомнений в том, что эти трое в итоге зарежут «папашу» у меня не было…

Сначала «папашу», а затем и меня! Тут без вариантов! Живым у меня уйти отсюда не получится, если только… Я перевел взгляд на Рому, главного гвардейца «деда». Тот спокойно стоял, наблюдая за смертоубийством братьев. Ему явно было безразлично, кто из них в итоге победит. Пока что он ни на чью сторону не встанет. Он подчиняется лишь «деду», а затем будет выполнять волю следующего Главы. А «папаня»… «папаня» Главой пока еще не стал…

Он или другой гвардеец? Он или другой? Кого из них выбрать? Все-таки Рому…он самый старший. И я сделал шаг к нему…

Внезапно меня охватила какая-то неуместная в данных обстоятельствах радость. Радость от осознания! Я вдруг четко понял то, почему со мной раз за разом происходят все эти ужасы.

Это же так просто! Я самоубийца… А самоубийцам одна дорога — в ад! А это и есть мой персональный ад. Это плата и наказание за тот бокал вина с «лекарством». И так будет и впредь, если я сейчас останусь в живых. А я хочу жить! Очень хочу…

И сейчас, в очередной раз, моя жизнь зависит от очередного если.

— Роман, — чрезвычайно спокойным голосом обратился я к старшему из гвардейцев, — могу ли я ненадолго позаимствовать вашу винтовку?

Пытаться отобрать у этого человека его оружие —

самоубийство поэтому я вежливо попросил.

Оторвав взор от поножовщины (а «папаше» уже досталось, судя по крови на его белой рубашке), незаконнорожденный сын «деда», сначала, кажется, хотел меня послать подальше. Однако, затем, судя по выражению его лица, ему пришла в голову позабавившая его мысль.

— Пожалуйста, барышня, — только и сказал он, протягивая мне свою винтовку.

Наверное, оружейный предохранитель в этой реальности называется как-то иначе, поэтому я просто спросил:

— Оружие готово к стрельбе?

— Да, — ответил тот, — просто жмите на спуск

— Одиночный, двойной и непрерывный? — задал я последний вопрос, глядя на буквы: «О, Д и Н» рядом с флажком, устанавливающим режим стрельбы

— Все верно, барышня, — было мне ответом.

Режим огня был установлен на одиночный выстрел. То, что надо, иначе заодно и «папашу» пристрелю.

Все происходящее — это наказание за мое малодушие в прошлой жизни, особенно в ее конце. И я должен принять его полностью! Я вскинул винтовку.

Какое удобное оружие, длинна телескопического приклада была отрегулирована словно специально под меня. Единственное, что хват левой рукой неудобный. Но это не вина этой прекрасной винтовки, ведь у меня не достает на руке одного пальца…

«Не думать! Не колебаться!», — говаривал мой американский товарищ, учивший меня стрельбе, — «Вскинул оружие, прицелился, выстрелил!»

Прицелился…Зеленый кружок коллиматорного прицела остановился на середине живота бывшего «папаши». Время замедлилось для меня еще сильнее.

Один из братьев «отца», папа Олечки, удерживал «папашу» сзади, давай моему бывшему «папане» беспрепятственно зарезать своего братца. У третьего брата «папаша» выбил нож из рук, и он сейчас тянулся за ним.

Бывший «папаша» хорошо стоит. Удобно для стрельбы с моей позиции, так, что я могу стрелять свободно, не опасаясь попасть в своего нынешнего «папочку».

Бывший «папа» что-то почувствовал и начал, как в замедленной съемке, поворачивать голову в мою сторону.

— Сука! — только и прошептал он

Раз!

По залу пронесся совершенно чудовищный звук, ранящий не только уши, но и отдающий куда-то в основание черепа. Очень

громко. Очень быстрая пуля.

На рубашке бывшего «папаши», в районе живота, образовалось стремительно расширяющееся больше красное пятно. Пуля пробила его тело насквозь.

Два!

Чудовищный звук вновь резанул по моим ушам и позвоночнику в районе основания черепа, а на рубашке бывшего «папаши» расцветало новое кровавое пятно.

Три!

Винтовка имела очень комфортную, даже для моего девичьего тела, отдачу, мягко пиная меня в плечо.

Четыре!

Пять!

Я почти оглох и жутко ныл затылок. Бывший «папочка» упал на пол, а на меня, подняв наконец с пола свой нож, кинулся один из его братьев. Папочка Олечки. Что ж вы на меня постоянно кидаетесь? Что его дочь, что жена, что он сам…

Шесть!

А вот и главный недостаток используемого винтовкой боеприпаса — малое останавливающее действие. «Дядюшка», которого пуля прошила насквозь продолжил движение ко мне.

Семь!

Пуля попала «дядюшке» в район паха и он, моментально потеряв сознание, завалился на пол.

Восемь!

Если не считать совершенно чудовищного звука выстрела в помещении, то стрелять из этого оружия — настоящее наслаждение. Спуск у винтовки просто прекрасен! Хочется нажимать на него снова и снова! Он будто кнопка в какой-то дорогущей шикарной машине в те времена, когда кнопки были еще аналоговыми.

Тугой ход спуска в начале, случайно не выстрелишь, а затем…просто наслаждение!

Девять!

Второй «дядюшка», удерживавший «папаню» сзади, бросился бежать на выход из зала, а толпа, навстречу к которой он бежал, разбегалась кто куда.

Десять!

Я промахнулся, и пуля, срикошетившая от стены задела одну из женщин, находившихся в зале, которая громко скуля повалилась на пол.

Одиннадцать!

Двенадцать!

«Дядя» завалился на пол, забавно дрыгая руками и ногами,

непрерывно крича.

Тринадцать!

Четырнадцать!

Пятнадцать!

Боже, как у этого прекрасного оружия, может быть такой ужасный звук выстрела?

Шестнадцать!

Я расстреливал распростёртые на полу тела.

Семнадцать!

В зале кричали. Мужчины, женщины…все! Кричали, зажав уши руками и в ужасе глядя на меня.

Восемнадцать!

Я засмеялся!

Девятнадцать!

…

Тридцать пять!

Я нажал на спуск, но ничего не произошло. Стало быть, в магазине было ровно 35 патронов.

Я практически оглох, от боли раскалывалась голова, в зале воняло сгоревшим порохом, визжали люди.

Почему закончились патроны?! Я хочу продолжать стрелять!

Я заметил, как одна из женщин, дочь «деда», что-то кричит мне с недовольством на лице и машет на меня рукой. Сука! Ненавижу вас всех!

Я вскинул винтовку и наведя на нее зеленый кружок прицела, нажал на спуск. Увы, ничего не произошло. Ничего, кроме того, что она с криком бросилась на пол.

Я засмеялся и навел оружие на одного из мужчин, который завизжав не хуже иной женщины, схватил одну из представительниц прекрасного пола Семьи и выставил перед собой живым щитом.

Я истерично хохотал, продолжая нажимать на спуск, а на выход из зала, бегом, как крысы с тонущего корабля, повалили мои «родственнички», расталкивая друг дружку и затаптывая упавших на пол женщин.

Пол…пол в зале был залит кровью.

Я продолжал хохотать.

— Забери у нее винтовку, — услышал я голос «отца», а затем, позади меня раздался голос Романа

— Будьте любезны, барышня, вернуть мою вещь, — и его руки настойчиво, но аккуратно разоружили меня.

И тут я услышал «бабку», которая подползла к телу одного из трех своих убитых мной сыновей, это было тело бывшего папочки и дико воя, напоминая старую сумасшедшую ведьму, в

исступлении вопила мне:

— Проклинаю! Проклинаю тебя! Проклинаю убийцу своих детей! Проклинаю тебя, презренную отцеубийцу! Проклинаю…

Я засмеялся вновь, а мир стал возвращаться к обычно своей скорости.

— Бабушка, — сказал я, немного успокоившись, — твои проклятья бессмысленны, ведь я уже проклята и уже в аду!

Кажется, я на грани сумасшествия. А может быть уже давно за гранью. Впрочем, какая разница, если я буду продолжать жить?

А затем меня что-то укололо! И вдруг стало так спокойно и так захотелось спать, что я не смог сопротивляться своему желанию.

— Кажется, я положила конец восстанию бывшего папочки, и теперь пора спать, — сладко зевнув, сказал я, погружаясь во тьму…

Глава 55

Что со мной? Я нигде и в ничто. Или нет? Где-то там, высоко надо мной, склонились смазанные силуэты. Тени. И звуки, словно эхо. Так далеко и столь близко. Вокруг творится какая-то вакханалия.

Я словно лягушка на дне некоего чудовищного колодца, за которой наблюдают неведомые божества.

Сон? Нет…Если я задаю себе этот вопрос — значит это не сон…Во сне никогда не понимаешь, что спишь. Не сон…Явь? Тоже нет…не может быть такой яви…не должно быть…это какой-то дантов ад…

Я снова мертв?

— Реакция ее организма — нормальная. Пульс учащен, но тоже находится в пределах допустимого, препарат начинает действовать, — донеслось до меня со всех сторон эхо.

Препарат… Что происходит? Думать почему-то стало очень тяжко. Это сложно передать словами, но будто шестеренки в моей голове не смазаны, заржавели и не желают вертеться.

В один миг, все эти тени и силуэты вокруг пришли в движение. Впрочем, нет. Скорее всего не они. И не мир. Это головокружение.

О боже, я будто оказался в безумной центрифуге, в которой тренируют космонавтов. Очевидно, я на чем-то лежу, но…я сейчас упаду, свалюсь в ничто…Боже, я больше этого не вынесу!

Я попытался ухватиться за что-то.

Меня начало мутить. Сильно. Очень сильно. Нет никакой возможности сопротивляться рвотному позыву.

Не могу. И не сопротивляюсь.

Меня начало рвать. Я сейчас захлебнусь в собственной рвоте…Нет! Чьи-то руки приподняли, кажется, мое туловище и наклонили вперед. Головокружение усилилось. До меня вновь донеслось эхо разговоров теней, но я не слушал. Не было сил.

Меня рвало. Ужасно. Как никогда ранее. Мутить стало еще сильнее, хотя казалось бы — это невозможно. Невероятно неприятное ощущение, когда желудок с силой сжимается, пытаясь вытолкнуть наружу свое содержимое…но содержимого в нем нет.

Боже! Прекратите меня вертеть! Во мне не осталось уже даже желчи…новый приступ рвоты, еще страшнее предыдущего.

Я свернулся калачиком. Это ужасно. Я сейчас умру.

И все прекратилось также в один миг, как и началось.

Прекратилось головокружение, а за ним и рвотные позывы. Но тени остались тенями, а эхо их голосов — эхом.

Мне стало хорошо. Так хорошо, как никогда раньше. Губы сами собой, против воли, растянулись в какой-то идиотской улыбке, но я не могу с этим ничего поделать, они меня не слушаются. Улыбка у меня сейчас, уверен, совершенно дебильная… Ну и что с того? Мне наплевать, мне хорошо!

Я хочу смеяться. Я смеюсь. Я хочу болтать, но не с кем… Поговорите со мной кто-нибудь, пожалуйста.

Мне хорошо.

Меня накачали наркотиками? Наверное…, я их никогда не употреблял. Не знаю. Но мне наплевать. Мне хорошо.

Раз я под веществами, то должно быть нахожусь в клинике пограничных состояний…интересно, как там поживает Лев Моисеевич? Клиника — это хорошо. Давно не видел Маргариту… Мне хорошо. Наверное, это и есть пресловутая «консервация». Да в общем — наплевать! Как же хорошо…

В моей голове пронеслись сцены кровавого безумия в зале, где собирался малый Семейный совет. Безжалостная расправа братьев над «папашей»… Остался ли он в итоге жив? Вроде бы, да. Не уверен. Не знаю… А затем, устроенная мной стрельба и мое сумасшествие. Нет, не мое. Это было сумасшествием моего еще детского тела, чья психика в итоге не смогла выдержать всех тех произошедших за короткий срок кошмаров… Нет… Нельзя так. Нельзя спихивать все на Кайю. Нельзя бросать ее одну. Это не было безумием одной лишь Кайи. Это было наше общее безумие, ведь я и она теперь вместе до тех пор, пока смерть не разлучит нас…

Если я еще жив — значит это все-таки клиника… После всего устроенного мной, я могу оказаться лишь там. Я совершил очередную ошибку. Тогда в зале необходимо было найти иной выход. Совершить все чужими руками… Хотя, какая теперь разница? Мне хорошо!

Губы еще сильнее растянулись в улыбке.

Улыбка…

— От улыбки лопнул бегемот! — внезапно громко и задорно запел я, слыша эхо своего голоса (мой язык «ворочался» удивительно хорошо), — Обезьяна подавилась ананасом…

— Кайа… — услышал я эхо чьего-то голоса

— Да, я Кайа! Кайа это я…, - тут же ответил я

— Тебя зовут Филатовой Кайей? — отовсюду донеслось до меня эхо

— Да теперь меня зовут Филатовой Кайей! — радостно сообщил я, мне хотелось говорить и говорить, — А раньше звали Дмитрием! Мазовецким Дмитрием! Бабушка звала меня Димкой! Но она давно умерла. Я тоже умер. И теперь меня зовут Кайей. Я

четырнадцатилетняя девочка! Забавно правда? Был тридцативосьмилетним мужчиной, а стал четырнадцатилетней девочкой! Рассказать кому — не поверят!

Мне почему-то не ответили. И я очень расстроился.

— Ну поговори со мной, эхо! Пожалуйста…, — попросил я, когда мне долго не отвечали, гораздо дольше, чем мог спокойно вынести, очень хотелось говорить

— Ты узнаешь мой голос? — наконец задало мне вопрос эхо

— Голос…голос…голос…, — непрерывно повторял я, не в силах молчать, и лихорадочно соображал, кому может принадлежать эхо этого голоса, ибо боялся, что если сейчас ошибусь с ответом, то со мной перестанут разговаривать, а этого допустить никак нельзя

— Лера! Это эхо Лериного голоса! — радостно ответил я, даже слегка взвизгнув, — Лера, такая красивая, да?! Повезло тому типчику из игорного дома, который в итоге переспал с ней! Я бы тоже, наверное, была бы не против заняться с ней сексом. И ничего страшного, что мы обе девочки! Или все-таки это нехорошо? Лесбиянство — хуже пьянства, да. Или нет? Я не девочка. Да. Нет. Наверное… Хотя, все-таки нет. В моем сердце уже есть Ия… Да…! А еще Консультант, да… Консультант… Я влюбилась в мужчину? Или влюбился? Или влюбилось? Черт его знает, что я за чудо-юдо такое. Хотя, наверное, все-таки принадлежу к женскому полу, раз уж тело у меня теперь девичье…

— А мой голос ты узнаешь? — перебило меня какое-то другое эхо, но я не обиделся

— Да! — ответил я, моментально узнав голос эха, — Это голос моей новой матушки. Новая мама, смешно, правда?! Матушка у человека ровно одна. Я люблю маму. Жаль, что она давно умерла. Да, давно. Очень. И не здесь. Там. В том мире. Нет, ты не моя мама, нет…

— Препарат действует нормально, — донеслось до меня эхо голоса Леры, — но у нее, похоже, присутствует также и фантомная личность. Защитный механизм своего рода. Это нормально для подростка, перенесшего тяжелую психическую травму. И не одну. Однако это все усложняет. Необходимо задавать очень конкретные вопросы и направлять разговор в нужное русло…

— По руслу течет вода! Это называется река! — с готовностью сообщил я

До меня вновь донеслось эхо голоса «матушки».

— Мама…, — произнес я и эхо ее голоса мне ответило, однако я уже не слушал…

Матушка! В моей голове пронеслись образы всех тех злоключений, что произошли со мной за последние полгода.

Матушка…

Калейдоскоп образов остановился, и я вновь оказался там. На сортировочной станции. И вновь передо мной предстала прекрасно освещенная кабина локомотива «скорого», который через миг-другой столкнется с «товарняком». Я знаю это…Я уже видел это! И машинист в кабине, тот самый, обреченный мной на смерть парень, который стоя на ногах, что-то там в ужасе кричал своим коллегам.

Обреченного, да… Но, не мной! Это не я! Это «мама» его убила! Она и используемые ей пешки!

А я..? Я, выходит, тоже ее пешка. Забавно, правда? Я пешка… всегда был чьей-то пешкой, в обеих своих жизнях.

Внезапно «сортировочная» исчезла, а вместе с ней исчезла и прелюдия к той ужасной катастрофе, и я оказался…в «пионерском лагере»?

Я сидел за старой школьной партой, на столешнице которой, неизвестный пацан вырезал сообщение для некой Светки, сообщая той, что он ее любит. В помещении, подготовленном для очень специальных занятий очень специальных «пионеров». Меня обдало теплым летним воздухом из раскрытого настежь окна. Приятно. Я оглядел свои руки…и не увидел их!

И ног тоже!

Я был, но меня не было!

«Сегодня, юноша, наша с вами тема — распознание факта допроса с применением специальных медикаментозных средств, а также способы противодействия этой процедуре …» — по помещению взад-вперед расхаживал один из моих специальных преподавателей, человек с казённым выражением лица. Впрочем, это и был казённый человек.

Допрос с применением медикаментозных средств. «Матушка»…

Я вновь оказался на «сортировочной» за мгновение до катастрофы.

Нет…! Нельзя! Ни в коем случае нельзя говорить с «матушкой»! Нет!

Я дико завизжал.

— Она сопротивляется…? — вокруг раздалось эхо удивленного голоса Леры, — Ее пульс вышел за грань допустимого…

— Необходимо узнать чья она «закладка». Мы можем продолжать? — перебило ее эхо голоса «матушки»

Я практически потерял сознание.

— С ней здорово поработали. Какой-то блок на уровне подсознания. Еще чуть-чуть и она все…, — вдалеке раздалось эхо голоса Леры

— Жаль, — донеслось эхо голоса «матушки», — выводи ее

Внезапно все прекратилось. Исчезли все тени надо мной, а также эхо их голосов. Я снова стал просто лягушкой на дне колодца, только его чем-то накрыли…

Тьма.

Свет.

Я открыл глаза и уставился в потолок. Я еще жив. Больше не было теней надо мной. Приподнялся на локте. Я лежал на огромной кровати в огромной комнате с плотно зашторенными окнами. Оглядевшись некоторое время, осознал, что нахожусь в своей комнате, в здании, в которое мы переехали из Имения, и из откуда совершал свой побег. Я снова улегся головой на подушку.

Удивительно, но во всем теле я чувствовал невероятную легкость хорошо выспавшегося человека. Никакой головной боли, никакого похмелья, никакой тяжести в конечностях. Ничего. А было ли что-то?

Я вспомнил вчерашний (вчерашний ли?) малый Семейный совет. И все произошедшее на нем. Внезапно я себя почувствовал так, как чувствует человек, проснувшись после крупной пьянки в гостях и вспоминая все то, что он там учудил.

Я накрылся одеялом с головой. Все, нет меня!

Боже! Но это сейчас неважно. Да, неважно. Если я все еще жив и не в гостях у Льва Моисеевича, значит с этой стороны мне ничего не угрожает. По крайней мере в данный момент. А вот другое…

Мне вспомнились тени. И их слова… Было ли все это наяву или меня терзал лишь ночной кошмар? Откинув одеяло, оглядел себя.

Я лежал в свежей шелковой пижаме, благоухающей какими-то цветами, чистый и опрятный. Ничто не указывало на то, что меня еще недавно безумно рвало. Ничто, кроме слабого кислого привкуса рвоты во рту. Очень слабого, едва различимого. Но привкус этот присутствовал. А значит…

К моему запястью были подсоединены какие-то датчики, ведущие к некоему медицинскому аппарату, который периодически попискивал. Думаю, что он уже дал знать кому надо, что я бодрствую и сейчас я вновь увижу… Интересно, а кого я увижу первым? Ставлю рубль на то, что это будет Лера. Лера, Лерочка. Она, оказывается, не только психолог, но и…

В дверь негромко постучали.

— Войдите! — чуть громче, чем собирался, сказал я хриплым

спросонья голосом

Получив мое дозволение, в комнату вошли две женщины. Кажется, я должен самому себе рубль, ведь одной из них действительно была Лера, а другой — девчонка из обслуги (ну как девчонка, на вид ей можно было дать лет 20–25, наверное), странная какая-то. Азиатка. Не видел раньше ее здесь.

— Раздвинуть шторы, — негромко сказала Лера, и повинуясь ее голосовой команде, электропривод на карнизе начал раздвигать тяжелые шторы, давая возможность лицезреть мрачный зимний утренний пейзаж за окном. Темные, тяжелые тучи и сильный снегопад. Отличная погодка для того, чтобы свести счеты с жизнью. Где же весь этот «мороз и Солнце, день чудесный»? Этой зимой сплошные снегопады, — доброе утро, Кайа

— Доброе утро, Лер, — потянувшись в кровати, ответил я

Две стены в моей комнате были выполнены из стекла, то есть жил я в этаком полуаквариуме. Впрочем, снаружи не было видно того, что находилось внутри. Совершенно потрясающе и немного страшно поначалу, когда весь город лежит перед тобой, с высоты тридцать девятого этажа, только протяни руку. Одно лишь это делает жизнь в этой комнате столь привлекательной. Хорошо быть богатым. В некоторых аспектах, по крайней мере.

— Барышня, вы изволите подать вам завтрак прямо сейчас? — из задумчивости меня вывел вопрос горничной, который она задала мне с поклоном (!)

Совершенно очевидно, что эта женщина была из числа беженцев. Или «папаша», с «мамашей» «выписали» ее из какой-то азиатской страны.

Русский язык (если судить по одному сказанному ей предложению) у нее вполне грамотный, но ее акцент… Это ее «балисня», вместо «барышня», впрочем, понять, что она говорит, можно.

— Нет. Я, пожалуй, приму сначала душ, — ответил я и моментально оказался на ногах, ощущая приятную легкость в теле

Мне сейчас никак нельзя разговаривать с Лерой. Надо продумать линию своего поведения. Не зря она заявилась сюда сразу же, как только я проснулся! И вовсе даже не затем, чтобы пожелать мне доброго утра…

— Как вас зовут? — спросил я горничную

— Когда меня крестили, мне дали имя Мария. Меня зовут Марией Чжао…

Китаянка, стало быть.

— … а мое китайское имя для русского уха…не звучит, —

сказала она (теоретический русский она и впрямь знала очень неплохо), — поэтому, барышня, зовите меня, пожалуйста, Марией.

Горничной явно польстило, что Кайа обратилась к ней на «вы». Мария эта — молодая еще девчонка, но Кайа — четырнадцатилетняя девочка, и мне об этом никогда забывать не следует. А из всего своего небогатого опыта общения с выходцами из Поднебесной (со мной в Штатах работала пара человек оттуда), я вынес понимание того, что в общении с этими людьми (и совершенно неважно насколько они стоят ниже тебя на социальной лестнице), очень важно всегда проявлять внешнюю вежливость. Даже если вы их терпеть не можете.

— Хорошо, Мария… — ответил я, но был перебит Лерой

— Может быть все-таки позавтракаем сначала? — с улыбочкой спросила она, прозрачно намекая на то, что все нужно делать именно так, как велит она

Меня разобрала злоба на эту…дознавательницу. Я отвернулся, и сделав глубокий вдох, привел чувства в порядок. К созданию своего образа и линии поведения я подошел халатно и теперь проявляются последствия моих ошибок. Обернувшись, я сделал капризное лицо и чуть истерично сказал (хоть это и невежливо, но пусть знает свое место, она лишь «матушкин» инструмент):

— Во-первых, Лера, никогда больше меня не перебивай, пожалуйста, мне это не нравится! А во-вторых, я иду в душ! А после, мне бы хотелось, чтобы ты составила мне компанию за завтраком.

— Конечно, делай как хочешь, — ответила та, не поведя, как говорится, и бровью, но я готов поставить свой последний рубль на то, что взбесил ее до предела.

И это хорошо! И это правильно! Ведь юная богачка и должна вести себя здесь именно так.

Китаянка, а ростом она была Кайе по ключицу, что показалось мне довольно забавным, уткнулась взглядом в пол, но как мне показалось, с улыбочкой. Кажется, ей Лера тоже не нравится. Лера, Лерочка…подленькая ты змеюка. Мне бессмысленно пытаться ей понравиться, а значит и не нужно этого делать.

Несколько минут спустя. Я лежал на полу в душевой кабине, раскинув руки и ноги, наслаждаясь струями, бьющими меня с разных сторон, с разным напором и с разной температурой, сплевывая попадавшую в рот воду (да-да, эта душевая кабина, была такого размера, что позволяла долговязой Кайе растянуться на ее полу в полный рост). Совершенно потрясающие и

непередаваемые словами ощущения от этой процедуры. Я валялся на полу и внимательно разглядывал свое тело в отражении зеркального потолка кабины. Ни о чем не размышляя.

Внезапно меня охватило совершенно дикое сексуальное возбуждение, сопротивляться которому не было никаких сил (энергия, блин, юности). И мне безумно захотелось, чтобы здесь и сейчас рядом со мной оказалась Ия…или Консультант. Или и он, и она вместе…Боже, кажется, я схожу с ума.

Минут пятнадцать спустя. Вытираясь, я вгляделся в отражение своего лица на одном из зеркал ванной комнаты. И улыбнувшись ему, дотронулся рукой по отражения. Вот она — моя самая главная ошибка! Я совершенно выбился из образа. Несмотря на возраст и совершенно детское личико, Кайа в моем исполнении — это не ребенок (интересно было бы посмотреть на их лица, когда «матушка» и ее Лерочка-людоедочка, услышали из моих уст о том, что я был бы не прочь заняться кое-чем с этой самой Лерочкой…). Мне, бывшему в той жизни взрослым мужчиной, до сегодняшнего утра это было совершенно неочевидно. Однако теперь все стало кристально ясно, будто пелена спала с моих глаз. Я старался вести себя так, как вел бы себя взрослый человек, забывая при этом, что Кайа — ребенок. И у меня, естественно, это получалось. А у той Кайи — не получалось бы (все подростки стараются выглядеть взрослыми, но у них этого, в силу отсутствия еще жизненного опыта не получается). Ведь она подросток. А если у нее это получается, то…

Не было никакой тайны в том, с чего это вдруг мне устроили допрос с применением «спецфармы» (хоть это и чрезвычайно жестоко). И «матушка» в том кошмаре прямо сказала об этом Лере.

«Матушка» определенно считает, что Кайа — засланный кем-то в Семью казачок. И ее интересует: кем именно и зачем? Она пришла к выводу, очевидно, что некто поработал над Кайей особым образом, а затем, устроил все так, что она оказалась членом Семьи (убив каким-то образом ее маму). Как там она сказала? «Необходимо узнать, чья она «закладка»»? «Закладка» — это какой-то жаргонизм местных спецслужб, однако, вполне очевидно, что он обозначает.

Это, конечно, конспирологическая и безумная версия, но чего только в жизни не бывает.

«Матушку» не интересовала произошедшая на Железной дороге авария. Ведь никто в здравом уме, не станет увязывать меня с произошедшим там и тогда. Но «матушка» считает, что я марионетка и она очень хочет найти того, кто дергает за мои

ниточки. И узнать, что он задумал.

Я должен в корне изменить свое поведение, приведя его в соответствие со своим биологическим возрастом и социальным положением. Непросто, да. Но совершенно необходимо. Однако нельзя и переигрывать перед «матушкой», ибо она мне не доверяет в любом случае, и это уже не исправить, а чрезмерная игра лишь усилит ее подозрения.

Нет, не для нее предназначена моя игра, а для всех прочих.

До меня вдруг (а со мной все почему-то случается «вдруг») совершенно отчетливо дошло осознание простого факта, что «матушка» — мой враг. Вернее, нет, не так. Это Кайа — ее враг. Враг пробравшийся в ее Семью. В ближайший круг.

Также очевидно, что «матушка» сейчас ничего не станет предпринимать в отношении меня, ведь их с «папаней» главенство в Семье, несмотря на поддержку Государя, еще очень шатко. На них и на все их действия пристально смотрят прочие члены Семьи и не только нашей. Смотрят и оценивают. И если «матушка» сейчас решит избавиться от меня, от раздражающей ее воспитанницы, которая открыто выступила, с оружием в руках, в поддержку своего папочки, то это будет явный и недвусмысленный сигнал всем прочим. А такой сигнал, «матушка» сейчас посылать не станет — это совершенно точно.

И поэтому я не «выйду за хлебушком и не вернусь». Наоборот! На глазах у всех она станет меня холить и лелеять (ну да, этой ночью (или не этой?) она меня знатно «отлелеяла»). Нет. Да ей, собственно, ничего даже делать не придется. Следующей весной она преспокойненько сбагрит меня любовнику и помашет ручкой вслед.

Она сделает все, чтобы я не смог избежать подобной участи (и при этом будет лгать мне в глаза, что изо всех сил старается найти для меня какой-то приемлемый выход).

Она враг.

Впрочем, даже если бы она и впрямь хотела бы помочь Кайе избежать «любовничества», то у нее из этой затеи ничего бы не вышло. Ни Семейство будущего любовника в общем, ни Государыня в частности, не согласятся на замену Кайи на другую девицу нашего Семейства. Ведь «дед» с «бабкой» хотели уязвить их, отдав то, что негоже, а оно вон как вышло. Кайа — это теперь дочь Главы Семьи, пусть и приемная, но все же.

Как же все забавно получается. Ведь «матушка», как и «бабуля», сначала вполне хорошо относилась ко мне, но затем… Я сам в этом виноват, плохо вжился в новую роль.

Рукой протерев запотевшее зеркало, я, улыбнувшись своему отражению, сказал:

— Ты мне нужна, Кайа. Я тебя не брошу. Мы с тобой вдвоем пройдем сквозь весь этот ад. Все будет хорошо. Для нас двоих по крайней мере.

В отражении на меня смотрела милая девочка-подросток, с характерным для подростка, не обремененного заботами и невзгодами, выражением лица.

Вот так! Вот так хорошо! Это я мерзавец и подонок, а ты, моя дорогая, просто невинное дитя.

Несмотря ни на что у меня появилось чувство, на уровне ощущений, что моя ситуация стала гораздо лучше, чем была до сегодняшнего дня. А также осознание того, что в скором времени мне предстоит презабавнейшая игра с моей любимой и дорогой «матушкой». Кто кого съест? Ам-ам!

Я выглянул из ванной в свою комнату, в которой обнаружилась Мария. Одна. Лера ушла.

— Мария, принесите, пожалуйста, свежее белья, — сказал я

— Уже несу, барышня!

Глава 56

— Барышня, мадам просит вас к завтраку, — с поклоном сказала Мария, когда после душа я оделся в домашнее

— Мама? Дома? Здесь? — спросил я, собирая волосы в «хвост» и надевая на них резинку (мой голос стал очень взволнованным, практически на грани истерики)

— Да, мадам, и ее Прислужница. Она распорядилась подать завтрак в столовую и привести вас, — ответила горничная

Посторонние люди в квартире, даже в такой большой, как эта (занимавшей целый этаж), откровенно раздражают. Горничные, охрана, прочий персонал… Думал — привыкну, но нет. Похоже, чтобы комфортно чувствовать себя в таких условиях, в них, как говорится, нужно родиться. Честно говоря, мне (как, вероятно, и большинству) всегда хотелось иметь или дом, или большую квартиру. И чтобы с домработницей. И вот, пожалуйста! Большая квартира — есть. Домработница (и не одна!) — тоже. Даже повар имеется. Казалось бы, вот оно — счастье человеческое (дорого-богато, да!), круче уже практически некуда! Ан нет, чем дальше, тем больше мне хочется переехать в какую-нибудь «однушку» на окраине города, дабы жить действительно приватно, без всех этих посторонних людей вокруг. Надеюсь, что со временем я все-таки привыкну, ибо никакой приватности, во всяком случае в обозримой перспективе, для меня не предвидится.

По пути в столовую (Мария шла за мной хвостиком), мне попались на глаза еще две горничные, вытиравшие пыль с предметов обстановки. И снова незнакомые лица. И снова китаяночки. Когда я проходил мимо, они моментально прекратили свою деятельность и болтовню (на языке мне неизвестном), и с поклоном поприветствовали (тоже не по-русски).

— Доброе утро, — запинаясь сказал им я

Девчонки эти что-то весело защебетали.

— Они могут вернуться к работе? — спросила Мария

— Д-да, конечно, — ответил я, не ожидая того, что своим присутствием помешал их рабочему процессу

Мария что-то им сказала, и девчонки, поклонившись мне вновь, вернулись к трудовой деятельности. И снова, как это уже было с Машкой, все эти их поклоны и тон, с которым они сказали что-то неведомое мне (не ругали, надеюсь) — не показались подобострастными, а были лишь той вежливостью, к которой они, вероятно, привыкли у себя дома. Было очевидно, что они не прислуживают здесь, а служат. Вернее, работают.

— Они не говорят по-русски? — тихо спросил я, глядя в пол, Марию, когда мы двинулись дальше

— Нет, что вы, барышня! — весело ответила мне та, — Они из деревни! Откуда бы им знать языки? По-нашему говорить и писать-читать умеют — уже хорошо!

Может они и из деревни, конечно, но, чтобы работать в таком доме, как этот, они явно должны были быть «профессорами от уборки», ибо уход за люксовым гардеробом хозяев дома и прочее, требует немалого опыта и знаний.

Очевидно, что родители сменили весь домашний персонал, причем на «не наших». И значит, на то были какие-то веские причины.

Едва я вошел в столовую, как Мария сказала матушке:

— Я ее привела, мадам.

— Спасибо, — ответила та, разглядывая меня и подала какой-то знак, после чего, вся обслуга, бывшая здесь, покинула столовую, затворив за собой двери.

Завтрак был уже подан, но три женщины, сидевшие за столом, к нему не притронулись, ожидая, по всей видимости, моего появления.

— Доброе утро, — тихо поприветствовал я двух женщин (третью, Леру, сегодня я уже видел).

Голос и выражение моего лица были такими, каковые должны были быть у девочки-подростка, совершившей накануне тройное убийство (как это себе представляю я, по крайней мере), причем не абы кого, а своих родственников. То есть, как на похоронах. На своих. Я находился «в без пяти минут» истерике. То есть, голос мой дрожал, а глазки смотрели в пол (да-да, я хочу спрятаться под одеяло и больше никогда-никогда не вылезать оттуда). Слез не было, но любому было очевидно, что они вот-вот прольются.

Играть, я должен играть. Но не переигрывая.

— Лера…, — на моих глазах наконец выступили слезы, — … извини меня, пожалуйста, за мое хамство! Ты обо мне так заботишься, а я столь грубо тебе ответила…

Я подошел к столу, но не сел.

Я поступил не подумав, когда начал воспитывать Леру, ибо был с ней всегда нарочито вежлив и корректен. Да и вообще, между нами установились вполне хорошие отношения. И то, что я указал ей на ее место, может означать ровно одно — я помню, что они с «матушкой» провернули этой ночью. И не просто помню, а понял, что именно тогда произошло! А четырнадцатилетка, раз уж я в полной мере решил отыгрывать роль подростка, не должна была понять смысл произошедшего, даже если предположить, что она не забыла тот ночной кошмар. Это, во-первых. А во-вторых,

будет очень хорошо, если я смогу убедить этих двоих (если меня допрашивали вдвоем) в том, что не помню самого факта допроса (вернее, его попытки). Короче говоря, нужно исправлять свою оплошность, но тут главное, опять же не переиграть.

А этот совместный завтрак, я уверен — это, в том числе, попытка матушки выяснить, помню ли я что-то из того, что произошло ночью или же нет. И если помню, то понял ли? Ну и плюс к этому, попытки обнаружить моего предполагаемого кукловода далеки от завершения.

Женщины молча переглянулись, а я продолжил:

— Лера, ты…тогда, когда сказала, что мне нужно сначала позавтракать…ты мне напомнила Ирину. Она всегда мной командовала и…, — я заплакал, и, взяв со стола тканевую салфетку, начал мять ее в руках, — и…я…я вспомнила… все те ужасы, что со мной недавно произошли…, а еще вчерашнее…

Я зарыдал в голос. А Лера, встав из-за стола, и сделав шаг, просто обняла меня.

Мы простояли так некоторое время. Я рыдал, а она обнимала и поглаживала меня, успокаивая.

— И ты, Кайа, прости меня, пожалуйста, — сказала она и чуть-чуть отстранившись, приподняла ладошками мою голову, заглянув в мои влажные глаза, — я совершенно не желала вызывать у тебя дурных воспоминаний…

— Я рада, Лер, что у меня есть такая подруга, как ты, — шмыгнув носом, ответил я

Мы обе заняли, наконец, свои места за столом, и я, глядя на свои колени, и продолжая теребить в руках салфетку, дрожащим голосом задал «матушке» вопрос:

— Меня… теперь… сошлют на каторгу? Или казнят?

И зарыдал вновь.

Прислужница «матушки», должна быть «в теме». Ну и Лера, раз уж она присутствовала при допросе (нужно будет выяснить: кто вообще такая эта Лерочка?).

— За что это тебя должны сослать на каторгу или вовсе казнить? — спокойным голосом поинтересовалась «матушка», и разбив ложечкой вареное яйцо, испытующим взглядом посмотрела на меня

— Ну как же…? — ответил я, растерявшись практически искренне, — я же вчера убила…

— Кого это ты вчера убила? — приподняв бровь, вновь спросила она

— Человека, отказавшегося от меня…и еще двоих братьев папы…, а также, кажется, случайно ранила одну из тетушек, — удивленно ответил я

— Ну, во-первых, — каким-то слишком уж бодрым голосом сказала та, — вчера ты никого не убивала. Разве что, во сне. Тебе приснился кошмар. Ведь ты беспробудно проспала целые сутки…

— То есть, все они живы? — радостно встрепенулся я

— Я этого не говорила, — зачерпнув ложечкой яйцо и покачав головой, ответила «матушка», — нет, твой бывший отец и два его брата действительно мертвы. С тетей же все в порядке, она должна скоро поправиться…

— Но…, — начала было я

— Ты никого не убивала. Тебе приснилось, что ты спасаешь папу от этих злодеев. Но наяву все было иначе. Человек, как ты выразилась, отказавшийся от тебя и два его братца, воспользовавшись внезапной болезнью твоего деда, накинулись на твоего папу и хотели его убить, чтобы наложить свои лапы на Наследие Семьи. Однако, как и следовало ожидать от этих никчёмных людей, даже втроем у них ничего не вышло. Твой отец, в порядке самообороны, застрелил троицу негодяев, случайно ранив твою тетушку. Вот что случилось, — ответила «матушка»

— То есть, наяву я никого не убивала? — с огромным облегчением спросил я

— И снова нет, — «матушка» откровенно забавлялась со мной, ибо Кайа для нее, совершенно очевидно, теперь даже не приемный ребенок, а какая-то неведомая зверушка, — ты убила своего бывшего отца. Убила и его братьев. Ты застрелила их из штурмовой винтовки. Весьма недурно стреляешь, между прочим, для человека впервые в жизни взявшего в руки оружие, мое почтение. И серьезно, хоть и не смертельно, ранила тетку. А затем, ты впала в безумие, и если бы в винтовке не закончились патроны, то этот мир стал бы гораздо чище.

— Мама…, — начал я

— Ты спасла своего папу, в очередной раз. И все, присутствующие на малом Семейном Совете, знают об этом. Как, впрочем, и другие члены Семьи, не бывшие на Совете. Ты действительно стреляла и убила троих человек. Но при этом, ты никогда ничего подобного не делала. Так что выдохни, никто и никогда не станет обвинять тебя в произошедшем и ссылать куда-либо. Ты молодец, отважная барышня. Мы с твоим папой гордимся тем, что ты наша дочь. Той ночью, своими самыми решительными и своевременными действиями, столь не характерными для такой юной барышни, ты сохранила не только жизни папы и мою, но и жизнь своего еще не рожденного брата. Ну и свою, безусловно.

— Брата? — поднял я влажные глаза на «матушку»

— Да, — улыбнулась мне та и погладив свой живот, добавила, — брата

— Я рада…, — ответил я, вновь опуская взор на колени, а затем, вскрикнул, — а дедушка…?!

— Технически твой дед жив, но…, — безэмоционально ответила та, намазывая джем на тост, — никогда более он не сможет ни встать на ноги, ни сказать что-либо собственным голосом…

— Понятно, — ответил я, не поднимая глаз, — то есть папа теперь Глава нашей Семьи?

— Да, — ответила «матушка», — теперь это именно так.

— А папа…? — вновь воскликнул я, — Папа цел?

— В общем и целом, да, — ответила та, — он получил несколько не слишком глубоких порезов. Он приедет вечером, и ты сможешь сама убедиться в том, что с ним все хорошо.

Я с облегчением выдохнул.

— Слава Богу! Значит, — поднял я свой взор и в моих глазах появилась радость, — теперь папа может сделать так, что следующей весной мне не придется…?

Я выразительно посмотрел на «мать». Та, ни слова не говоря, взяла лежавший на столе рядом с ней конверт, и протянула его мне.

Простой белый конверт, без каких-либо штампов, марок и надписей.

— Прочти письмо, — велела она, когда я, повертев в руках конверт, удивленно посмотрел на нее

Открыв конверт и достав из него лист бумаги, стало очевидно, что это письмо написано кем-то из членов царской Семьи. Гербовая бумага. С аккуратным женским почерком на ней, а подпись не оставляла сомнений в том, кто отправитель.

Государыня.

— Я…я не могу прочесть написанное, мам, — ответил я, убрав письмо в конверт

Письмо, как и следовало ожидать от Государыни, было написано на немецком языке. На лице «матушки» впервые за время нашего завтрака проступили эмоции. Она была явно недовольна.

— Твои успехи в овладении немецким меня совсем не впечатляют, Кайа, — сказала она, принимая из моих рук конверт

— Я не слишком способна к языкам, мам, — тихо прошептал я, — извини

— К изучению английского, как выяснилось, ты оказалась вполне даже способной, судя по результатам

Я легонько пожал плечами, а она начала читать послание,

написанное рукой Государыни. Само собой, там были соболезнования по поводу болезни «деда» и столь внезапно почивших в Бозе родственников, а также завуалированное поздравление Игорю и Жене с их Главенством в одном из самых достойных Семейств страны.

Но для меня все это было простой шелухой, ибо Государыня, от имени своей Семьи, написала то, что и должна была написать в подобном случае. Для меня важным было другое. Всего лишь одна строчка:

«Искренне надеюсь, что несмотря произошедшие трагические события, все достигнутые между нашими Семьями договоренности остаются в силе».

«Матушка» прекратила читать и убрав письмо в конверт, положила его на стол, рядом с собой.

— Но, мама…, — жалобно начал я

— Несмотря на то, что твой общественный статус серьезно вырос, ты стала дочерью Главы нашего Семейства, — перебила меня «матушка», — это не отменяет того факта, что следующей весной ты станешь зарегистрированной любовницей родственника Государыни. Это жизненно необходимо для реализации дальнейших планов нашей Семьи, и как ты сама только что слышала, Государыня не согласна на замену тебя другой барышней из нашей Семьи. Ты обязана принять это, ради благополучия всей нашей Семьи.

О, как! Не прошло и «пяти минут» с того момента, как «матушка» стала женой Главы Семьи, а она уже заговорила теми же словами, что и «бабуля»… Кстати, как там поживает старушка? Не прикопали ее еще? Было бы совсем недурно, если бы прикопали, ибо убийство своих сыновей она мне ни за что не простит…

— Но, мам, — все так же тихо, и продолжая глядеть на свои колени, произнес я, — разве не будет ущерба для репутации нашей Семьи, если дочь Главы станет на некоторое время простой игрушкой для того мужчины…?

— Забудь все то, о чем мы с твоим папой говорили тебе насчет того мужчины. Более для тебя все это неактуально. Твой статус изменился, и твой любовник не посмеет играть с тобой в те игры, что ему столь по душе. Для этого у него будут иные девицы. Ты — всеми уважаемая барышня! Так есть и так будет впредь! Посмотри на меня! — велела «матушка»

Я поднял на нее свои заплаканные глаза.

— Как, по-твоему, твой папа меня любит? — спросила она

Я лишь кивнул.

— А ведь я за него замуж идти совершенно не хотела! —

внезапно сказала он, — Знала бы ты, какую гору посуды я перебила дома, пытаясь убедить своего отца в том, что совершенно не люблю твоего папу…надеюсь, ты посуду бить не станешь. Но в итоге, погляди на то, как любим мы друг друга. Но я — шестая по счету дочь своего отца, и даже так у меня не было свободной воли в вопросе своего замужества. Отец — решил, и я была обязана повиноваться его воле. Таковы правила в нашем сословии. Ты же — не просто дочь своего отца! Не просто его наследница! Ты теперь первая барышня этой Семьи! И ты, ни сейчас, ни когда-либо потом, не будешь вольна жить по своему усмотрению. За тобой всегда будет наблюдать множество глаз, оценивая любые твои слова и поступки, ибо они не твои. Твоими устами теперь говорит Семья — всегда помни об этом. Все твои действия должны быть направлены во благо Семьи! Надеюсь это тебе понятно…

— Мама! — шмыгнул носом я, — Но ведь я буду всего лишь любовницей…!

— Не всего лишь любовницей, а зарегистрированной! У тебя будут все те же права и обязанности, что и у супруги…

Я зарыдал. Однако матушку это не впечатлило, похоже.

— И чтобы на сей раз без обычных своих фокусов, кои устраивать ты столь горазда! Ты меня поняла? — спросила она

Я покивал, утирая слезы

— Да, матушка

Она мне не на секунду не поверила, это было очевидно. Таким образом наша с ней игра в «кошки-мышки» только начинается. Она сделает все, это без сомнения, чтобы я не выкинул какую-нибудь штуку и благополучно (для нее) отбыл следующей весной «по новому месту прохождения службы». Поэтому я никак не смог не вставить ей маленькую «шпильку».

— Надеюсь, я успею понянчить своего братика, — негромко сказал я

Негромко, да. Но она аж дернулась от моих слов. Явно считает меня небезопасной для своего ребенка.

— Конечно, — сказала она наконец, — да и в отчий дом ты будешь вольна приезжать хоть каждый день, тебя же никто в клетке запирать не станет.

Ага, из Питера сюда — каждый день!

— Хорошо, мам, — впервые за время завтрака улыбнулся я, хоть глаза мои и оставались заплаканными, — я сделаю для нашей Семьи все

— Вот и славно! — ответила «матушка», — Учись прилежно, и в дальнейшем ты сможешь быть полезной Семье не только в постели своего любовника…

Теперь уже от ее слов дернулся я. Какая мать, пусть даже и приемная, может на полном серьезе сказать подобные слова своей четырнадцатилетней дочери?

— … но и заняв высокую должность в каком-либо из Семейных предприятий. Кушай-кушай, ты не ела целые сутки…и не смотри на меня так, это решение мне тоже не сильно по душе.

Некоторое время спустя.

— Если ты не против, мам, я пойду отдохну, — сказал я, когда обслуга убрала со стола посуду

— Да иди…, — сказала она, но внезапно спохватилась, — помнится ты говорила, что хотела бы брать уроки черчения? Так вот, я нашла для тебя подходящего учителя. И ваш первый урок будет сегодня, в пять часов. Так что слишком долго бездельничать, раздумывая о всяком, у тебя не выйдет. В конце-концов усердный труд — лучшее лекарство от всевозможных депрессий. И да, с этого момента, немецкого языка в твоем учебном расписании станет значительно больше. Плюс, тебе необходимо начать изучать политику и раз уж так вышло, что я теперь сижу дома, то этим займусь самолично.

— Хорошо, мам…, — ответил я, глядя чуть в сторону от нее

— Кстати говоря, — окликнула она, когда я уже встал из-за стола, — как тебе спалось? Если тебя мучают кошмары, из-за случившегося, то Лера даст тебе лекарства.

А вот и главный вопрос этого утра. Я взглянул в потолок и почесав нос, ответил:

— Да нет. Вроде никакие кошмары меня не мучают. Я вообще редко вижу сны. Все хорошо, мам, — улыбнулся ей я и пошел на выход из столовой

Чуть позже, в своей комнате.

Я взял с полки одну из книг (бумажные теперь редкость!) и удобно устроившись на диванчике, принялся бездумно, не читая, листать ее. Потом просто бросил книгу на пол и упал лицом на декоративную подушку.

Я улыбнулся. И не просто, а до ушей, от всей души.

При взгляде со стороны, моя жизнь может показаться сущим адом. Впрочем, это и есть мой личный ад, в котором я вынужден каждую минуту притворяться, чтобы выжить, носить маску, но…

Я сейчас ощущаю себя живым настолько, насколько не ощущал этого никогда ранее… и я вдруг понял, что мне нравится моя теперешняя жизнь. Удивительно, конечно, но это факт. Просто я сошел с ума, наверное.

Примерно за час до урока черчения. Мария, постучавшись, зашла в мою комнату, сообщив о том, что меня дожидается гостья.

— Ия? — спросил я

— Нет, это одна из ваших кузин, Ольга, — ответила та, — она ожидает вас в гостиной

В моей голове моментально всплыла сцена расстрела бывшего «папочки» и его братьев, среди которых был и отец Олечки. А также то, что последовало за этим…

Мои родственнички, и в этом нет ни малейшего сомнения, никогда не простят мне своего страха и своего позора, когда они, распихивая и затаптывая друг друга, бежали прочь из зала, спасая свои никчемные жизни, совершенно позабыв о ближних своих. И друг другу всего этого они тоже не простят. Представляю, как хохотала матушка, когда ей рассказывали о произошедшей сценке.

Мне категорически не хочется разговаривать с Олечкой. Ни теперь, ни когда-либо еще. Очевидно, что эта гимнастка явилась сюда по наущению своей мамашки, которая, кстати, была на том Совете и видела все своими собственными глазами. И которая теперь опасается того, что «матушка» выкинет на мороз жен и детей тех братьев, что попытались прирезать «папашу», а также, тех родственничков, кто безразлично взирал на происходящее. А она может! В этом нет ни малейших сомнений…

В конце-концов родственников в этой Семье более чем достаточно.

Кажется, мира в Семье не предвидится, ведь для людей, которые привыкли жить не просто роскошной жизнью, потеря кормящей их Семейной «сиськи», будет хуже, чем смерть.

Я поднялся с дивана. Ничего не поделать, нужно идти, разговаривать.

В гостиной.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что Олечка прекрасно знает то, кто именно «зажмурил» ее папочку, хоть и нельзя не отдать ей должного в том, что актриса она, к моему удивлению, совсем недурственная.

Она меня никогда не простит, естественно, и при удобной возможности непременно постарается отомстить. Я вдруг отчетливо осознал, что хочу, чтобы эта четырнадцатилетняя девочка, стоящая сейчас передо мной, умерла. И от этого желания у меня образовалось очень неприятное послевкусие.

И когда мгновенные эмоции ненависти ко мне схлынули с ее миленького юного личика (она даже догадалась отвернуться, но сделала это недостаточно быстро), она изобразила такую вселенную скорбь, что мне даже захотелось ее пожалеть.

Но что поделать, я тоже был в печали.

К моему удивлению, с разбегу виснуть на моей шее (для

этого ей пришлось бы подпрыгнуть, наверное) и рыдать, она не стала. Вместо этого, она встала со своего места и глядя в пол, неспешно подошла ко мне, затем подняла на меня взор и тихим голосом сказала.

— Здравствуй…Кайа

— Здравствуй и ты, Олечка. Это кажется впервые, когда ты назвала меня по имени и никак не ругаешь, — таким же тихим голосом ответил я

— Ты поступила очень плохо, и я на тебя до сих пор зла, — внезапно совершенно искренне ответила та

— Мы с тобой не дружим, так зачем ты пришла? — в лоб спросил я

Она отошла от меня к окну, видимо у нее не было никаких сил спокойно стоять со мной рядом. Ничего удивительного. Я, своими собственными руками, убил ее папу, она меня ненавидела самой лютой ненавистью.

— Мой папа умер…, а мама сказала, что мы, после похорон, уедем. Очень далеко. На Север, на Юг или на Восток…не знаю… Но так велела твоя мама! — Олечка заплакала, а затем, развернувшись ко мне, практически прокричала, — А я не хочу уезжать ни в какую глушь, понимаешь?!

Она вновь отвернулась к окну.

— А если бы, скажем, ты переехала в Санкт-Петербург? Это бы тебя устроило?

— Да! — практически моментально ответила та

— Ты же знаешь, что будущей весной, я стану любовницей одного уважаемого мужчины…, — начал я, но был перебит «кузиной»

— Кто же этого не знает? — буркнула этот зловредный ребенок

— Так вот, — продолжил я, — раз ты так не хочешь уезжать в какую-то глушь, то я подумала, что мой будущий любовник не откажется принять в любовницы еще одну дочь нашей Семьи. Тебя, мою кузину. В конце-концов, матушка мне сегодня за завтраком сказала, что из-за моего возросшего статуса в Семье, некоторые особо пикантные вещи он со мной проделывать не сможет… Ты же — дело иное. В конце-концов, хоть мы с тобой и не друзья, но вдвоем нам будет явно веселее…

Несмотря на всю свою подростковую эмоциональность, дурочкой Олечка не была. Я заметил, что в этой Семье дети ментально гораздо старше своих сверстников из того мира. И даже эта гимнасточка отнюдь не страдает излишним инфантилизмом.

— Тебе так приятно теперь надо мной издеваться? — скривив

лицо спросила она

— Вовсе нет, — спокойным тоном ответил я, покачав голой и взяв «кузину» за руку, — вот сейчас пойдем к матушке и все организуем!

Я развернулся и сделал шаг на выход из гостиной.

— Стой! — взвизгнула она, и попыталась вырваться, но я держал крепко, — Я не хочу…!

Я вновь поглядел на кузину.

— Ну раз не хочешь…, — я пожал плечами, отпуская ее руку, — у меня нет иной возможности помочь твоей беде

Затем, обратился к Машке, которая присутствовала здесь же.

— Мария, если матушка сейчас не занята, отведи, пожалуйста, мою кузину к ней. А ты, Олечка, извини меня, но я нехорошо себя чувствую, так что, пойду отдыхать. Пока!

— …пока, — услышал я в ответ

Когда я выходил из гостиной, у меня возникло серьезное подозрение в том, что это не последнее такого рода «паломничество» ко мне.

…и все-таки, уверен, «матушка» не отказала бы мне в просьбе, и организовала бы отъезд Олечки вместе со мной к тому типу, если бы я действительно смирился с подобной судьбой. В конце-концов, чего только не сделаешь ради Семьи. Я улыбнулся, представив то, какие штуки мог бы проделать с Олечкой мой предполагаемый любовник.

Глава 57

— Барышня! — в комнате раздался негромкий голос Марии, выведший меня из прострации, — учитель черчения ожидает вас на урок

— Д-да, — ответил я, — сейчас иду

Я зачем-то пришел в свою комнату, и внезапно «зависнув» у комода, глядя в одну точку, забыл зачем именно. Что-то мешало моим рукам.

Ах, да, хотел же сменить кофточку с длинными рукавами, на футболку, — подумал я, глядя на кофту, которую успел наполовину снять, прежде чем «зависнуть».

И стоя с обнаженным торсом (не считая бюстгальтера, конечно) перед комодом, в который убирал кофту и из которого затем доставал футболку, кинул взгляд на зеркало, в очередной раз отметив огромное несоответствие моей детской мордашки — физически развитому, хоть и несколько тощеватому, телу. И это несоответствие было каким-то…непристойным, что ли. Будто на полуобнаженную фотографию уже вполне взрослой и сформировавшейся девицы наклеили лицо с фото подростка, лет двенадцати. У Кайи явно присутствуют какие-то отклонения в развитии, не может их не быть…

Но выражение моего лица мне понравилось. Милое, и по-детски наивное. Глядя на меня сейчас, никто в здравом уме не поверил бы в то, что эта милая девушка-подросток может быть причастна ко всем тем поистине ужасным деяниям, сотворённым моими руками. Именно таким оно и должно быть, я остался доволен своим лицедейством. Улыбнувшись отражению, надел футболку и отправился на урок.

— Здравствуйте, — поздоровался я, войдя в комнату, в которой у меня обычно и проходили занятия с учителями.

Когда я вошел в импровизированный класс для меня одного, учитель стоял ко мне спиной, у окна, заложив руки за спину. Кажется, он тоже впечатлился открывавшимся видом на Москву.

— И вы здравствуйте, барышня, — ответил тот, не спеша обернувшись ко мне

Е-мое! Государь, подозреваю, пожаловал какой-то китайский городок на кормление «родителям», которые вывезли оттуда половину трудоспособного населения…, — закралась в мою голову мысль, когда я увидел физиономию учителя.

Передо мной стоял довольно высокий, худощавый тип, лет тридцати, в ладном костюме (не слишком дорогой на вид, но и не из дешевых) и в очках, с зачесанными назад волосами. Очень

опрятный. Очевидно, китаец. Однако же, не той национальности, что Мария и прочие виденные мной горничные (те, если я ничего не путаю, ханьцы). И в этом ничего удивительного нет, ведь Китай, такое же многонациональное государство, как и Россия. Хотя, если честно, вряд ли можно назвать **этот** Китай, оккупированный и разделенный на зоны влияния различными державами, государством. Территория, скорее.

— Меня зовут Лин Киу и с сегодняшнего дня, барышня, я имею честь быть вашим учителем черчения, — представился он

Я заметил две вещи. Во-первых, этот Лин Киу, не поклонился мне, как прочие виденные сегодня уроженцы Поднебесной, но судя по всему — вовсе не из неуважения, просто он знает, что в России это не принято. Или, быть может учителя не кланяются ученикам. Или и то, и другое разом. А во-вторых, его русский язык был очень хорош. Мария теоретическим русским тоже владеет хорошо, но ее разговорный русский — это просто ужасный ужас. А вот у учителя с этим полный порядок. Нет, было очевидно, конечно, что русский язык для него не родной, но все же… Короче говоря, Лин Киу — полностью «русифицированный» китаец.

А еще, передо мной встал немаловажный вопрос: как именно к нему обращаться? Я совершенно точно знаю, что к китайцу следует обращаться по фамилии, но не только. И если бы дело происходило на моем прежнем месте работы, в США, то я бы обращался к нему: мистер Лин. Но в России обращение «мистер» — не принято и неуместно. Господин Лин? Но послушайте, какой он мне к черту господин?! Если я его так назову, то «маман» обязательно устроит мне взбучку…

— Не будет ли невежливо с моей стороны называть вас — учитель Лин? — уточнил у того я, миленько улыбнувшись

Вот, блин, учитель Лин! Мне стало смешно (про себя, само собой), будто не технической дисциплине собираюсь обучаться, а какому-нибудь кунг-фу.

Вообще-то черчение входило в перечень дисциплин, преподаваемых мне в университете, на первом и втором курсах. Однако я это занятие терпеть не мог от всей души, и был совершенно уверен в том, что какое бы дело для себя в будущем не избрал, оно гарантированно не будет связано с начертанием чего бы то ни было. Поэтому я и прогуливал, в основном, сей предмет с чистой совестью, зная, что преподу было наплевать на тех, кому черчение неинтересно. Таковым он ставил зачеты и трояки «автоматом», не компостируя мозг ни себе, ни прогульщикам.

И действительно, **там** мне это умение не понадобилось. Хотя

и нельзя сказать, что работать с чертежами мне не приходилось вовсе. Это не так, ведь несмотря на то, что я все-таки не инженер-конструктор, но для создания рабочей математической модели и выполнения прочих своих обязанностей, мне, естественно, требовалось ясно понимать, как устроена и работает та или иная штуковина (ну или как во всяком случае должна работать). Таким образом мне пришлось потратить N-ное количество времени (весьма немалое) на то, чтобы научиться грамотно **читать** чертежи, к которым я имел доступ (справедливости ради надо отметить, что никто и не ожидал от вчерашнего выпускника ВУЗа того, что он умеет делать **все**, что нужно, поэтому меня обучали на рабочем месте, так сказать). А в своей американской Компании я, естественно, был допущен (далеко не сразу, конечно) к чертежам всего того, над чем трудилась команда специалистов, включавшая в свой состав меня (хотя, в основном, и не из разряда «горячие новинки», ведь подразделение Компании, в котором работал я, специализировалось больше на модернизации образцов уже давненько состоящих на вооружение американских ВВС, армии и флота).

Там не понадобилось, а вот **здесь**… Не зря же бабуля говорила, что знания за спиной никогда не носят. Не зря.

— Это была бы честь для меня зваться вашим учителем, — ответил мистер Лин без всякой иронии в голосе и улыбнулся мне очень приятной улыбкой, от которой моя Кайа едва не растаяла…

— Учитель Лин, хотела бы сразу прояснить одну деталь, — сказал я, присаживаясь за стол, на котором находились вполне себе «аналоговые» инструменты и разнообразная бумага для черчения, — учиться искусству чернения я решила вовсе не ради баловства и это не временная моя блажь…

— Ну что же, очень рад это слышать, — ответил тот, — но, я в любом случае буду обучать вас, барышня, на полном серьезе. А вот перенимать ли от меня знания и умения, либо же нет — это ваша свободная воля, тут я бессилен что-то сделать

Он развел руками.

— Кайа. Зовите меня, пожалуйста, Кайей, — с улыбкой попросил того я, ибо эта «барышня» у меня уже в печенках сидит

— Хорошо, Кайа, — ответил тот, вернув мне улыбку

Улыбка делала этого мистера Лина очень приятным и располагающим человеком…плюс еще и немалым красавчиком, надо сказать, но подобные мысли я постарался сразу выкинуть из головы.

— А я думала, — перевел я тему разговора, и посмотрел на чертежные инструменты, — что пользоваться мы будем виртуальным планшетом

— Только если вы на этом настаиваете, Кайа, — вновь пожал плечами учитель, — но я бы настоятельно рекомендовал вам учиться на бумаге. Во-первых, потому что, научившись чертить на бумаге, вы запросто сможете проделать то же самое и на планшете, а вот наоборот боюсь не выйдет. Ну и, во-вторых, у планшета нет…души. Да вы это с опытом и сами почувствуете. Бумага дает творцу вдохновение. Давайте начинать наше занятие

— Конечно, — ответил учителю я и сложил руки, как первоклашка

Начали мы, естественно с самых основ. Наш урок длился полтора часа и в отличие от всех прочих уроков черчения, на которых я когда-либо бывал, этот показался мне на удивление интересным. Наверное, это потому, в том числе, что он помог мне наконец переключится на что-то позитивное. Таким образом я даже и не заметил, как время нашего занятия подошло к концу.

— Кайа, мы с вами будем заниматься дважды в неделю, — сказал учитель Лин, убирая свои инструменты, после чего спросил:

— Кайа, а вы не…, — он внезапно перевел взгляд с меня на потолок, а кисть его левой руки быстро сжимала и растопыривала пальцы, он явно подбирал слова, — …не знаю, как это сказать по-русски, но…

Я заметил движение около двери и посмотрел туда. Это Мария, вошедшая на цыпочках, с виноватой улыбкой махала… мне? Или учителю? А вот и учитель заметил ее и улыбнувшись, помахал в ответ, мол, чуть позже. Видимо, они знакомы.

— …но я вижу в вас большой потенциал, — наконец подобрал нужные слова тот, — по окончанию школы вам определенно стоит поступить в университет на техническую специальность

— Я запомню ваши слова, учитель Лин, — ответил я

Он вновь улыбнулся мне своей приятной улыбкой.

— Вы знакомы с Марией? — спросил я чуть погодя

— В некотором роде, — вновь улыбнулся тот, еще искреннее, — Мария — моя жена!

— Вот как? — удивился я, — Но если я ничего не путаю, у нее другая фамилия…извините, я кажется сую нос не в свое дело

— Да тут никакой тайны нет, — отмахнулся он, — все дело в том, что в Китае, в отличие от России, например, женщина, выходя замуж, не берет фамилию мужа

— Ааа, вот в чем дело…, — глубокомысленно ответил я, продолжив, — хотите чаю? Или может быть перекусить?

Это сложно объяснить словами, но я не желал так быстро отпускать этого человека. Он был приятным собеседником и мне

искренне захотелось поговорить с ним еще. Без разницы, о чем. Возможно это еще и потому, что он редкий для данного мира человек, настроенный вполне дружелюбно по отношению к Кайе…ну или мне так показалось, по крайней мере. Найти такого человека здесь, это как найти бриллиант в океане дурно пахнущей субстанции…

Кажется, мое предложение поставило его в неловкое положение. Похоже он не желал своим отказом проявить неуважение ко мне, а стало быть и ко всей моей Семье, но вместе с тем, судя по тому, как часто он бросал взгляд на часы, он явно куда-то опаздывал.

— Впрочем, сейчас разгар дня и вероятно вас еще ожидают дела, — произнес я через несколько мгновений

— Это так…, — согласился он, с заметным облегчением

Я хотел было сказать, что провожу его к выходу, но мистеру Лину очевидно хотелось перекинуться парой слов с Марией и поэтому я просто сказал:

— С нетерпением буду ждать нашего следующего урока. До свидания, учитель Лин

— Как и я, — широко улыбнувшись мне, ответил тот — до свидания, Кайа

И когда он уже покинул было комнату для занятий, я спросил:

— Вы же не всегда занимаетесь преподаванием черчения?

— Учительство — это мое призвание, — оглянувшись, ответил тот совершенно серьезно, — а инженер — профессия. Я работаю на вашу Семью, Кайа. На опытно-экспериментальном заводе горного машиностроения. Я имею честь быть первым заместителем главного инженера.

Теперь понятно, что у него совершенно нет времени на чай, — подумал я, сидя на своем месте и глядя на дверь, когда мистер Лин покинул помещение.

А еще, он очевидно талантливый человек, раз в таком молодом возрасте сумел занять столь высокую должность. Талантливый и не простой. Карьерист. И неспроста он подписался на то, чтобы учить черчению знатную пигалицу.

Вернувшись в свою комнату, быстро переоделся в спортивные шмотки, надел кеды и взяв наушники, отправился в домашний спортзал, на беговую дорожку.

Я всегда любил ходить пешком, ведь ничто иное так не способствует мыслительному процессу как прогулка. Но сейчас мне хотелось иного — полного отсутствия каких-либо мыслей в голове, а вот в этом мне лучший помощник — бег!

И я побежал, а в наушниках играла (вернее, орала) местная

электронная музыка. Громкая музыка и полнейшее отсутствие собственных мыслей в голове. А еще непередаваемое словами удовольствие от физической нагрузки на мое сильное, по девичьим меркам, конечно, тело.

Я не хочу останавливаться! Я желаю бежать так вечно, оставив весь свой ужас позади…

Только мышечное напряжение, музыка и пустота! И ничего больше сейчас для меня не существует, даже меня самого…

Пот ручьями заливал мое лицо, я закрыл глаза.

Полнейший экстаз, сравнимый разве что, с сексуальным удовольствием. Я не хочу останавливаться! Ни-ког-да!

Но я, открыв глаза, остановился…остановился, потому что появилось резкое, будто запах нашатыря, ощущение чужого присутствия в помещении. Сойдя с беговой дорожки и сняв с головы наушники, огляделся. В комнате, подперев собой стену, стоял «папаша», облаченный в стильный мужской костюм, неотрывно глядя на меня. И этот его взгляд мне совершенно не понравился. Нет, в нем не было ни капли той агрессии, столь свойственной прочим родственникам по отношению к Кайе…но, **так** не должен смотреть отец, хоть и приемный, на свою дочь, пускай и удочеренную…

А еще, за то мгновение, пока выражение моего лица менялось с резко-настороженного, на «мимимишное» (каковое и должно быть у любящей своей папочку девочки, когда эта самая девочка вновь видит перед собой отца, едва избежавшего смерти), успел заметить, как сильно изменился за те пару дней, что я его не видел, «отец».

Больше не было того балагура, которым он являлся, ну или казался, по крайней мере, до этого. Вместо него передо мной сейчас предстал…дед? Да, только значительно моложе…

Такое же выражение лица, что и у деда обычно. То же самое выражение постоянной озабоченности чем-то, на этом самом лице. Было видно, что за столь короткое время он уже успел согнуться под тяжестью свалившегося на него бремени Главенства в Семье. Согнуться, но не сломаться.

Но «папаша» был явно доволен своим новым бытием. И не только потому, что всегда страстно желал быть Главой Семьи, ибо, как я уже успел заметить, каждый мужчина в Семье хотел бы этого. Это, похоже, у них в генах. Но далеко не каждый из них решился бы поучаствовать в «гонке» за Наследие. А вот папаша решился.

И даже несмотря на то, что я собственноручно проредил состав участников этой самой «гонки», банально застрелив троих «гонщиков» (ну или одного «гонщика» и двух его прихвостней,

мне не ведомы внутрисемейные расклады), для «папаши» все только начинается. «Самое лучшее, конечно, впереди». Ведь, уверен, еще далеко не все в Семье смирились с его Главенством (привет, «бабуля»). И нельзя ни на минуту забывать и о внешних игроках, которым наверняка очень бы хотелось наложить лапу на активы Семьи. А учитывая нынешние Семейные пертурбации, время сейчас для этого самое что ни на есть подходящее …

Что же касается физического состояния «папаши», то внешне, за исключением марлевой повязки, наложенной на щеку, он не выглядит хоть сколько-нибудь пострадавшим. А шрам, если таковой останется…ну тут уж, как говорится: «шрамы украшают мужчин», особенно таких, как «папаша», участвующих в настоящих дуэлях и милых Семейных поножовщинах.

Мне вдруг стало любопытно, а насколько глубоко он посвящен делишки «матушки»? Их любовь друг к другу (внешнее ее проявление, по крайней мере) сомнений не вызывает, но насколько она с ним откровенна в своих планах? Уверен, что «папаша» знает далеко не все, даже без учета ее служебных тайн, в которые посвящать его она не имеет права, само собой. Знает ли о ее роли во всем произошедшем? Ну, как минимум догадывается, не дурак все же…

Но настолько ли уж эти двое — «одна Сатана», как это кажется на первый взгляд? Небезынтересно…

— Папа! — радостно взвизгнул я и бросился в его объятия, стараясь при этом быть аккуратным, мало ли какие телесные повреждения скрываются под его костюмом…ведь если он гикнется в процессе моей «неуемной радости», «матушка» мне этого никогда не простит

Так мы и простояли в обнимку пару минут, и это было уместнее тысячи вопросов, типа: «как ты?», которые нам следовало друг другу задать.

— Ты давно здесь? — спросил я, высвободившись из «отцовских» объятий, — Извини, что не заметила тебя сразу…

— Нет, — ответил он, улыбнувшись своей прежней беззаботной улыбкой, — и минуты не стою…очень хорошо бежишь, я залюбовался

— Я люблю бегать, — ответил я, глядя в пол, — когда бежишь, исчезают все неприятные мысли и воспоминания…

«Папаня», опершись на один из тренажеров, и отведя от меня взор, сказал:

— Кайа, я должен перед тобой извиниться

— За что? — поинтересовался я, вновь вернув «мимишное» выражение на лицо

Перед тем, как ответить, он неспешно прошелся взад-вперед

по комнате (что заняло довольно приличное время, учитывая ее размеры), я внимательно следил за ним.

— За столь короткое время столько всего произошло, и столько всего переплелось в какой-то сумасшедший клубок…, — сказал он, и вновь замолчал

Молчал и я, не мешая ему.

— Когда я принял решение удочерить тебя, — наконец продолжил он, — то помимо всего прочего, мне захотелось сделать твою жизнь лучше…

Сделать мою жизнь лучше, «папочка»? — подумал я и мысленно посмеялся, — Но зачем? С чего это вдруг, ты собрался улучшать именно мою жизнь? Ты же совсем не знал Кайю. Да и далеко не единственный она незаконнорожденный ребенок Семьи, тем более, что родной папаша ее признал… К чему вообще сейчас вспоминать то, чего ты когда-то там желал? Быть может, тогда оно и было именно так, как ты говоришь, «папочка». Но тогда — это тогда, а сейчас же — все совершенно иначе.

Нееееет, «папашка» сейчас специально разыгрывает передо мной эту мелодраму, ибо хорошо знает девичью натуру, и то, какие именно струны в ней необходимо задеть, дабы добиться желаемого. И хотя сама по себе Кайа весьма и весьма незначительная Семейная пешка (хоть мой статус в Семье безусловно и вырос), она все же играет определенную роль в планах Семьи, и в каких-то там его личных расчетах. Причем планы эти появились задолго **до** того, как он принял в свои руки бразды правления Семьей, а стало быть, и желает от меня он того же, чего желала «бабка». Только вот делает он все тоньше и умнее, оборачивая свои хотелки в гораздо более привлекательную для девушки-подростка «обертку». «Бабка»-то все делала грубо, в ультимативной форме, а «папаша» прекрасно осознает, что Кайа способна выкинуть любой фортель, смешав ему в последний момент все карты… И, стало быть, он решил действовать так, чтобы доча сама искренне возжелала сделать все возможное для помощи любимому папочке в его непростых делах. Хитрый жук.

— … Наверное, это звучит как-то странно, но для мужчины за сорок, у которого нет своих собственных детей…, — он вновь замолчал

«Нарезав» еще один круг по комнате, он подошел ко мне и взяв мою ладонь в свои, произнес, будто герой какой-то бразильской мыльной оперы:

— Кайа, я искренне извиняюсь перед тобой. Когда я удочерял тебя, то всем сердцем желал, чтобы нахождение рядом со мной, сделало твою юность по-настоящему счастливой и беззаботной. Прости меня, пожалуйста, за то, что вместо этого, тебе пришлось

пройти через…

Он выразительно посмотрел на меня, ожидая, видимо, какой-то реакции на свои слова. Мне же стоило громадного труда не рассмеяться.

Что я должен делать? Лгать им всем, конечно! Лгать им, говоря все то, что они хотят от меня услышать! Лгать и обещать им все что угодно! Лгать, как они непрерывно лгут мне… Лгать и играть! Лгать им в глаза, а самому делать то, должен. Здесь все друг другу непрерывно лгут. Это мир лгунов. И если я хочу жить здесь долго (счастливо — это уже как получится), то должен обучиться всем правилам жизни в этом обществе, успешно подстраиваясь под них, и меняя их под свои хотелки, если это будет мне по силам.

И если «папаша», стоящий сейчас передо мной, лжет мне, играя при этом «дона Педро», то мне не остается иного, нежели лгать ему в ответ, играя дочку «дона Педро».

Поэтому я, приложив к груди сжатые кулачки, и сделав максимально решительное выражение личика, с жаром возразил:

— Папа! Прекрати! Я не желаю слышать от тебя подобного! Ты все делаешь для того, чтобы моя жизнь была прекрасной, простой и беззаботной! И это не твоя вина, что произошли все те ужасные вещи! Это вина тех гадких людей, которые желают зла тебе, мне, маме и всей нашей Семье…!

И ведь говоря, что жизнь моя: «прекрасна, проста и беззаботна», я соврал лишь на 2\3. Я и правда живу прекрасно. В моем распоряжении есть все, что человек только может себе пожелать. Причем для того, чтобы заполучить все это, мне не пришлось и пальцем пошевелить, ибо я есть неотъемлемая часть этой Семьи, со всем отсюда «вытекающим».

Ну, а то, что моя жизнь совсем не проста и совершенно не беззаботна, так в этом кругу она у всех такая, и нечего жаловаться. Того же «папашу», вон, родные братья сначала отправить на плаху хотели, а затем и вовсе, едва не зарезали прилюдно. И ничего, как-то живет и не жужжит «папаша», принимая все это как должное. «Матушку» замуж выдали (если на минуту поверить ее словам, конечно), совершенно не считаясь с тем, хочет она того или же нет. И я тоже должен научиться жить здесь, не «жужжа», молча перекраивая окружающую действительность под себя. Как говориться, добро пожаловать в мир неисчислимых денег и безграничной власти.

— … и будь уверен, папа, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе во всех твоих делах!

Сторонний наблюдатель, пожалуй, мог бы и помидорами меня закидать за столь смехотворное и насквозь фальшивое

«выступление». Но, во-первых, для импровизации, без подготовки — вышло вполне неплохо. А во-вторых, «папаша» не был этим сторонним наблюдателем, да и к тому же, я сказал именно то, что он хотел от меня услышать. А человек так уж устроен, что лучше всего слышит желаемое.

«Папаша» лишь улыбнулся и сделав шаг ко мне, не говоря ни слова, обнял меня.

— Я на тебя рассчитываю! — сказал этот «дон Педро» наконец, добавив затем, — Завтра состоятся похороны, и, хотя я прекрасно понимаю, что тебе на них присутствовать совершенно не хочется, но все же прошу не упрямиться…

— Конечно, пап, проводить твоих братьев в последний путь — это мой долг, как твоей дочери! — перебил того я, скривившись про себя, будто надкусил дольку лимона

Само собой, предстоящие похороны — событие ожидаемое, и было очевидно, что отвертеться от них у меня никак не выйдет… но Боже, как мне не хочется видеть все те рожи, особенно «бабкину»… Ее образ, воющий и проклинающий меня, до сих пор стоит перед глазами.

— Кстати говоря, — сказал «папаша», беря в руки мою левую кисть и внимательно рассматривая искалеченный палец, — скоро на твоей руке вновь будут все пальцы. Я обо всем договорился. Твой новый мизинец будет неотличим от настоящего, и со временем он сможет все то, что мог бы делать настоящий…Ты довольна?

— Папа, — практически непритворно ахнул я, и схватив его руку обеими своими, торопливо спросил, — когда?!

— После Рождества с твоей руки снимут необходимые мерки…

Вот же урод! Привязал «пряник» к Рождеству, на которое я приглашен к потенциальному любовничку…

Посыл «папаши» прост, как грабли: «Хочешь пальчик? Будь на приеме паинькой».

Глава 58

Раннее утро следующего дня.

— Это платье вам к лицу, барышня, — сказала Мария, когда я оказался облачен в свой траурный наряд и одна из «домашних» китаянок, помогавшая мне надеть платье и расчёсывавшая мои космы (как выяснилось, я ничего не имею против появляющихся у меня барских замашек), получив дозволение Марии, покинула мою комнату

— Ты права, Мария, — сказала вошедшая в комнату «матушка», — милая Кайа прелестна даже в траурном… Ты собралась, Солнце мое? Нам пора уже ехать

А Кайа и впрямь выглядела в этом платье просто отпадно. Я все чаще стал замечать за собой тягу к кастомизации внешнего вида Кайи: ее шмоток, причесок, макияжа и прочего… Черту, столь присущую прекрасному полу. Я залюбовался отражением в зеркале. На фоне черного платья мои рыжие волосы казались пламенем, расплескавшимся по плечам. А глаза, насыщенно зеленого цвета, дополняли образ, созидая совершенно прелестную и одновременно мистическую картину. Моя Кайа сейчас будто сошла с книжных страниц некой женской фэнтези про волшебниц и ведьм.

Черное — однозначно мне к лицу!

Уверен, что Ию непременно бы порадовал мой сегодняшний прикид. Ия…вчера вечером я получил от нее сообщение, полное соболезнований, а также: «я соскучилась по тебе…» и много-много грустных смайликов. А уж как соскучился по ней я — это вообще никакими словами не передать, ведь Ия для меня не просто лучик света в этом царстве вечного мрака… Я влюблен в нее, чего уж тут скрывать.

— Да, мама! Я уже собралась и готова ехать…, — ответил я и взглянув в зеркало на вошедшую, заметил, что матушка была одета совершенно повседневно, — а разве ты не собираешься посетить похороны…дядюшек?

— Увы и ах, — развела она руками, — я что-то нехорошо себя сегодня чувствую. Мы с твоим папой решили, что я поеду в Имение, но вот отпевание, пожалуй, пропущу…ты же знаешь, как душно бывает в нашей церкви — это вредно для твоего брата. Может быть…может, посещу непосредственно похороны, но не уверена пока. Таким образом я доверяю тебе представлять нас обеих.

— Конечно, мам, — ответил я, изобразив на личике искреннюю улыбку, — твое здоровье и мой брат важнее, а с

дядюшками ты всегда можешь попрощаться и позднее, если, конечно, у тебя есть, что им сказать…

«Матушка», взяв в руки черный платок, самолично повязала его на мою голову.

— Пойдем, — сказала она

— Секундочку, мам…, — ответил я и обратился к главной горничной, протянув той видеофон, — Мария, сделай мой виртуальный снимок, пожалуйста

Что та и сделала.

В момент, когда я выходил из комнаты, с громким «мряу!» из своего домика, с самой верхотуры, мягко спрыгнула Бобла и стрелой подлетела ко мне, обвив мою ногу своим хвостом. По комнате разносилось громкое кошачье урчание. Задержавшись, я взял на руки заурчавшую еще сильнее кошку, хотя, казалось бы, это невозможно, и немного погладив, отпустил трехцветную злодейку на свободу. Сделав два шага, оглянулся. Бобла смотрела на меня своими зелеными глазищами. Обычно с этой животиной мы живем как соседи, ее никогда не дозовешься, и она всегда сама по себе. Но сейчас… Будто сами высшие Силы, используя мою кошку как свой инструмент, посылают мне знак, но какой…? Что-то я становлюсь суеверным.

Страх — убивает разум. Я не могу позволить себе роскоши бояться.

Ехали мы втроем: я, «матушка» и ее Прислужница. «Папаша» же, умчался из дома с «батальоном» своей охраны ни свет ни заря. Всю дорогу до Имения я боролся с внутренним волнением.

Охрана… Мощные черные вэны, набитые вооруженной профессиональной охраной, едущие впереди и позади нас по выделенной для специальных служб, разнообразного имперского высокого чиновничества, а также лиц дворянского сословия, полосе. В этой Москве, такой законопослушной и не знавшей «святых девяностых», они выглядели совершенно чужеродно. Прохожие, а также, стоявшие в пробках автомобилисты, фотографировали наш кортеж. Члены Семьи, сколько я себя помню в этом мире, всегда передвигались с охраной. Но нужна она была, по сути, для защиты от психов или просто пьяных, ну и основное ее назначение — демонстрация нашего высочайшего социального статуса и финансового благополучия, но сейчас…

Сейчас все было иначе. Сейчас наш картеж напоминал скорее армейский конвой, мчавшийся по «горячей точке» и ожидавший, что в любой момент может быть обстрелян. И я вполне могу допустить то, что подобное и впрямь может произойти в один прекрасный день.

Прислонившись щекой к стеклу, наблюдал за жизнью

снаружи. За людьми, что спешили этим ранним утром по своим делам.

Два мира. Два параллельных мира. В одной стране. В одном городе.

Мир простых обывателей, чья жизнь абсолютно спокойна, размерена и защищена государством от всевозможных потрясений, как физических, так и финансовых. Я не удивлюсь, если большинство здешних жителей за всю свою жизнь ни разу не слышали (не говоря уже о том, чтобы видеть) про акты насилия на улицах какого-либо из городов Империи, вроде той перестрелки у нашего офисного здания, даже из сообщений в местной Сети.

И мир здешней аристократии. Причем далеко не всякой. А тех ее представителей, что ближе к немыслимым деньгам и к невообразимой власти.

Впрочем, и среди Семейств политико-экономической элиты этого государства уже долгое время, судя по всему, существовал некий баланс. Те, из сильных мира сего, кто мог что-либо урвать — уже давным-давно это урвали. Что могли поделить меж собой — уже поделили. И места, которые было возможно занять — все уже заняты, кем надо.

А теперь, не без помощи Государя и его верной подручной — моей «матушки», устоявшийся баланс сил изменился. И совершенно не важно, действительно ли или же мнимо. А раз так, то появилась возможность, и обязательно найдутся те, кто вновь станет пытаться рвать и делить, такова природа вещей. И что характерно, рвать и делить предполагается, в том числе, Филатовых и их активы. А также, присваивать занятые ими рынки. И все это означает, что Кайа, как часть своей Семьи и как ее собственность, запросто может пострадать в намечающейся схватке. Или даже погибнуть…

Я, оторвав взор от окна, взглянул на «матушку». Та, с расслабленным выражением на лице, читала какой-то дамский роман.

…а схватка уже началась. И уже есть первые пострадавшие со стороны Филатовых…

Вчера вечером, за ужином, когда я уже собирался было поблагодарить «родителей» за приятную компанию и идти отдыхать, «папане» с «маманей» доложили о том, что к нам, на ночь глядя, заявилась одна из моих кузин.

— Проводите ее в столовую, — сказал «папаня»

И через пару минут в нашу столовую воющим вихрем ворвалась эта самая кузина.

Девятнадцатилетняя девица, по имени Софья, дочь одного из

союзников «папаши» внутри Семьи. Она, как и я, проживала с родителями вне поместья, в одном из московских особняков, принадлежавших Семье, и в тех редких случаях, когда мы с ней пересекались, она была из тех редких людей, что никакой агрессии или явной неприязни ко мне не проявляли. Ей до меня вообще не было никакого дела и мы, насколько я помню, лишь пару раз вежливо поздоровались, да попрощались. И это уже вполне можно считать хорошими отношениями.

И вот теперь она неслась по столовой в совершеннейшей истерике. А когда она оказалась рядом, я смог рассмотреть ее как следует… Зареванная, с размазанными по лицу соплями. Просто какой-то треш. Совершенно неясно, каким образом она досюда добралась и почему охрана вообще позволила ей передвигаться в таком ужасном виде по улице.

Она мне здорово напомнила Художницу, тогда, в бальном Зале…

— Софья, что случилось? Софья, милая, что произошло? — это «родители», встав из-за стола, спросили в унисон

Она, оглядев нас растерянным взглядом, зарыдала пуще прежнего.

— Дядя…, тетя…, Кайа, — заикаясь и давясь от сотрясавших ее рыданий, произнесла она

Тут возможны два варианта, — подумал я, глядя на ужасную сцену, ибо это была вовсе не забавная истерика, а какой-то лютый ужас, и именно в таком состоянии люди чаще всего сводят счеты с жизнью, — либо у этой девицы умер кто-то очень близкий, родители, например, что очень вряд ли, ибо «папаша» был бы одним из первых, узнавших о подобного рода неприятности. Либо у нее накрылась медным тазом любовь. Ее настоящая, большая и чистая любовь…

— Со мной…поступили…как…с ненужной…вещью… попользовались и… и выкинули, — глотая слезы и слова, смогла наконец-таки произнести эта девица, — он сказал, что…все… отменяется…наши отношения…более…более не…не целесообразны…и…и…и…не нужны ему…

Тут она завыла еще громче.

— … и мы более…не можем…не можем быть вместе…

Софья, обессилев, рухнула было на колени, но «папаша» успел подхватить ее, прижав к себе.

Короче говоря, с этой девицей приключился пункт номер два. Она, похоже, должна была выскочить замуж по взаимной договоренности Семейств. Но теперь ситуация изменилась и «кина не будет», а кузина-то, судя по всему, влюбилась в того гражданина по уши. А он возьми и заяви ей прямо в глаза, что

она теперь «не целесообразная»…

Тоже мне, блин, кадр. Зачем нужно было разрывать отношения так жестоко и столь бесцеремонно? Или та сторона и желала все сделать именно так, жестко и демонстративно, унизив таким образом наше Семейство? Очень похоже на то…

Впрочем, Софье не четырнадцать лет, уж как-нибудь переживет.

— Очень нехорошо получилось, конечно, — сказала «матушка», когда они с «папаней» усадили Софью на стул, — так порядочные люди не поступают, но твоя жизнь на этом не заканчивается, будет еще у тебя радость любви…

— Уже ничего не будет…тетя, — как-то больно уж спокойно сказала кузина, взглянув на «матушку», — уже ничего не будет… я беременна!

Сказав это, она натурально завыла.

Занавес! Дожидаться, когда их поженят официально, голубки явно не посчитали нужным, как и предохраняться… Но тут уж «сама дура», ведь о своем здоровье кузине стоили бы позаботиться самой. Впрочем, подобного исхода своей помолвки она явно не ожидала. Это будет ей хорошим уроком, как и всем прочим.

— Дядя, тетя…сделайте что-нибудь…, пожалуйста! Я люблю…его! — продолжала выть Софья

— Кайа, — обратилась ко мне матушка, — тебе пора идти отдыхать, завтра рано вставать

— Да, спокойной ночи, мам, пап…, — согласился я и погладив по голове кузину, добавил, — все будет хорошо, Софья, все будет хорошо

После чего, покинул столовую, отправившись спать.

Это происшествие, при всей своей незначительности для меня, будет еще иметь, я уверен, далеко идущие последствия. Имела место быть договоренность, которую другая сторона разорвала самым грубым способом. «Папаша», уж не знаю, как, но будет вынужден что-то предпринять в ответ, иначе и быть не может. Иначе это непременно станет потерей лица для всего Семейства. Впрочем, это его трудности, чего мне-то о них переживать?

— Что-то случилось? — спросила «матушка», оторвавшись от чтения

— Нет…нет, все в порядке, — ответил я, покачав головой

Мне кажется, «матушка» не будет присутствовать на сегодняшних похоронах не только потому, что чувствует себя не слишком хорошо, хотя и поэтому тоже, все-таки она весьма бледная…

— Мам, я сегодня всю ночь думала, — начал я, — о том, что папа мне сказал вчера за ужином…ну, что мы все переезжаем обратно в Имение…

Я замолчал.

— И? — «матушка» хотела продолжения

— Позволь мне, пожалуйста, остаться дома до весны и не переезжать вместе с вами Имение…у меня нет сил видеть все те лица… Пожалуйста, мам, я тебя очень прошу

Вчера «папаня» заявил, что в связи с изменившимися обстоятельствами, мы должны вернуться в Имение, чего лично я делать не желаю категорически.

— Я тебя прекрасно понимаю, Кайа. И сама хотела попросить тебя пожить в том доме. Однако, совсем одну оставить тебя жить мы с папой не можем, ты еще не воспитана нами должным образом. В конце-концов, для своего брата в этой жизни ты, помимо нас, практически единственная опора, — ответила матушка, погладив свой живот, — давай поступим следующим образом: два дня в неделю ты будешь жить в Имении, а пять в том доме, хорошо?

— Хорошо, мам, — согласился я

— Ну и славно, — ответила та

Матушка меня подозревала и опасалась того, что я могу как-то навредить ее сыну, но виду, естественно, не подавала. Так что ей, очевидно, будет спокойнее, ежели я буду как можно дольше — как можно дальше от нее. Под неусыпным надзором ее прихвостней, само собой.

Позже. В Имении Семьи Кайи. В церкви. Отпевание.

Я, если честно, рассчитывал наблюдать невообразимую помпезность и роскошь в самом ультимативной ее форме. А также, орды тех, кто придет проститься с усопшими братьями. Ну, и все прочие атрибуты неслыханного богатства и власти.

Однако, в реальности все происходило не совсем так. Вернее, совсем не так.

Сегодня совершенно не было журналистов. Вообще, ни единого. Абсолютно приватное мероприятие. А ведь, помнится, когда Семья собиралась здесь же в прошлый раз, проводить, махая белыми платочками и утирая слезки с глаз, свою «любимую» дочь в «страну вечной охоты», журналисты были, причем их было много. А уж какой справили для меня великолепный белый гроб, осыпанный лепестками роз, а я, возьми, да и испорти людям светлый праздник, своим явлением в мире живых!

Интересно, что случилось с тем сгоревшим телом, что выдавали за мое? Неужели просто вытряхнули из гроба за

оградой Имения?

Не было и огромных толп, страждущих попрощаться с усопшими. Была лишь наша Семья, практически в полном составе (за исключением тех, конечно, кто не мог явиться по уважительным причинам, вроде «деда»), а также представители близких друзей и союзников нашего Семейства, которых «папаша» встречал лично, выслушивая от них соболезнования, но таковых набралось едва ли с десяток. Ну, и конечно, был представитель от царской Семьи, мне не знакомый.

И совершенно никакой охраны, ну кроме Николая Семеновича, неотлучно бывшего сейчас рядом с «отцом» (этот тип, после того, как «папаша» стал Главой, пошел на повышение, кажется). Вернее, охрана была, конечно, ее просто не могло не быть, особенно учитывая последние события, однако ее не было видно взглядом ни около церкви, ни в ней самой.

К моему огромному облегчению, никто из родственников, даже «бабка», рыдавшая сейчас у гробов своих сыновей, не стал закатывать скандала при виде меня. Мы подчеркнуто игнорировали друг друга. Я не существовал для них, а они — для меня.

Теперь, стоя в церкви рядом с «отцом» и слушая батюшку, я понял, когда и в чем сильнее всего проявляются различия между обычными людьми, обывателями и…не совсем обычными. Такими, как Семейство Филатовых.

И нет, не только и столько в дорогих машинах, не в запредельно роскошных домах, не в стильных дизайнерских шмотках, нет…

Сильнее всего эта разница ощущается на ритуальных сборищах, вроде сегодняшних похорон. В той жизни мне доводилось, хоть, к счастью, и не слишком часто, бывать на похоронах. И смею заверить, что атмосфера, царившая там, разительным образом отличалась от здешней. Я будто вживую оказался сегодня на похоронах мафиозных боссов из кинофильмов. Не внешне, но по своему духу.

Вроде бы, все как у людей: и покойник имеется, даже три (трое из ларца, блин), и рыдавшие женщины (помимо «бабки» и официальных жен, здесь же были и зарегистрированные любовницы всех троих), вместе со своими детьми, потерявшими отцов, но…

А все остальные, и мужчины, и женщины…

Впрочем, так ли уж велико различие между Семейством мафиозным и олигархическим?

И когда настало время прощаться с убитыми мной родственниками, а «отец», как Глава Семьи, должен был это

делать первым (ну, а я, соответственно, в след за ним), к нам подошла зареванная «бабка», которую под руку поддерживала не менее зареванная дочь.

— Игорь, — шёпотом произнесла она, не глядя на меня, — во всем произошедшем виновата лишь я… Лишь я одна! Я, старая дура! Я, а не твои братья! Пожалуйста, прости их… Бог простит, и ты прости!

— Марья Александровна, я не держу зла ни на своих погибших братьев, ни на Вас лично, — бесстрастно ответил «папаша», назвав «бабку» по имени-отчеству и на «вы», после чего, мы направились к открытым гробам.

В тот момент, когда я прощался с бывшим «папашей» (а лежа в гробу он выглядел гораздо более приятным и приличным человеком, чем был при жизни) и прочими негодяями, на моем лице сторонний наблюдатель мог бы разглядеть только искреннюю грусть и печаль, которых я вовсе даже не испытывал. Разве это плохо, что некоторая часть моих врагов «склеила ласты»?

Позже. По окончанию отпевания. На улице. «Мороз и Солнце, день чудесный».

— Что-то случилось? Ты себя нехорошо чувствуешь? — спросил «папаня», приобняв меня за плечи, когда я остановился взглянуть на семейное кладбище

Уж сколько раз я мог обрести здесь вечный покой…если он для меня достижим, конечно, — подумал я, глядя на красивый зимний пейзаж

— Нет, ничего не случилось, пап, все хорошо, — ответил я и продолжил движение вслед за небольшой толпой родственников, — просто я подумала о том, что впервые вижу клеста…

Я и правда ни разу до этого момента не видел вживую этих птиц, которые сейчас сидели на ветках кладбищенского дерева и с интересом наблюдали за людьми.

— … а также, о том, что подонок, называемый моим биологическим отцом, не заслужил того, чтобы обрести вечный покой в такой замечательный день. И это не говоря уже о том, что он достоин быть похороненным в вонючей выгребной яме, а не в этом тихом и прекрасном месте…, — шепотом, чтобы никто не расслышал, добавил я

— И правда клест, — сказал «папаша», — они здесь постоянные обитатели…, а что же до моих братьев, безвременно оставивших этот мир, то, как и сказала твоя бабушка: Бог простит. И я прощаю…

— Бог может и простит. И ты тоже. А я — нет. Я не прощу,

пап. Никогда! — ответил я, и остановившись, развернулся, взглянув в глаза «папаше», — Мне сегодня снился господин Лискин, вместе со своей несчастной женой… пойдем, пап…

И я пошел дальше, а под подошвами моих сапожек захрустел декабрьский снег. Сама погода будто говорила, что жизнь моя с сегодняшнего дня станет лучше и светлее. Ну что ж, посмотрим, так ли это…

— Кайа…, — начал было шепотом «папаня»

— Знаю, пап, — также шепотом перебил того я, — я и дальше буду со всеми вежлива, учтива, а глазки мои будут смотреть в пол… Кстати, как думаешь, мои дядюшки и тетушки, а также все прочие родственники, не слишком сильно обиделись на меня за… тогда?

— Ну что ты? — улыбнувшись промурлыкал мне на ухо «папаша», — Как это возможно, обижаться на такую барышню, как ты? Нет, никто и не думал обижаться… Единственно…, тебе было бы не лишним принести свои извинения тетушке, которой ты повредила ее нежную шкуру

— Конечно, пап, я извинюсь перед тетушкой, — улыбнувшись «папаше», ответил я

Далее мероприятие протекало все так же рутинно, спокойно и скучно. Что было естественно и ожидаемо. Ведь как бы отдельные члены этого Семейства не ненавидели меня, никто из них сегодня не стал бы закатывать скандала по поводу моего присутствия здесь, не говоря уже о том, чтобы принимать относительно меня какие-то карательные меры…

В кои-то веки я был просто сторонним наблюдателем, а не активным участником. И мне это нравилось. Я теперь люблю скучать.

Однако, было очевидно, что в Семье образовался раскол. «Папаша» при всех своих достоинствах — не «дед», и у него явно не получается держать Семейство хотя бы внешне монолитным. Будущее явно обещает быть нескучным…

Мне нужна новая аппаратура, — подумал я, когда вслед за «папашей» кинул в каждую из могил по горсте земли (аккуратно придерживая при этом свою великолепную длинную норковую шубу, дабы не запачкаться), — ведь ту, что прикупила Ия — матушка явно обнаружила, хотя и не подала вида… А времени у меня остается мало, его почти нет, хотя дама Кристина и обещала всяческую помощь… что ж, посмотрим.

— Кайа, — из задумчивости меня вывел батюшка, — можно с тобой поговорить?

— Да, конечно, — ответил я и мы отошли чуть в сторонку

— Прими, пожалуйста, мои соболезнования в связи с

утратой…, — начал он

— Спасибо, — ответил я, шмыгнув носом

— Мы с тобой давненько не разговаривали, — произнес он, — и в прошлый раз, помнится, ты искала себя… Как продвигаются твои поиски? Ты нашла ответ на вопрос: «кто же я?»

— Да, я нашла ответ, батюшка, я нашла — улыбнувшись, ответил я

— И кто же ты? — допытывался тот

«Я — чудовище, батюшка, ужасное чудовище, ставшее причиной смерти множества людей. Чудовище в обличии юной девушки».

— Извините, но это наш с Господом секрет, — ответил я, взглянув на небо, — это наш с ним секрет

Позже. В главном доме Имения Семьи Кайи.

— Твое присутствие более не обязательно, — сказала мне объявившаяся на публике «матушка», одетая теперь в траурное, когда непосредственно похороны были окончены и начались поминки, — если хочешь, можешь идти отдыхать

— Мам, можно я просто поеду домой…? У меня больше нет сил находиться в этом месте…пожалуйста, — попросил «матушку» я

— Хорошо, я велю отвезти тебя, — ответила та

В авто. По дороге в корпоративную высотку.

Я жив…, — подумал я, глядя на свою дрожащую руку и устроившись поудобнее в шикарном кресле, закрыл глаза, — я остался сегодня жив… Нет, конечно и охраняется Имение просто превосходно (поэтому, в том числе «родители» туда и возвращаются на ПМЖ, ибо оборонять его гораздо проще, чем корпоративную высотку), да и Государь бы взбесился, проверни кто-нибудь какую-либо кровавую провокацию на сегодняшних похоронах, но…

Сегодня нет… Не сегодня…

Вечером того же дня.

Приняв душ и выйдя из ванной комнаты, бросил полотенце на пол, и, в чем мать родила, подошел к огромному панорамному окну, уткнувшись лбом в тонированное стекло, которое приятно холодило и высасывало всю свинцовую тяжесть из головы.

И хотя я точно знал, что снаружи меня увидеть невозможно, но все-таки было что-то хулиганское, забавно-запретное и даже слегка возбуждающее в том, чтобы вот так вот голышом стоять, почитай перед всем городом. Кажется, вдобавок ко всему, я становлюсь еще и слегка вуайеристом…

Я чисто по-женски хихикнул, и включив фоном свою ТиВи панель, отойдя от окна, растянулся на кровати.

Мне срочно нужна Ия…и Консультант!

Я снова хихикнул, а затем, взяв видеофон, отправил подруге свою фотку в моем сегодняшнем траурном прикиде, после чего, впал в прострацию, и машинально переключал один за другим телевизионные каналы. Внезапно мое внимание привлек голос диктора, сообщавший о том, что Канцелярией Его Императорского Величества было объявлено о том, что заключение концессионных соглашений на производства алкоголя, а также на его продажу будет произведено в июне следующего года…

Вот оно как, — улыбнулся я, уткнувшись щекой в подушку, — на кону опять немыслимые деньги… Государь вновь и вновь продолжает сталкивать лбами самые знатные и богатейшие Семейства Империи…следующий год будет определенно исключительно веселым.

«Ты просто невероятно милая!!!» — пришел мне ответ от Ии.

«Ты сейчас не занята? Мне хочется поболтать с тобой …» — написал я.

Глава 59

Примерно месяц спустя после произошедших с Аркадием Станиславовичем и его супругой печальных событий. Суббота. Тот же день, когда Кайа получила от Консультанта «подарочный куст». За несколько часов до. Школа.

В коридоре прозвенел звонок, возвестивший о начале большой перемены.

Собрав письменные принадлежности в пенал и убрав его в сумку, встал из-за парты, и, подойдя к учителю, сдал тому свою письменную работу по физике, призванную проверить знания, полученные мной за неделю домашнего обучения.

— Кайа, кажется, все задачи, как обычно, ты решила, … — сказал учитель, бегло взглянув на мою работу, а затем, добавил, переведя на меня свой взор, — …всем прочим стоит поучиться у тебя прилежности

— Спасибо, Федор Алексеевич, — ответил я и отошел от учительского стола, к которому подходили сейчас прочие мальчишки и девчонки, дабы сдать свои работы

Повесив сумку на плечо, направился на выход из класса. Нужно найти Ию…

— Кайа! — окликнула меня одна из девочек-одноклассниц, заметив, что я направляюсь с вещами на выход, — у нас следующее контрольное занятие будет в этом же классе

— Я знаю, — ответил я, повернув в ее сторону голову и тепло улыбнулся круглолицей, низенькой некрасивой девочке, которая с каким-то благоговением взирала на меня, — спасибо

— Да не за что, — покраснев, она отвела взор

«Я знаю…просто не имею привычки оставлять свои вещи без присмотра» — подумал я, выйдя из кабинета, и хотел было «набрать» Ию, но в следующий миг одна из парочки барышень, что сейчас проходили по коридору мимо моего класса, весело болтая о чем-то своем, потеряла равновесие и ойкнув налетела на меня.

Столкнувшись, мы едва устояли на ногах.

— Ой! Прости, пожалуйста, я такая неуклюжая! Ты не пострадала? — спросила девица, отлипая от меня, и улыбнувшись, подмигнула мне

— Нет, — ответил я, улыбнувшись в ответ, — все хорошо, ничего страшного

— Тогда я пойду, ладно? — сказала она, беря за руку, потешавшуюся над ней подружку, и они все так же весело продолжили свой путь

— Будь аккуратнее в следующий раз, — сказал я им вслед, чем вызвал новую порцию девичьего смеха

— Ты в порядке? — спросила та самая некрасивая одноклассница, вышедшая из класса вслед за мной, — Не ударилась?

— Нет…Роза, — я вспомнил, как зовут эту девицу, — все хорошо, спасибо

Та почему-то пришла в очевидный восторг от того, что я помню ее имя…

— Ну и слава Богу! Слушай…, — сказала она, улыбнувшись мне, от чего стала похожа на Солнышко и явно хотела продолжить, однако мне сейчас было не до нее

— Роз, давай попозже…ладно? — сказал я и не обращая более на нее внимания, направился, не быстро, но и не медленно, в сторону уборной

— А, ладно, хорошо, — услышал я ее ответ

Я торопился, но делал это не спеша. Сейчас мне совершенно незачем привлекать к себе излишнее внимание (моя Кайа и без того весьма популярная в этой школе особа, привлекающая к своей персоне повышенное внимание со стороны окружающих).

Меня охватил мандраж. В горле пересохло. Я сжимал кулачок с чем-то переданным мне той девицей, «случайно» столкнувшейся со мной в коридоре. Вроде бы это была какая-то бумажка. Может — банальная записка, а может — «марка» наркоты, за которую меня в следующее мгновение повяжут. А за наркоту, как я слышал, в Империи карают особенно сурово, без всяких скидок на «знатность»…

Перевернув табличку стороной «Занято» и войдя в туалетную кабинку, я прикрыл за собой дверь, после чего на несколько мгновений прислонился к ней спиной. Зажмурился, а затем, сглотнув и открыв глаза, разжал кулак.

Клочок бумаги с текстом, написанным синими чернилами. Это записка. Это всего лишь записка…

Глубоко вдохнул. И еще раз. И еще.

«Через пять минут иди в туалет на стадионе» — гласило послание.

Выкинул записку в унитаз и спустя полминуты смыл ее, после чего, вышел из кабинки.

«Школьница напугала меня до усрачки всего лишь клочком бумаги. Это так…жалко. Сколько не хорохорься, а трус — останется трусом, даже поменяв тело», — подумал я, глядя в зеркало, и несколько раз подряд намыливая руки.

У меня все еще бешено колотилось сердце.

Ставлю рубль на то, что это — посланница дамы Кристины.

Школа — единственный вариант пообщаться со мной тет-а-тет, без внимательных взоров охраны и моей сопровождающей.

И об этом догадываюсь, кстати, не только я один…

Туалет на стадионе — это сейчас весьма укромное местечко, ведь в зимний период им пользуются не слишком часто, как и самим стадионом. И оно одинаково годится, как для приватной беседы, с практически нулевой вероятностью быть случайно подслушанными, так и…для убийства. Моей-то охраны со мной сейчас нет, а вот желающие мне скорейшей смерти — никуда не делись, в основном…

Идти или не идти, вот в чем вопрос… На самом деле — нет. Не вопрос. Мне нужны новые девайсы, без них мне никак…но, блин, стрёмно!

Ладно, будь что будет, все равно ничего толкового я сейчас придумать не смогу.

Выйдя из туалета, купил в торговом автомате бутылку с чаем, который выпил в несколько глотков, после чего, направился в гардероб за своей шубой.

Идя на стадион, я испытывал сильное чувство дежавю. Будто вернулся туда, в то свое детство, в деревню, где проводил свое лето. Я шел сейчас, как тот мальчик восьми лет, из того мира, из того детства, что вечером, практически в темноте, возвращался в свой домик мимо кладбища, крепко прижимая к себе трехлитровую банку с молоком, за которым его, то есть меня, послала бабушка и боясь посмотреть в сторону от дороги… Страшно…

Несколько минут спустя. Здание раздевалки школьного стадиона.

Перед тем, как войти в туалет, я остановился оглядевшись. А затем, зашел внутрь. Ни рядом с раздевалкой, ни в ней самой никого не было.

«Блин, кажется мне придется открыть в сортире свою приемную», — подумал я, вспоминая, сколько встреч и разговоров у меня состоялось в подобных местах, после чего, глубоко вдохнув, открыл дверь в уборную.

Внутри, у рукомойника, включив воду и делая вид, что моет руки, находилась одна единственная особа, в верхней одежде, как и я. Та самая девица, что недавно столкнулась со мной.

Пройдя мимо открытых туалетных кабинок и убедившись, что там — никого, встал рядом с девицей и включил воду.

Дети-шпионы, блин…

Теперь никакой беззаботности и веселости на ее лице не было. Девице этой, которая, на вид, старше Кайи на год или на два, очевидно поручили что-то важное (или, во всяком случае ей

так кажется), и выглядела она чересчур уж собранной и серьезной. Волнуется… И от осознания того, что кто-то переживает, кажется, еще сильнее, чем я, мое настроение сразу скакнуло вверх. В душе появилось такое приятное чувство…будто 1-го января, когда выходишь на улицу и понимаешь, что исключительно фигово не одному тебе…

— Дама Кристина…, — негромко начала она

— Я знаю…, — перебил ее я, — что она попросила тебя встретиться со мной

— Я старше тебя, — явно возмутилась девица, однако своего голоса не повышала и в лице не изменилась, — и моя Семья ничуть не хуже твоей…почему ты меня перебиваешь? Это не вежливо и не уважительно с твоей стороны

В очередной раз проявляются некие социальные «мелочи», мне пока не знакомые. Не имею ни малейшего представления, каким образом я должен был понять, что передо мной девица из знатной Семьи. На ее шубке, как и на моей собственной, никаких вензелей и тому подобного, что бы могло четко указать на принадлежность барышни к определенному сословию или же к конкретной Семье, не было. Ну, а то что она и богато одета, и золота на ней, как в ювелирной лавке…ну, так и что? Это учебное заведение — статусное, исключительно дорогое, и, соответственно, здесь учатся лишь те, чьи родители — очень состоятельные люди…

— Прости, пожалуйста, я не хотела тебя обижать, просто не все слова нужно говорить вслух, даже если кажется, что никто не подслушивает, — ответил я

Девице потребовалось около половины минуты, чтобы «переварить» сказанное мной, а затем, она сказала:

— Ты права, наверное…мне велели выяснить: какая помощь тебе может потребоваться?

Я молча достал из сумки пенал, положив его на столешницу раковины, и лист бумаги, сложив который пополам, и, приложив к зеркалу, написал список требуемого мне оборудования.

— Вот то, что мне нужно, — сказал я, передавая лист девице, и добавил на всякий случай, — и именно те наименования, что я указала

— Хорошо, я все передам, — ответила она

— Нет, — покачал головой я, — не передашь. Купишь. Ты. Лично. Сегодня. За мной приедет машина к 16–00, и к тому моменту эти устройства уже должны быть у меня. Я буду ожидать тебя в компьютерном классе номер два, с пятнадцати — тридцати до пятнадцати — пятидесяти…

— Я так не могу… Я должна сообщить…, — ответила девица

— Нет! — перебил ее я и приблизившись к девице вплотную, прошептал ей на ушко, — Сейчас ей об этом рассказывать никак нельзя!

— Нет! Я так не могу! — как-то уж чересчур громко повторила она, продолжив затем, но уже гораздо тише, — Я не имею права скрывать что-либо от нее! Я ей служу! А ты…

— А я подданная Его Императорского Величества! — торжественно и с пафосом, хоть и не громко, заявил я

— Это…нет…я не то имела в виду, — явственно испугавшись своей оговорки, затараторила в ответ девица

— Короче говоря, хватит тратить понапрасну время. Если не можешь, то и не надо. Забудь о том, что сейчас увидела, верни список, и на этом все, расходимся, — безразличным тоном и с не менее безразличным выражением лица сказал я, протянув руку за листочком

Девица уже взяла себя в руки. Было очевидно, что ее натаскивают на определенного рода делишки, и это не просто случайный подросток, которым решила воспользоваться дама Кристина.

— Объясни, пожалуйста, почему ты не хочешь, чтобы она знала? — спросила посланница, не торопясь, однако, возвращать мне список

— Не так…, — ответил я, убирая руку, — я лишь не желаю, чтобы вместе с ней обо всем этом узнали и все прочие. Те, кто за ней наблюдают. Ты же, надеюсь, понимаешь, что за ней постоянно шпионят…

Девица лишь кивнула.

— …и если они об этом узнают, то всё, я потерплю полное фиаско…А вместе со мной и она. Хоть лично я ей и не служу, в отличие от тебя, например, но я должна сделать кое-что крайне важное, в том числе и для нее… Тебе же ведь поручили помочь мне, верно? Вот и помогай! Или хотя бы просто не мешай!

Я посмотрел в глаза своей собеседнице.

— Я должна приобрести все строго по списку и до пятнадцати — пятидесяти передать это тебе в компьютерном классе номер два, так?

— Все верно… А то что ты служишь ей — это общеизвестный факт? — поинтересовался я

— Не думаю, — ответила та, отрицательно покачав головой, — но несколько человек об этом, вероятно, знают. Так что…

Она пожала плечами. Умненькая девочка.

— Сможешь как-нибудь достать все это, не оформляя на свое имя? — спросил я

— Это будет непросто. Времени мало, — она закусила губу, — но, я постараюсь что-нибудь придумать…

— Значит, тогда после окончания следующего урока, ты, сославшись на плохое самочувствие, уедешь. А закупившись всем необходимым — вернешься, мол, теперь-то твое самочувствие улучшилось, и ты решила вернуться на занятия. А машину свою уже сейчас вызывай, чтобы водитель успел приехать

— Это без надобности, — ответила девица, — я сама вожу свой собственный автомобиль

Она достала из кармана какой-то брелок и продемонстрировав его мне, убрала.

Любопытно, с какого возраста в Империи возможно получить «права»? Вероятнее всего, с 16 лет.

— У тебя деньги есть? — спросил я и заметив, как та покраснела, добавил, — Наличные, ты же не станешь, надеюсь, расплачиваться за покупки своей картой…

— Не вопрос, — ответила она, успокоившись, — заеду в банк — сниму наличные…

И в этот момент открылась входная дверь. Мы с девицей одномоментно оглянулись. В дверях стояла Ия, собственной персоной, и по ее личику было очевидно, что она вот-вот расплачется…

Кажется, что она заметила меня из окна… Видеофон-то свой я выключил, а Ия, не дозвонившись, решила пойти за мной самолично.

— Это моя подруга, — сказал я девице, — ладно, жду твоего возвращения

Ию мне пришлось практически буксировать обратно в здание школы.

— Ты… теперь с ней дружишь, да? — спросила Ия, глотая слезы

Немного странный вопрос для такой довольно взрослой барышни, как Ия, но…

Я не ответил, и продолжил тащить ее к гардеробу. А сдав наши вещи гардеробщице, поманил ее за собой, в сторонку от шумной толпы школьников.

У подруги моей глаза на мокром месте были. И сейчас, кажется, разыграется просто классическая сценка ревности…

Я уже успел заметить, что девичья дружба сильнейшим образом завязана на эмоциях, то есть, это нечто весьма интимное. Интимное — не в сексуальном плане, а в том, что в подобных отношениях: «третий — лишний».

И именно у подростков, взрослые же женщины, по моим собственным наблюдениям, с подругами ведут себя совершенно

иначе.

Особенно резко это проявляется у таких закомплексованных одиночек, как Ия, у которых лучшая подруга — она же единственная. Ия ярко выраженная собственница. Ее подруга обязана принадлежать ей одной, без всяких исключений. А ежели нет — она воспримет это однозначно, как предательство…

— Ты знакома с той… барышней? — поинтересовался я

— Нет, — покачав головой и шмыгнув носом, ответила подруга, посмотрев на меня исподлобья, — она сегодня впервые посетила нашу школу… Это точно, иначе об этом было бы уже всем известно… Все-таки она из знатных… Она теперь твоя подруга, да?

Ия вновь задала интересующий ее вопрос и выжидательно посмотрела на меня.

— Нет, — ответил я, погладив подругу по плечу, — нет, она не моя подруга, и я даже ее имени не знаю. У меня есть лишь одна подруга, и ее зовут Ией.

Ия моим словам поверила сразу и огромное облегчение отразилось на ее милом личике. Я прикусил губу, ибо, глядя на нее сейчас, ощутил к ней безумное сексуальное влечение…

— А что ей от тебя было нужно? — спросила Ия с явным неодобрением в голосе (ну еще бы, ее «собственность» «попользовали» без ее на то разрешения)

— А как ты думаешь, что мы могли делать в столь укромном месте? — вопросом на вопрос ответил я, и вопрос этот прозвучал весьма…двусмысленно (ну или возможно он лишь в моей голове звучал так)

— Нууууу…, — ответила невинная Ия, приложив пальчик к нижней губе, — думаю, что вы разговаривали о чем-то таком, что не предназначалось для чужих ушей. Я права?

— Права, — просто ответил я, пожав плечами

— А о чем вы говорили? — нееееет, Ия явно не успокоится, пока все не выяснит, и она тут же добавила, — Мои уши — не чужие!

— А вот об этом, я расскажу тебе завтра! Мы ведь проведем завтрашний день вместе, правда?! — улыбнувшись подруге, ответил я, дотронувшись указательным пальцем до кончика ее носа, а затем, не удержавшись, чмокнул в щеку

— Да! — незамедлительно ответила подруга, — Ловлю на слове, что завтра все расскажешь…! Ой..!

Она ойкнула и принялась крутиться вокруг меня, рассматривая мой сегодняшний прикид. А затем, достала свой видеофон и начала меня «щёлкать».

— Здорово! Очень здорово! Тебе идет! — заявила моя, как

всегда экстравагантно одетая подруга, наделав кучу фоток со мной

Впрочем, ничего сверхъестественного сегодня на Кайю надето не было. Черная «макси» юбка, черная же рубашка навыпуск, с «правильным» воротником, и белый «правильный» галстук. Подобные рубашки и галстуки были заказаны мной после похорон бывшего «папаши».

— Спасибо, — ответил я и предложил, — пойдем покушаем, пока еще есть время?

Перед началом следующего контрольного занятия.

Едва я занял свое место, как за мою парту присела Роза, и кажется решила «взять быка за рога», ну, то есть меня взять…и не знаю уж за какое место.

— Кайа, помоги мне, пожалуйста, а то я что-то никак не могу понять вот это…, — заявила она, блаженно улыбаясь при этом, и придвинув ко мне лист бумаги

Мне пришлось глубоко вдохнуть, успокаивая нервы, ибо никто из моих одноклассников не позволял себе обращаться со мной столь бесцеремонным образом. Однако, поглядев на подсунутый мне листочек бумаги, я широко улыбнулся круглолицей нахалке и ответил: «Конечно!»

Помимо всевозможных формул на листочке было написано:

«Тебе понравилось игристое вино? Очень надеюсь, что ты не в обиде за ту мою маленькую шалость, что я столь беспечно позволила себе в конце нашей встречи. И в качестве моего извинения, прими, пожалуйста, эту маленькую розу».

Подписи не было.

«Шо, опять?!» — вспомнил я знаменитого волка из мультфильма, а затем, перевел взор на необычный «букет».

— Конечно, я тебе во всем помогу, ты же моя одноклассница! И, надеюсь, это будет взаимно, — сказал я Розе

— Спасибо! — ответила та, широко улыбаясь, — разумеется, взаимно!

Глава 60

Имение Семьи Кайи.

Удобно устроившись на диванчике, и поглаживая одной рукой уже весьма приличного размера живот, приемная мать Кайи, с безмятежным выражением лица, почитывала дамский роман. От этого занятия ее отвлек сигнал вызова видеофона. Положив книгу на маленький столик, стоявший рядом, она взглянула на свой электронный браслет, на дисплее которого прочла имя звонящей, после чего, активировала гарнитуру.

— Здравствуй, моя дорогая, чем порадуешь свою тетушку? — спросила она, прикрыв глаза

— Здравствуйте, тетя, — услышала она из динамика гарнитуры девичий голос, — я сделала все ровно так, как вы и просили!

— И? — поинтересовалась Евгения

— Кайа, как мне кажется, сразу поверила в то, что я **её** посланница. Она, вроде бы, ожидала кого-то от **нее**. Ваша…дочь передала мне список того, что я должна купить для нее… Я вам его отправила… Она хотела, чтобы я купила все это самолично и желательно не на свое имя, а затем, передала ей до того, как она уедет из школы.

Раздался сигнал приема виртуального сообщения.

— Видеофон той же модели, что и у моей дорогой дочери, плюс, сетевой накопитель…, — пробормотала Евгения, взяв в руки свой видеофон, — значит так, недалеко от вашей школы, есть кафе «Эстерхази». Знаешь, где оно находится?

— Да, тетя, знаю, — ответила барышня на той стороне

— Будь там. Все то, что запросила моя дочь, вместе с дальнейшими инструкциями, тебе передадут в кафе. Ты, как всегда, не подвела меня, и я тебе очень благодарна, — сказала Евгения, — и еще кое что…

— Что, тётя? — спросила девица

— Мне бы хотелось, чтобы ты подружилась с моей дочерью, — ответила женщина

— Я…не думаю, что у меня это получится, — неуверенно сказала барышня

— Вот как? — удивилась Женя, — Почему? Впервые слышу, чтобы ты была столь не уверена в себе. Тебе не нравится моя дочь?

— Тетя…простите мне такие слова…, — начала было девица

— Прекрати! Говори, как есть и что думаешь! Тебе не нужно в разговоре со мной выбирать слова и выражения, я тебя не съем!

Ты, в конце концов, моя дорогая племянница, — перебила ту Женя

— Хорошо, тетя…я думаю, что зря вы с дядей удочерили Кайю…, — негромко сказала юная собеседница Жени

— Почему? И как это связано с тем, что тебе будет непросто подружится с ней? — вновь перебила ее Евгения

— Мне, конечно, еще совсем немного лет и мои суждения… знаете, у меня достаточно подруг и намного больше просто знакомых барышень. И ваша приемная дочь совершенно не такая, как все они. Абсолютно. Это очень сложно выразить словами, но… Она будто видела меня насквозь. Ужасное чувство… И еще много чего другого! Так что у меня вряд ли получится исполнить вашу просьбу… Во-первых, самой ей этого явно не нужно…

— А во-вторых? — поинтересовалась Женя

— А во-вторых…я опасаюсь, что она меня раскроет и…, — сказала собеседница

— Что будет потом — уже совершенно не важно. Попробуй все-таки сделать то, о чем я тебя попросила. Получится — хорошо, нет — ну и ладно, — сказала Женя

— Хорошо, сделаю все, как вы хотите, тетя, — ответила барышня

— Вот и славно, жди в «Эстерхази», — сказала Женя и разорвала связь

«Для чего ей сетевой накопитель, если она вполне может спрятать любые найденные документы в удаленном хранилище?», — подумала Женя

Цокнув языком, она вызвала нужного ей абонента.

Школа. После окончания следующего контрольного занятия.

«Я задержусь в школе на час» — написал я сообщение водителю.

Нехорошо, конечно, делать что-то такое, чего прежде не делал, это всегда привлекает внимание, а в школе я еще ни разу до сего момента не задерживался, но иначе никак. Иначе, я просто не успею принять «подарки» от своего не слишком симпатичного «букета».

По дороге в класс вычислительных машин номер один, где у меня будет следующее контрольное занятие, я размышлял.

В том, что как минимум одну из двоих барышень, которые теперь убыли по моему заданию, совершать покупки, подослала «матушка», я не сомневался ни секунды. Ведь из всех тех, кто теоретически мог бы это сделать, лишь она одна стала бы заниматься чем-то подобным. Все прочие просто не заморачивались бы. Она же теперь скучающая хаусвайф…

Мотив? Очевиден. «Матушка» желает, чтобы мой

рождественский визит в Семью моего же потенциального любовника прошел без каких-либо эксцессов. Таким образом, она, полагаю, хочет либо проконтролировать все то, что я буду делать. Либо, банально забрать устройство, ведь оно наверняка будет снабжено маячком, таким образом лишив меня в последний момент возможности что-либо предпринять.

Но интереснее другое… Для всей моей ситуации будет очень нехорошо, если посланницей от «матушки» окажется Роза. Хотя, мне лично кажется, что на эту роль больше подходит та из девиц, что предложила свою помощь первой, но в этом нельзя быть уверенным до конца. И если это все же Роза, то… известно ли «матушке» о предположении Кристины насчет папаши моего будущего любовника? Раз уж «матушке» гипотетически известно и о том, что мы с царской любовницей вместе выпивали (чисто технически, выпивала Кристина и ее Прислужница, но тем ни менее), и о нашем не слишком-то невинном поцелуйчике (интересно, Государь не осерчает на меня, когда и если узнает?). Кристина шепотом об этом мне рассказала на ушко, конечно, но я-то в ответ, помнится, не шептал…

Обнадеживает лишь тот факт, что я, пока по крайней мере, не слышал, чтобы папаша любовничка скоропостижно скончался. А в том, что он, если и в самом деле творит **то**, что предполагает дама Кристина (хотя, лично я от всей души надеюсь, что это не так) и об этом станет известно императорским ищейкам, скоропостижно скончается — у меня нет ни малейшего сомнения.

И если все случится тихо-мирно, в смысле, без публичной огласки, то это мне ничем не поможет. Царская Семья совершенно не заинтересована в скандалах (особенно, в подобных!) и будет делать вид, что ничего этакого не произошло (дорогой родственничек умер по естественным причинам, помним-любим-скорбим), и Кайе, то есть мне, быть-таки любовницей по весне.

Таким образом для себя я вижу два варианта. Номер один — если и отца, и сына (ну или хотя бы просто сына) — грохнут. Либо «закроют» (последнее лично мне кажется невероятным).

И вариант номер два — не без моей скромной помощи будет инициирован скандал такой величины, что о том, чтобы отдать меня в **ту** Семью и речи зайти не могло…

Вариант номер два опасен для меня чрезвычайно! Ведь если я получу вещественные доказательства сплетне, о которой тем славным вечером мне поведала дама Кристина, и на их базе слеплю свою «информационную бомбу«…то, пожалуй, не существует в природе «фитиля» такой длинны, каковая требуется чтобы с его помощью было бы возможным более-менее безопасно

«подорвать» подобное «взрывное устройство»…

Хорошо, что «матушка» обнаружила девайсы, купленные Ией, и впредь я их не могу использовать для своего главного дела. От них нужно поскорее избавиться. Ию во всю эту хрень впутывать нельзя категорически.

В классе вычислительных машин номер один.

Помимо меня, сейчас в классе был только один мой одноклассник. Парень-заика, лет семнадцати-восемнадцати, который сидя за школьным ВЭМ над чем-то там увлеченно работал.

Положив сумку на свою парту, я направился к парню.

— Привет, — сказал ему я, мило улыбнувшись, — не против, если я тут на минутку присяду? Я бы хотела у тебя кое о чем спросить

Еще не получив на то высочайшего дозволения, я взял ближайший ко мне стул, и поставив прямо рядом с его, присел (сумка при этом оставалась в поле моего зрения).

— Виддделллись ууууууже, — ответил он, заметно покраснев от того, что внезапно для себя оказался в непосредственной близости от симпатичной девушки, и не слишком уверенно улыбнулся мне

Было очевидно, что весь рабочий настрой я ему сбил.

Я с удовольствием понаблюдал несколько мгновений за его реакцией. Даже слепому было бы видно, что Кайа ему очень нравится. Очень-очень. Понять его мне несложно…

— Андрей…, — начал я и он, как и Роза до него, был явно обрадован тем фактом, хотя и совершенно по иным причинам, что я помню его имя

Ученики этого класса, в отличие от тех, что в школе действительно учатся, а не как мы, посещают ее лишь для контроля получаемых на дому знаний, практически не общаются друг с другом.

— …ты знаешь девчонку, которая сидела со мной за партой на математике? — спросил я, ибо точно знал, что этот типчик частенько поглядывает на меня, и Розу, стало быть, тоже должен был увидеть

— Дддда, ттты сссс Рррозой сссиделллааа, — ответил он, и покраснел еще сильнее, когда его взгляд упал на мою, совсем нескромную для четырнадцатилетки, грудь, которую прекрасно подчеркивала рубашка, затем, правда, он торопливо поднял взор

— Андрей, ты ведь давно посещаешь этот класс? — поинтересовался я, слегка наклонив голову и поправив рукой волосы

— Давввввненнннькооо ууууже, — ответил он

— А Роза…она тоже давно? — спросил я, продолжая приветливо улыбаться

Парень на несколько секунд задумался.

— Аааaа ввыыы ррразввве нннне ввввмместе пппоступппппили? — ответил он, наконец, вопросом на вопрос

— Нет, — сказал я и отрицательно покачал головой, — не вместе

— Уууу нас рррредко пппоявляюються нннновые лллица, а ввввы вввввдвооеем пппоявввиллись в ооодин дддень, нннну, яяяя и ппподдумммал, ччччто вввы ввмесссте, — сказал парень, пожав плечами, и ожидая моего следующего вопроса

По виду юноши было очевидно, что ему бы очень **не** хотелось, чтобы Кайа просто сказала: «спасибо», а затем, встала и ушла на свое место…

Роза, стало быть, появилась в этом классе одномоментно со мной, а учитывая сегодняшнее, вполне допускаю, что она приглядывает за мной по указке «родителей» вообще или лично «матушки». Им организовать подобное негласное сопровождение для своей дочери — раз плюнуть. Это лишь вопрос денег, а денег у них — немеряно. В конце концов, как говорится, если у вас мания преследования — это вовсе не означает, что за вами не следят.

А другая девица объявилась в школе лишь сегодня…

И стало быть задачка: «какую же из двоих девиц послала «матушка»?» — аналитического решения не имеет. Любая из них равновероятно может быть орудием в руках «матушки». И даже обе они одномоментно…

Вот и еще один возможный мотив для «матушки». Посеять во мне сомнения…

Я задумался и не успел подавить вырвавшийся смешок.

— Ччччто ттебббя ррразввеселило? — спросил Андрей мягко улыбаясь

— Я внезапно осознала, — ответил я, тряхнув головой, — что играю в одну очень интересную игру… Ты пишешь какое-то виртуальное приложение?

Я взглянул на дисплей монитора его ВЭМ, на котором увидел редактор кода.

— Ддда, тттак, ккккое-ччччто ппподделлываю. Пппправда, ччччто-тооо не слиииииишком пппполллучччаааееттсяяя пооооока, — ответил он и почесал затылок

И явно заметив, что я хочу спросить: «почему именно здесь?», он сказал:

— Ммммаммма ммммне нннннеееее разрешает ддддома

дддолллгооо зззза ВВВВЭМ ссссидеть, — он виновато улыбнулся и развел руками, мол, что поделать? А затем, добавил, — яяяя ттттааакой ннннеее вввсссегда ббббыл. Яяяя ннннна «ддддосске» ккккаталллсяяя иии…

Он рукой показал, будто съезжает с горы.

— …ууууупал…

Он замолчал, не договорив и прикусил губу.

— Жив остался — и слава Богу, — ответил я, похлопав его по руке.

— Дда, — согласился он

Ему явно бы хотелось, чтобы прикосновение Кайи длилось вечно… Увы и ах, но ничто ни вечно.

— А, что именно ты пишешь? — перевел я тему

— Нннничччеггггго ттттаккого. Иииигру. Шшшшахматы, нннно… — он пожал плечами, мол, затык вышел

Раздался звонок. В класс вошел учитель, а прочие школьники уже заняли свои места.

— Слушай, я, конечно, слабо разбираюсь в этом… но, все-таки, разбираюсь! Можно я помогу с твоими шахматами? — спросил я, с подходящими моменту: тоном, улыбкой и выражением лица

Я давно понял, что, будучи в женском обличии, имею, в отношении мужского пола, неоспоримое преимущество практически перед любой другой барышней. Ведь я не просто догадываюсь, что чувствует и ощущает мужчина, а точно это знаю. Можно сколь угодно долго тренироваться в самоконтроле и выдержке, но если ты не евнух, то близкое нахождение с женщиной, которая тебе не безразлична (особенно когда ты еще пылкий юноша, а не умудрённый определенным опытом мужчина), будет вызывать такие эмоции, которые ты, как бы не старался, ни подавить, ни взять полностью под контроль не сможешь. И, скорее всего, даже не захочешь. Тебе будет хотеться её больше всего на свете. Непреодолимо тянуть к ней.

И ежели эти ощущения барышня еще и усилит должным образом, да направит в нужном направлении… А ведь я, по совершенно очевидным причинам, прекрасно знаю, что для этого нужно. И как это делать… И не зря я часы напролет провожу перед зеркалом и камерой, тренируя свою улыбку, «ставя» различные выражения лица, подходящие для разных ситуаций, и прочее…

В моих руках Кайа может стать практически совершенным психологическим оружием против подавляющего большинства лиц мужского пола (теоретически, во всяком случае, пока это утверждение не проверено на практике). Плюсом идет и то, что у

Кайи, а значит и у меня, довольно специфическая внешность. И всем этим нужно пользоваться, нравится мне это или нет.

Таким образом, разве этот парень, к тому же, очевидно обделенный вниманием барышень из того социального круга, к которому принадлежит его Семья, ввиду последствий своей травмы, сможет сказать Кайе: «нет», если та сама попросит его сделать что-то теоретически выполнимое для него? Нет, никак не сможет…

Наверное…

— Кккконечно, ддддай, пппожаллуйста, сссвои кконтаактыы, яяяя пппришллллю ттттебе ммммои шшшахматы, — с радостью сказал он, ведь для него это означает, что наше личное общение продолжится и дальше

Чуть позже. Разобравшись с заданием, полученным от учителя, я теперь занимался кодом шахмат, размышляя параллельно о другой проблеме.

Я совершенно не умею мыслить хоть сколько-нибудь стратегически, лишь сиюминутно… Какая мне, в итоге, разница, которую из этих девиц прислала дама Кристина?

Неужели царская любовница мне друг? Нет!

Хочет ли она мне чего-то хорошего? Да с чего бы? Может, конечно, и ничего плохого для меня не хочет, но всего хорошего она желает исключительно для себя и для своих детей. «Бабка», вон, не даст соврать…

А я ей просто удачно под руку подвернулся. И мной она решила воспользоваться, как удобным орудием, в борьбе со своей давней соперницей, с Государыней. А воспользовавшись, направит все условные шишки в мой адрес. Ибо ей, очевидно, нужен грандиознейший скандал, иначе Государыню сковырнуть не получится. И у этого скандала не может не быть виновника. Не фактического, конечно, а назначенного. Того, кто выставил весь ужас на всеобщее обозрение. И этим виновником, к гадалке не ходи, назначат именно меня…

Каким конкретно образом я буду назначен на эту роль — это утомительные и неважные подробности. Какая разница, как?

Так что, выгодно ли мне быть инструментом в руках дамы Кристины? Нет, невыгодно. Совсем невыгодно.

Есть ли для меня разница, кто из двух девиц — от Кристины? Никакой…

Как и нет разницы, кто же из этих двух обитательниц царской спальни в итоге победит. Как говорится, желаю скорейшей победы обеим сторонам.

Потянувшись и зевнув, я поймал взгляд юноши и улыбнулся ему. Тот, покраснев, отвел взор. Кажется, этой ночью ему будет не

до сна…

Юноша… Я должен попытаться использовать этого юношу. Вот оно, верное решение, хотя и не без определенных сложностей, конечно.

После контрольного занятия.

Ученики, выполнив свои работы, уже потянулись на выход, на следующее занятие, а юноша все также сидел за своей партой, и крепко сжав кулаки, смотрел мимо дисплея в одну точку.

— Андрей, — вывел я того из прострации, присаживаясь рядом с ним, и скромно сказал, — я, кажется, смогла найти и исправить основную проблему.

Отправлять игрушку обратно на его видеофон я не стал, у меня был при себе портативный накопитель, на который я и поместил пофикшенный вариант шахмат.

Принимая из моих рук устройство, он, совершенно случайно, конечно, дотронулся до моей кисти, которая, как обычно, была в перчатке.

— Дддавай пппосмотрим! — сказал он довольно хриплым голосом и воткнул накопитель в соответствующий разъем

Он смотрел мои исправления и по его виду было заметно, что в данный момент эти шахматы его совсем не интересуют.

— Уу теебя ии ппправда поолучиилось ннайтии ии ииспрравить оосноооовную пппроблему, — сказал он, наконец, — иии эээто нннеппправда, ччто тты ссслаббо рразббирраешься в ээтом…

Он кивнул на дисплей ВЭМ.

— Ну, у меня просто не замылился на этой проблеме взгляд… мне повезло, — ответил я, пожав плечами

— Вввозможжжно, — сказал он, а затем, внезапно взглянул мне в глаза, — ммму ммможем ппогговорииить ппривватно, беез лиишних уушей? Ууу ннас сследууующие ззанятие — фффизическаая ккультуура. Яяя оот нее оосвобоожден, аа тты ммможешь нее ппойти?

Я сделал вид, что задумался.

— Могу, пожалуй…только мне нужно предупредить учителя, — ответил я

— Оотлично! — обрадовался он, — Пприхооди, поожалууйста, ввв дддвести ввоосемнаадцаттый каабинет. Ээто ккабинеет ммузыкии…

Минут десять спустя. Кабинет музыки.

Войдя в 218 кабинет, я огляделся.

Это был просторный, светлый класс. Прекрасно оборудованный, чего и следовало ожидать от столь дорогой школы, разнообразными музыкальными инструментами, и

имевший хорошую звукоизоляцию.

И сейчас в этом классе было два человека. Я и Андрей, который стоял ко мне спиной, у пианино (или рояля, черт его знает, не разбираюсь), засунув левую руку в карман брюк, а кистью правой — водил по клавишам музыкального инструмента.

— Умеешь играть? — спросил я

— Ннеммного, — ответил он, обернувшись ко мне

Весь его вид говорил, что он на что-то решился.

— Ккайаа, — сказал он, а щеки его были пунцовыми, — яя сслышал, тты ввессной сстанешь зззарегесстриррованной ллюбоввницей оодного оочень вважного ггосподдина…, — то ли спросил, то ли констатировал факт он

— Ты знаешь? — искренне удивился я, — Об это известно далеко не всем…

— Мммоя Сссемья, хоооть мы иии не ииız ззнатных, «даалеко нее все», — ответил он и сделал шаг навстречу мне

— Да, это так, — сказал я и на моей моське отразилась безмерная печаль, — моя Семья уготовила для меня участь любовницы…

— Мммамаа гговориит, чтоо твоой буууудущий лююбовник — нааастоящее жиивотное…, — сказал он

— У всех разные недостатки, — я пожал плечами, — к чему этот разговор? Он меня расстраивает…

— Тыы веедь уучилась в Паансиионе миниистерстваа Воойны, вверно? — сменил он тему разговора

— Верно, — согласился я, нацепив приветливую улыбку

— Яя с ппяти ллет уувлеккаюсь ннаписсаниеем пприложенний, ии ууже ддве ннеделли ккак, ббьюсь ннад тоой ппроблемммой, ррешение коотороой тты ннашла ссразу… Тыы ггениальна! Яя в ээтом ууверен! — он смотрел прямо на меня

— Я же сказала — просто повезло, — ответил я

— Ввиноовника ииили виноовницу неедавнего гроомкого сскаандала в Пааансионе таак ии не нааашли, чтоо ссстраанно. Яяя доолго раааазмышлял наад тем, моогла ли какаая-тоо из вооспитанниииц ппровернууть поодобноое, ооставшиись прии ээтом «заа куулисами»…

— И? — перебил его я, а улыбка моя стала ласковой-ласковой

— И сееегодня я прииишел к выыыводу, чтооо ээто сдеелала тыыы

Задушить здесь этого парня у меня вряд ли получится…

— И если бы это действительно сделала я…? Думаешь, что созналась бы сейчас тебе в этом? — пожав плечами, спросил я

На лице парня отразился испуг.

— Нееет! Яяя тоолько хоотел уузнать…еесли быы ээто

деействиительно ссделалаа тыы, тоо поо какоой приичине? Ииз заависстии к тоой художниице?

— Ты ее знал, художницу ту? — поинтересовался я

— Неет, — ответил парень, покачав головой, и было очевидно, что он не врет

— Я не умею и не люблю рисовать, так что о какой зависти может идти речь? — ответил я, придав своему лицу безмятежность, — И если бы это действительно сделала я, то ровно по одной причине…если бы мне не оставили иного выхода, и я спасала бы таким образом свою жизнь… Если на этом все, то я пойду, пожалуй, ибо у меня нет желания отвечать на глупые вопросы

Я развернулся и сделал шаг в сторону выхода

— Поостой, поожалуйста! — вскрикнул парень и схватил мою левую ладонь

Вырывать свою руку я не стал. Развернувшись, к нему лицом, сказал весьма недовольным тоном.

— Кажется, я не давала разрешения трогать себя…

— Прооости, поожалууйста! — быстро ответил парень, но мою руку отпускать, кажется, и не собирался, — мнее быыло оочень вважно ээто уузнать иименно оот тееебя…

— И вот, ты узнал…, — я улыбнулся вновь

— Яяя знааю, чтоо ты нее хоочешь стаановиться лююбовницей тоого чееловека иии тееперь ууверен нааверняка, чтоо поойдешь наа всее, чтооообы ээтого иизбежать. Поозволь мнее, поожалуйста, поомочь тееебе! — с самым решительным выражением на лице, и с волнением в голосе, сказал мне этот парень

«Это не спонтанное решение. Он явно готовился к этому разговору…», — подумал я, глядя на решительно выглядевшего юношу, державшего меня за руку

Совершенно очевидно, что этот парень безнадежно влюблен в Кайю…

Я оглядел парня. Он был откровенно красив и статен, а учитывая то, что он из весьма состоятельной Семьи…девки на него должны вешаться гроздьями… Должны были бы… Если бы не то злополучное падение. Как жаль…

Глава 61

— Помочь мне? — с удивлением переспросил я, взглянув сначала на свою левую руку, за которую меня держал юноша, а затем, и на него самого, заглянув прямо в глаза, — Но зачем тебе это? Более того, любая помощь мне в подобном деле может оказаться для тебя смертельно опасной! Я не шучу! Ты это осознаешь …? Я — часть очень крупной сделки между могущественными Семействами. И любой, кто влезет в их дела, попытавшись помешать, рискует сломать себе шею…не боишься?

И своим ответом этот юноша не разочаровал моих ожиданий. Впрочем, чего удивительного? Ведь примерно в его возрасте большинство мужчин и совершают различные глупости во имя женщин и любви…

Вот и он решился на свою глупость во имя Кайи…девицы, с которой он и разговаривает-то лично впервые в жизни…

— Каайа! — сказал парень твердым голосом, гордо задрав подбородок, — Я мууужчина! Яя нее боюсь! Ии яя…

Он замолчал, на мгновение, опустив взгляд, а затем, поднял его вновь и лицо его отражало решимость.

— Ии я ввлюблеен вв ттебя сс ттого ссамоого ппервоого ммгновеения, ккак уувидеел вв шшкоооле!

Сказав это, он торопливо добавил:

— Ппожалуйстаа, нне наадо ссейчаас нничеего гговворить… ээто ппросто ммои ччувства кк теебе… Ии ттебе нее ообяззательннно нна ниих оотвечаать…

От его слов мое лицо против воли порозовело. Моей Кайе явно понравились эти слова…

— Мне приятно это слышать, — опустив глазки в пол и сделав крайне смущенное выражение лица, ответил я

Про себя я отметил, без всякого удивления или каких-либо иных эмоций, просто как факт, что не почувствовал никакого неудовольствия от игры с чужими чувствами. Раньше подобное мне не слишком нравилось. Раньше…, когда я был «хорошим человеком». Теперь же… Теперь мне уже все равно. Впрочем, что такое чьи-то чувства и игра с ними, после всего того, что я устроил во имя своего спасения на сортировочной станции?

В моей душе разгоралась ненависть.

— …Аа ччто до сссломанной шшеи…, ччто ж ттаакой оопыт у мееня ууже ииимеется. Тыы ппримеешь ммою ппомощь? Еёё теебе яя ппредлагаю оот ччистого ссердцца…

— Мне больно…, — ответил я, когда парень от волнения слишком сильно сжал в своих руках мою ладошку

— Ппрости! — смущенно сказал он, тут же отпустив мою руку

— Я с благодарностью приму твою помощь…, вероятно, на небесах все же есть Бог и он не оставил меня…послав тебя на помощь…, — сказал я, скромно потупив взор, дабы не казалось, будто я смотрю на него сверху вниз.

Кайа длиннее юноши, примерно, на полголовы.

Парень от радости светился, как начищенный пятак, будто только что миллион выиграл, а не сунул голову в крокодилью пасть.

— Но…! — сказал я

— Нно? — с волнением переспросил он

— Пойдем присядем, — предложил я, указывая взглядом на стоящие в творческом беспорядке стулья

— Ппойдем, — согласился он, и мы уселись, поставив стулья напротив друг друга

Я не люблю экспромты, но…

Сев на стул, откинулся на его спинку и закинул ногу на ногу. Сцепив руки замком и положив их на бедро, перевел взгляд в пол, после чего сказал:

— Мне очень нужна твоя помощь, Андрей…ты, можно сказать, моя последняя надежда…, — я взглянул на него, и мои глаза стали влажными от слез, а парень, кажется, забыл, как дышать, — но, вместе с тем, я ни за что не могу ради своего спасения от ужасной участи, уготованной для меня родственниками, подвергать излишней опасности твою Семью… ты же понимаешь?

— Дда, — хриплым голосом ответил юноша, кажется, внезапно для себя осознав, что своей помощью мне, может подставить родных

— Так вот, всего я тебе рассказывать не стану, — я сделал максимально серьезное выражения лица, — по крайней мере пока…пока все не закончится. Ты ничего не знал, а значит, в случае чего, ни в чем и не виноват…

— Ппонимаю, — ответил он, не в силах отвести от меня взор, хотя, конечно, нихрена не понимал, иначе держался бы от Кайи как можно дальше

— Мне нужна твоя помощь в одном деле…вернее, в трех, — сказал я, улыбнувшись своей самой нежной улыбкой, которая, вкупе с юным личиком и влажными от слез глазами, не оставила для парня, уверен, ни единой возможности отказать в моей просьбе

— Что я должен буду сделать? — тут же спросил он, а я внимательно вгляделся в его лицо

Нет, он не играет. Он совершенно серьезен. Однако, глядя на него, я никак не мог поверить в то, что наш разговор происходит в реальности, и что это — не театральная постановка. Я сейчас будто наблюдал сценку пьесы, где отважный рыцарь предлагает юной даме свою помощь.

— Скажи, Андрей, есть ли у тебя возможность достать незарегистрированный видеофон, и кое-что еще? Или, по крайней мере, зарегистрированный не на твое имя и не на имя твоих родных? — спросил я, выжидательно посмотрев на него

Услышав мою просьбу, юноша встал со своего места и не спеша подошел к пианино, усевшись на круглый табурет. Отрегулировав его высоту, он начал наигрывать незнакомый мне мотив.

Я ему не мешал. Встав рядом с инструментом, я молча слушал музыку, которая внезапно нашла отклик в моей душе. Я на секунду отвернулся, ибо на моих глазах выступили слезы. Непритворные. Всамделишные.

Это длилось совсем недолго, и через считанные мгновения я снова взял себя в руки, подавив ненужные эмоции.

— Вы из какого класса и почему не на уроке?

Мы оба вздрогнули и обернулись на незаметно вошедшую в кабинет музыки женщину. Типичнейшая учительница. Строгое выражение на интеллигентном лице, очки…

— Здравствуйте, — улыбнувшись вошедшей, вежливо, как и полагается примерной школьнице, поздоровался с ней, сказав затем, — мы из восьмого заочного и у нас сейчас контрольное занятие по физической культуре. Мы освобождены от физических нагрузок и предупредили учителя о том, что будем дожидаться следующего занятия в этом музыкальном классе. Так что, пока у нас есть свободное время, мы решили немножко помузицировать…если вы не против

— Нет, конечно, музицируйте. Как вас зовут?

— Меня зовут Кайей. Филатовой Кайей, — представился я

— Аа яя Аарсееньев Аандрей, — в свою очередь представился юноша

— Хорошо, — сказала женщина, добавив, — только до конца урока по школе не ходите

Сказав это, она вышла, прикрыв за собой дверь.

Я улыбнулся слегка напрягшемуся юноше, подмигнув ему.

— Сыграй, пожалуйста, еще чего-нибудь, — попросил я и Андрей исполнил какую-то совершенно невероятную по мощи и энергетике мелодию

— Ого! — я искренне похлопал в ладошки, ибо и сама музыка, и уровень ее исполнения, были какими-то ну просто

запредельными, — А говоришь, что играть умеешь «немного«… обманываешь барышню!

Юноша улыбнулся такой светлой и искренней улыбкой, что мне вновь пришлось глядеть в пол, успокаивая сердечко Кайи…

— Ввсе пппознается в сссравнееении, — ответил он, пожав плечами

Юный, блин, философ…

— Подожди секунду, — сказал я и выглянул в коридор, дабы убедиться, что за дверью никого нет

И когда я вернулся, Андрей был уже собран и серьезен.

— Вво-ппервыых, — сказал он, — неезаррегистриироваааный виидеофоон, тыы доостать не ссмоожеешь…

Я поднял руку, останавливая его. Длинные фразы давались юноше явно с трудом, и слушать их со всем вниманием было тоже крайне непросто, поэтому, я негромко произнес:

— Не надо говорить об этом вслух, а то мало ли что…, — я обвел взглядом музыкальный класс

— Тыы ппрравва…, — сказал он и достал, из своего очевидно дорогущего кожаного портфеля, бумагу и пенал.

Я присел за пианино, рядышком с ним, так что мой локоть слегка касался его, от чего у юноши участилось дыхание. Опустив крышку клавиатуры, и положив на нее письменные принадлежности, он начал писать:

«Ты не сможешь достать незарегистрированную аппаратуру для выхода в Коммуникационную Сеть…», — прочитал я предложение, написанное красивым и ровным почерком, «…а если кто и предложит подобные устройства, знай, что передают их тебе с ведома и под контролем специальных служб! И что пользоваться ими нельзя ни в коем случае! Даже просто брать в руки опасно, а то мало ли что!»

«А разве покупка подобных устройств — это не просто вопрос денег?» — написал я ответ

«Покупка в магазине???» — в свою очередь задал он вопрос эпистолярным способом

Я кивнул.

Юноша, прочтя то, что я написал, явно боролся со смехом, но изо всех сил сдерживался, опасаясь меня обидеть.

— Можешь смеяться, — милостиво разрешил я, — не обижусь, не переживай на этот счет

Однако юноша смеяться не стал, сумев побороть приступ смеха. Вместо этого он написал:

«Фабрики, производящие разные штуки, с возможностью выхода в Сеть, делают их строго в рамках заключенного

контракта. Для кого-то конкретного. В основном, конечно, для различных торговых предприятий. Подобная аппаратура проходит регистрацию сразу, в момент производства. И когда ты покупаешь себе видеофон или что-то вроде того, то он УЖЕ зарегистрирован. На ответственное лицо предприятия, заказавшего партию этих штуковин. И при покупке просто происходит перерегистрация на твое имя. То есть, никаких незарегистрированных устройств в магазине нет и быть не может».

«Ты немало знаешь об этом», — написал я

«Моя Семья занимается, в том числе и подобным», — был ответ

Производят или торгуют? Я не стал спрашивать.

«А достать «неучтенку» на фабрике? Возможно?»

И тут Андрей уже рассмеялся в голос.

— Ппрости…, — сказал он, отсмеявшись

— Да ладно, я, наверное, глупые вопросы задаю, — ответил я, дружелюбно улыбаясь

«Кайа, деньги в нашем мире решают очень многое, конечно, но далеко не все…», — написал он (а мое имя вывел особенно красивыми буквами), — «…для производства любого оборудования, так или иначе связанного с работой в Сети, необходима государственная лицензия и контроль со стороны государства за всем процессом осуществляется самый серьезный. Как думаешь, сколько денег нужно предложить владельцам фабрики, чтобы они вдруг решились на что-то такое, за что у них запросто смогут отобрать лицензию, а их самих отправить на каторгу?»

«Думаю, что просто за деньги они этого делать не станут…», — ответил я

«Вот именно! И если тебе предлагают подобное, будь уверена на 100 %, что это специальные службы затеяли с тобой какую-то свою игру, ведь те из высоких персон, у кого имеются в личном пользовании подобные штуки никогда и ни за что тебе их не дадут! Незарегистрированное — скорее всего не означает безнадзорное!»

«То есть, подобное устройство, по факту, тоже именное?» — уточнил я

«Я практически уверен в этом, хотя доподлинно, естественно, знать не могу. Государственная тайна. Но знаю другое. То, что никто из знатных, кем бы он или она ни были, и у кого гипотетически могут иметься подобные штуки, не дадут их тебе, если существует хотя бы малейшая вероятность того, что найденное у тебя устройство может указать конкретно на них! Ведь если за передачу своего зарегистрированного устройства

другому лицу, без перерегистрации, положен лишь большой денежный штраф, если только с его помощью не совершено какое-либо преступление, то за незаконную передачу незарегистрированного устройства, если таковое по какой-то причине положено иметь — могут обвинить даже в подготовке мятежа, я про такое слышал. Никто и никогда, из людей твоего сословия, не станет из-за тебя рисковать своей репутацией и всем прочим».

«Понятно. А есть ли возможность достать два устройства, оформленных на чужое имя? Ты сможешь это сделать?» — написал я

Прочитав написанное, он на некоторое время задумался, после чего ответил:

«Могу. Только у меня тоже будет просьба. Не спрашивай меня, пожалуйста, КАК я достану все это…Ведь, как ты верно заметила, если не будешь знать, то и тяжкой вины твоей здесь не будет. Максимум — обвинят в незаконном использовании. Когда нужно будет все это достать?»

Ну уж вряд ли незнание освободит от ответственности, — подумал я, прочитав написанное.

«До завтрашнего утра сможешь?» — написал я и улыбнулся парню, передавая листочек

Почесав в затылке, тот написал в ответ лишь одно слово: «Смогу!»

«Сколько денег, примерно, я буду должна?» — поинтересовался я, вполне осознавая, что подобного рода покупки обойдутся как минимум очень недёшево, а налички в моем распоряжении не то чтобы слишком много…

— Ввопроос дденег — ээто нне жженскиий ввопрос! — самым категоричным тоном заявил он, — пподообная поокупка оообойдеется ммне вв ссумму рравнуую, ппримеерно, уужину наа ддвоих вв хоороошем ррестооране

Он выразительно и с какой-то с надеждой во взгляде посмотрел на меня. Хитрый жук!

«Тебе же известно, что я уже несвободная барышня. До тех пор, по крайней мере, пока остаюсь частью Семейной сделки. А вот, когда и если, перестану быть таковой, тогда…почему бы и нет?», — написал я

«Что конкретно я должен буду купить? Ты уже продумала то, как, когда и где я передам тебе все это?»

«Продумала», — ответил я и написал для Ии виртуальное послание:

«После звонка зайди, пожалуйста, в 218 кабинет, я тебя жду (смайлик)»

«Зайду! (много смайликов)» — практически моментально ответила та

«И еще кое-что. Не мог бы ты для меня сделать виртуальный снимок двух барышень? Только так, чтобы они этого не заметили» — написал на листе бумаги я

«Кого будем «щелкать»? И что же то третье, с чем я могу тебе помочь?» — поинтересовался Андрей

«А третье…», — написал я

15:45. Класс вычислительных машин номер 2.

Это место я выбрал для встречи неслучайно, ибо точно знал, что с 15–00 до 16–30 класс используется для самостоятельной подготовки и здесь не будет вестись урок. Собственно, так оно и было. Помимо меня, сейчас в классе за партами сидело около 10 человек, которые были погружены с головой в свои учебные заботы. И которым не было никакого дело до всего того, что творится вокруг.

Сидя за последней партой, я ожидал посланницу от незнамо кого (хотя список персон, чье личное задание она могла исполнять, не столь уж велик) уже 15 минут, раскладывая виртуальный пасьянс. Еще 5 минут…

— Я купила все, о чем ты просила, — с изрядной долей волнения в голосе, шепнула мне на ухо, усевшаяся рядом девица, достав из сумки две картонные коробочки

— Хорошо, спасибо, — тихо ответил я, с выражением полнейшей безмятежности на лице, продолжая раскладывать пасьянс и не глядя на девицу

— Я могу тебе еще чем-то помочь? — вновь шепнула она

Я повернул голову в ее сторону и улыбнувшись, отрицательно покачал головой.

— Нет, все что мне было нужно, ты уже сделала. Спасибо тебе…и передай, пожалуйста, ей мою благодарность. Думаю, что тебе стоит уйти первой

— Кайа, — сказала она, чуть помявшись, — четырнадцатого января у меня будет День Рождения, а шестнадцатого, я буду его отмечать…мне было бы очень приятно, если бы ты пришла…

— Конечно! — ответил девице я, — только пришли мне, пожалуйста, официальное приглашение

— Это само собой, — сказала девица и попрощалась, — тогда, до встречи. Счастливого тебе Нового Года и Рождества

— До встречи, большое спасибо за все. И за приглашение тоже. Счастливого Нового Года и Рождества, — в свою очередь попрощался с ней я, возвращаясь к пасьянсу

Девица тихо покинула класс.

Это впервые на моей памяти, когда Кайа получила

приглашение посетить какой-либо праздник от представителя дворянского сословия (не считая приглашения на «смотрины» от Семейства потенциального любовничка)…

Да, в мою Кайю не тычут пальцем, конечно, учитывая то, чья она дочь (особенно, теперь!). Но она, то есть я, в общем и целом, изгой, с испорченной репутацией в «приличном» обществе. Подобная выходка не забудется никогда (поговорка: «береги честь смолоду» в этом обществе более чем актуальна). И эта девица никак не могла об этом не знать. И все-таки, она меня пригласила. Зачем? Почему? Мы с ней не подруги, и то, что она для меня чего-то там сделала — это лишь потому, что ей велели это сделать. Более того! Хоть она и не показывала это открыто, но меня подобным не обманешь…мне было очевидно, что она испытывает некую неловкость в моем обществе. Кайа ей не нравится. И раз она меня пригласила на свой праздник, значит продолжается некая игра.

И хотя мне совершенно не хочется играть в чужие игры, но отказаться от приглашения я не могу, по многим причинам.

Открыв одну из двух коробочек, достал видеофон. Та же модель, что и у меня, даже цвет корпуса такой же.

Зайдя в пункт меню: «Информация об устройстве», нашел раздел регистрационные данные:

«Зайцева Светлана Викторовна, дата рождения, паспортные данные».

Одним словом — зарегистрированное устройство. И судя по году рождения — устройство оформлено точно не на девицу…

Что же до второй коробочки, то в ней находился беспроводной сетевой накопитель. Такие здесь используются для организации домашнего (в основном) «облачного» хранилища. Можно было бы и не заморачиваться с подобным, если бы я рассчитывал разжиться в Семейной Сети потенциального любовничка лишь текстовыми документами, однако…

Однако, после встречи с Андреем у меня появилась идея поинтереснее. Так что сетевые накопители, полученные от обеих девиц (если милая Роза добудет то, о чем я просил, хотя сомнений в этом практически нет), вместе с обоими видеофонами, будут служить для отвлечения внимания моей дорогой «матушки».

«Матушка» хочет «разоружить» меня перед рождественским приемом в Семействе моего предполагаемого любовника. Ну что же…пусть разоружает!

Рождество, в конце концов, светлый праздник. А, стало быть, довольными должны остаться все!

16:15. Школьная столовая.

Сидя в одиночестве в дальнем углу столовой, за столом, рассчитанным на десять человек, чаевничал.

Народа здесь и сейчас было немного. В основном школьный персонал. Ибо старшеклассники были на уроках, а младшеклашки и заочники, свое на сегодня уже «отсреляли».

— Приятного тебе аппетита, Кайа, — сказала, присевшая рядышком Роза и поставившая на стол поднос с чаем и булочкой

— И тебе, Роза, тоже приятного аппетита, и тебе…, — ответил я, взяв с блюдца очередное печенье

Я услышал под столом негромкое шебуршание и почувствовал, как к моей ноге что-то придвинули.

Вот же малолетняя шпионка, блин.

Мы, как и полагается подружкам-одноклассницам, недолго поболтали за чаем о различных пустяках, а затем, Роза сказала, положив на стол передо мной клочок бумажки:

— Меня с самого начала просили передать, что, если тебе что-нибудь понадобится, просто отправь любое сообщение на этот контакт, и тебе постараются помочь. Пользоваться им можно ровно один раз. Ну все, счастливого тебе, Кайа, Нового Года и Рождества! До встречи в следующем году, — мило улыбнувшись, сказала мне она, вставая со своего места

— И тебе, Роза, счастливого Нового Года и Рождества…и спасибо! До встречи, пока

Я проследил взглядом за тем, как она, отнеся поднос, и не оглядываясь, вышла из столовой. После чего, прочел то, что было написано в переданной мне записке, а затем, порвал ее на много-много кусочков, и задумался.

Из задумчивости меня вывел сигнал видеофона, взяв в руки который, прочел виртуальное сообщение:

«Барышня. Автомобиль будет подан через 10 минут».

Одним глотком я допил остатки чая.

Что-то в этой некрасивой девочке было такое…такое, что она пытается скрыть за явно напускной застенчивостью и неискренне дружелюбной улыбкой,…что-то ужасное…

Ответ крутится где-то на краю сознания, но я пока не смог ухватиться за него. Но в ней определенно было что-то такое, что мне категорически не понравилось. А также появилось твердое убеждение, без каких-либо фактов, разумеется, на уровне интуиции (а ей я доверяю!), что Роза — не «матушкина» посланница.

Ладно, у меня еще будет время поразмышлять над этим.

Оглянувшись, и убедившись в том, что поблизости никого нет (а от камеры системы безопасности я скрыт колонной), достал из коробочки и включил видеофон. Зайдя в настройки, обнаружил,

что и этот аппарат тоже зарегистрированный.

Если честно, после разговора с Андреем, я ожидал и надеялся на то, что хотя бы один из двух окажется-таки незарегистрированным…

Увы.

Несмотря ни на что настроение у меня было просто прекрасное. И я с каким-то необъяснимым нетерпением ожидал начала «игры», ведь все «фигурки» на «доске» были уже расставлены. Поскорее бы настало Рождество…

Я встал из-за стола.

Меня начало потрясывать от приятного возбуждения.

Я улыбнулся, ибо не ощущал более страха. Видимо, даже у такого человека как я, наступает момент, когда он перестает бояться…

В нашей с «матушкой» «партии» скоро случится прелюдия к эндшпилю.

И самым приятным будет не просто победить…, но дать своему оппоненту полное ощущение скорой победы, а затем…бац!

Но всему свое время, ведь на завтра у меня в планах другое приятное событие. Предновогодняя встреча с Ией!

Жизнь хороша!

«Спасибо тебе, Боже, что дал мне возможность прожить эту новую жизнь…», — про себя подумал я и взяв поднос, направился в сторону выхода из столовой…

Глава 62

Тем же вечером. Жилой этаж офисного здания Семьи Кайи.

Приняв контрастный душ, после полутора часов занятий на спортивных тренажерах, почувствовал себя словно заново родившимся.

Выйдя из ванной, небрежно бросил полотенце на пол. Представ во всей своей прекрасной, блин, наготе, направился к комоду с бельем, у которого и «завис» на некоторое время, теребя влажный локон своих довольно длинных волос.

Короткая стрижка все-таки гораздо практичнее, пару раз прошелся полотенцем по волосам и готово, сухие. С моими же такой фокус не прокатит, да, и, вообще, они требуют постоянного, долгого и весьма тщательного ухода, однако, коротко подстригаться я не стану в любом случае, так что, придется мириться с подобного рода неудобствами. Тем более, это не единственное, с чем мне приходится мириться в своей новой ипостаси.

«Отвиснув», выдвинул ящик комода и достал из него свежее белье.

Надев на себя домашние шорты а-ля «семейники» и свободную футболку, вернулся в ванную, за видеофонами, которые просто так, без присмотра, оставлять никак нельзя, по крайней мере сейчас.

Визуально, камер наблюдения в своей комнате я так и не обнаружил, сколько бы ни искал. И скрытых тоже. Однако, в том, что их нет вовсе, до конца уверенным быть никак нельзя, ясное дело… Но и задействовать для поиска подсматривающей аппаратуры доступные мне спецсредства, также нет возможности, ибо я не могу позволить дорогой «матушке» получить сейчас доступ к чему-то из арсенала моего «кибероружия».

Несколько минут спустя. Сидя за письменным столом.

Сняв декоративные пластиковые заглушки с корпуса своей ВЭМ и отложив их в сторону, я, взяв в руки столовый нож, аккуратно перевел пластиковые же корпусные крепления в положение «открыто». После чего, осторожно отделив друг от друга несколько корпусных элементов, получил доступ ко внутренностям вычислительной машины.

Мне нужно слегка «кастрировать» ВЭМ, лишив эту электронную негодницу возможности вступать, в, так сказать, «незаконные связи», сливая заинтересованным лицам все то, что с ее помощью делает хозяйка, то есть, я.

И надежнее всего прекратить эти вредные для меня «связи» — отключив физически беспроводной компонент для соединения с Коммуникационной Сетью.

В эти оставшиеся до Рождества несколько дней ВЭМ мне потребуется для весьма многих задач (вот прямо сейчас, необходимо сделать «слепки» систем, добытых мной сегодня видеофонов, для чего я уже вытащил коммуникационный кабель из ящика стола, а затем, сравнить их меж собой и с системами моих собственных устройств…мне очень интересно выяснить, аж кушать не могу, какой именно программный компонент «стучит» на меня любезной «матушке»), которые я предпочту сохранить в тайне от посторонних, благо, что накопитель информации в нем я могу ломать и менять хоть каждый час. У богатых свои причуды.

ВЭМ собран по модульной схеме, то есть любой его компонент возможно легко извлечь, без применения специального инструмента, и при необходимости заменить. Любой, кроме сетевого адаптера (вернее, двух сетевых адаптеров, проводного и беспроводного), распаянного непосредственно на плате устройства, и с «зашитой» в него информацией о владельце.

Я осмотрел системную плату, все компоненты которой располагались в точном соответствии с топологической схемой, найденной мной в Сети. После чего, приступил к «членовредительству», однако, осторожно, дабы затем было бы возможно легко и быстро вернуть все «взад». У «короля», конечно, «много», но…

— Бляха-муха! — громко ругнулся я, когда аккуратно орудуя ножом, резко дернулся от громоподобного звука за окном, едва-едва не загубив системную плату, повезло…

Положив нож на стол, встал с кресла и подошел вплотную к панорамному окну. Вдалеке сверкнула молния, после чего, снова бабахнуло. Гром.

За окном бушевали метель и гроза. Что-то не припомню я в Москве зимней грозы. Не частое, видать, это в наших широтах природное явление…

Опершись о стекло двумя руками, и уткнувшись в него лбом, я вглядывался в предновогоднюю вечернюю панораму зимнего города, освещенного мириадами огней искусственного освещения и всполохами атмосферного электричества.

Такого живого, несмотря на сильнейший снегопад, родного и совершенно чужого мне города…

Хотя…была ли та Москва, город, в котором я родился и вырос, по-настоящему моим городом? Да и вообще, было ли там место, которое я в полной мере мог бы назвать своим домом?

От подобных мыслей у меня испортилось настроение, и я

печально вздохнул.

Нет, — теперь я могу совершенно честно ответить самому себе на этот вопрос, — там таких мест для меня не было…

Даже у заключенных, мотающих длительный срок, обычно существует вполне конкретное место, полагаю, куда они всеми силами стремятся вернуться, считая дни до своего освобождения.

У меня же таких мест не было…

Я всю свою самостоятельную взрослую жизнь болтался, как незабудка в проруби. Расстроился ли я хоть чуть-чуть, когда много лет назад уезжал в свою долгую «командировку» (а я с самого начала понимал, что так или иначе уезжаю на много-много лет или, возможно, даже навсегда)? А затем, спустя года, тосковал ли по своей Родине? «По березкам», как говорят некоторые эмигранты…

И на оба эти вопроса я честно могу ответить: нет.

Я не почувствовал ничего там, в той Москве, когда вернулся в нее незадолго до своего финала…

А «Штаты»? Страна, где персональное лидерство и личный успех являются краеугольным камнем общества…могло ли там быть то самое место? Конечно, нет! И даже не только потому, что по факту, там я являлся преступником, ежедневно совершавшим тяжкие преступления…

И я бы ни на секунду не расстроился и ни мгновения не сожалел, если бы мне пришлось уехать и оттуда, ибо не было в моем характере тех качеств, что нужны, дабы стать «настоящим американцем»: личной наглости и собственного искреннего желания «карабкаться вверх». Я всего лишь выполнял установку своего московского начальства…

И единственным, что двигало меня — был мой многолетний страх. Печально.

Так что, тот мир для меня, по факту, был чуждым местом. Сможет ли что-то измениться здесь…? Посмотрим.

А может, все дело просто в полном отсутствии у меня веры, которая, со слов людей верующих, помогает им преодолевать жизненные невзгоды, найти себя и свое место в жизни? Возможно…

Но, я человек нерелигиозный. Скорее, атеист. И даже сейчас, несмотря на все то, что уже пережил, остаюсь таковым.

Совсем близко сверкнула очередная молния, ударив в громоотвод соседней офисной высотки и вновь, несмотря на отличную звукоизоляцию, оглушительно бабахнул гром, и…

Далее я испытал невообразимую мистическую хрень, одного порядка с той, которая приключилась со мной на железнодорожном «узле». Какие-то видения. Или галлюцинации.

Хрен его знает!

Буквально за несколько мгновений в моей голове пронесся целый калейдоскоп визуально-звуковых образов неких событий. Все произошло столь стремительно, что я не смог понять, что конкретно это были за события, образы которых я только что видел. Однако, я был абсолютно уверен, чисто на уровне интуиции, что их объединяло то, что все они, без исключения, были ужасными. По-настоящему ужасными. Чудовищными.

И не успел я еще оправиться от первого «сеанса», как снова бабахнуло и вслед за этим начался второй…

Все вокруг стало словно во сне, хотя, уверен, что не спал. Я (или мой разум) оказался посреди «ничего». Кромешная тьма. А затем, будто лучом прожектора на театральной сцене, осветили область тьмы. Пятачок, так сказать…

И на этом пятачке я увидел двух девушек. Или взрослых женщин, не знаю. Первая из этих двоих, находилась относительно зрителя, то есть меня, анфас, и просто стояла на месте, держа в руке бокал с каким-то напитком.

Вторая же, находясь ко мне в профиль, быстрым шагом, почти бегом, спешила к первой…

Обе были словно ожившие куклы. И у обеих не было лиц…

Вернее, лица-то у них наверняка были…однако, от моего взора они были скрыты дымкой, сотканной из тьмы, будто вуалью.

Но даже так, не видя лиц, я, глядя на силуэты их фигур, был твердо убежден, что знаю обеих, вот только отчего-то не могу сейчас вспомнить, кто же эти барышни…

Судя по их шмоткам, были они на какой-то вечеринке.

Вторая девица (чьи волосы и одежда показались мне мокрыми, обман зрения, наверное…), подойдя к первой, прижалась к ней, обвив ее талию своими руками. Первая же барышня, в свою очередь, начала вырываться из этих непрошенных объятий, при этом, довольно громко негодуя (судя по голосу…очень знакомому голосу…это была все-таки взрослая женщина).

А спустя мгновение (и от этого я вздрогнул!), одежда второй барышни вспыхнула пламенем, которое практически моментально перекинулось на вечернее платье первой женщины, чьи ругательства тут же превратились в истеричный визг, и которая, еще активнее стала пытаться высвободиться. Увы, безрезультатно…

А затем, через пару-тройку ударов сердца, когда их обеих полностью охватил огонь, ее визг перешел в какой-то нечеловеческие крик и вой, каковых я не слышал даже от

убиваемой собственным мужем Анны Лискиной…

Все это было столь ужасно, что я хотел закрыть руками уши и зажмурится, но не смог (краешком сознания отметил, что у меня даже мысли не возникло попытаться хоть как-то им помочь)…

У меня не было ни рук, ни век…и даже просто отвернуться не получалось.

В какой-то миг, вторая девица начала ей вторить собственными безумными воплями и воем, полными боли и ужаса. И только теперь отпустила наконец, после чего, обе они, размахивая руками, начали бегать по освещенному пятачку, крича и хрипя, будто в какой-то дикой ведьмовской пляске…

Снова мощнейший удар грома! И, внезапно, я оказался прямо на освещенном пятачке, где, объятые пламенем, метались, ища спасения, две женские фигуры. А рядом с ними, я заметил множество теней… Другие люди? Не знаю, возможно…

К визуально-звуковым образам добавился еще жар и запах. Невыносимо воняло каким-то горючим, горелыми мясом и волосами…

Меня начало жутко мутить, но даже так, отрешиться от происходящего совсем рядом у меня не выходило. Я смотрел.

К счастью, все закончилось весьма скоро (хотя все те мгновения, что я наблюдал эту ужасную сцену, были для меня длинной, пожалуй, в вечность). Сначала упала вторая барышня, и скрючившись в позе эмбриона, быстро затихла.

По всей видимости, мне тогда действительно не показалось и ее одежда, и волосы, на самом деле были мокрыми (пламя объяло ее практически моментально). Похоже, она облила себя какой-то горючей дрянью, чей запах я теперь ощущаю…

Весь ее кожный покрой выгорел полностью, обнажив мышечный слой и это было совершенно ужасное, тошнотворное зрелище. Но даже так, она все еще продолжала гореть…

А затем, рухнула и та первая женщина, извиваясь и дергаясь на полу, словно угорь и непрерывно визжа. Обгорела она существенно меньше. Впрочем, я бы не поставил и рубля на то, что с такими чудовищными ожогами она останется в живых.

В этот момент она заметила меня и даже прекратила свои метания на полу.

Протянув в мою сторону руку, она, наконец, лишилась чувств.

Тишина. На освещенном пятачке наступила тишина, можно сказать, мертвая…

Лишь огонь продолжал жадно пожирать тело первой своей жертвы.

Вдруг снова раздался сильнейший удар грома!

Я вновь оказался в своей комнате, и обнаружил себя сидящим на заднице, прислонившись спиной к стеклу.

Я был весь в поту. Меня жутко трясло. И я дико визжал…

Не знаю сколько так продолжалось (хотя и полагаю, что не слишком долго), но в какой-то момент, дверь в мою комнату распахнулась и в помещение вломилась охрана этого объекта. Я насчитал шестерых человек, с оружием наизготовку.

Мне потребовалось приложить изрядное усилие, чтобы наконец заткнуться.

«Чисто», «чисто»…, — услышал я их доклады

Подтянув к груди колени, я обхватил их руками. Меня продолжало сильно знобить.

Убрав свое оружие, передо мной уселся на корточки один из охранников. Виталий…, — вспомнил я имя охранника, — он старший смены.

— Барышня, что произошло? Вы не пострадали? Нигде не болит? — спросил он, осматривая меня, однако, дотрагиваться до «комиссарского тела» не стал

И прежде, чем я успел ему ответить, рядом со мной материализовалась…как там ее…Чень Ю, кажется. Это, новая старшая над китайским персоналом в этом доме, назначенная вместо Марии, которую «матушка» забрала с собой в Имение.

На русском языке эта дамочка говорила куда хуже Марии, но, тем не менее, говорила. Однако, сейчас, усевшись рядом со мной и с тревогой разглядывая мое лицо, она что-то там залепетала на безумной смеси ужасного русского и китайского языков. Стресс…

— Ввсе ннормально, — ответил я, немного заикаясь, и протягивая открытой ладонью вперед свою все еще дрожавшую руку, — ввсе ннормально. Ппростите, ччто ззаставвила пповолноваться…

Чень Ю продолжала что-то лепетать, взяв меня за плечи, а у меня прямо сейчас не было никаких сил разбирать весь этот лингвистический ужас, и я просто повторял: «все нормально, все хорошо…»

Охрана рассредоточилась по комнате, а Виталий снова спросил:

— Так что все-таки произошло?

— Да так, ерунда…, — махнул рукой я, аккуратно высвободившись из рук китаянки, — гром…мне показалось, что… опять началась стрельба. Я…я испугалась. Но теперь все хорошо

Охранник просто кивнул и встав на ноги, активировал переговорное устройство.

— Лер, зайди к барышне, пожалуйста, — сказал он, — у нас тут небольшой…кризис

Лера…

Видеофоны! — я побледнел еще сильнее, — охрана, может, и не обратит внимание на то, что на моем письменном столе лежат сразу три подобных устройства (плюс, «разделанная» ВЭМ, но на нее мне сейчас пофиг), но вот Лера…!

Лера на этот факт точно обратит свое внимание! И этого мне сейчас совершенно не нужно!

— Оставьте меня, пожалуйста, — попросил я главного из сегодняшней смены охраны, — не хочу, чтобы меня видели… такой. А ты…, Чень Ю, принеси, пожалуйста воды…, а то, она у меня здесь закончилась

Я указал взглядом на небольшой холодильник для напитков, в котором хранились бутылки с минеральной водой. Холодильник этот регулярно пополняется домашним персоналом и вода там, естественно, была, но…

Но, Чень Ю, уже полетела исполнять мою просьбу. Охрана, получив от своего командования соответствующее распоряжение, также потянулась на выход.

Около минуты спустя.

Лежа на кровати, обняв подушку, я наблюдал за тем, как в комнату вошли Лера и Чень Ю, которая несла в руках поднос, с графином и стаканом. Виталик, перекинувшись парой слов с моей сопровождающей и окинув напоследок комнату взглядом, вышел, прикрыв за собой дверь.

Я уселся на кровати, засунув ступни в забавные тапочки в виде пингвинов.

— Вода с лимоном, как вы любите, барышня, — «переключила язык» на русский китаянка

— Спасибо, Чень Ю…спасибо, — сказал я, беря стакан с подноса

— Ну, ты как? — спросила присевшая рядышком Лера, погладив меня по спине

Сделав глоток, я изменился в лице и торопливо вернув стакан на поднос (разлив при этом воду), вскочил с кровати…

— Хреново…, — прошептал я и помчался, что было сил, в уборную

Сейчас я искренне пожалел о том, что в моем распоряжении оказалась столь огромная комната…

По дороге до унитаза обо что-то споткнулся, едва не растянувшись по полу, но все-таки я успел. Едва-едва…

Сделав глоток воды, что принесла Чень Ю, я ощутил во рту привкус горящей человеческой плоти, а также ее запах, и теперь меня выворачивало наизнанку.

Рвало ужасно.

В перерыве между спазмами, услышал, как Лера, стоя рядом со мной, вызывает врача…

— Не надо доктора…, — тихо сказал я, ибо совершенно не желал, вместо прогулки с Ией, провести завтрашний день в больничке, да и вообще, у меня еще куча дел

Но кто в подобных обстоятельствах станет слушать подростка?

Меня вновь накрыл жуткий спазм, к счастью, в последний раз…

Тот, кто придумал слоган: «не забудь пригласить на сеанс свою подружку…», вряд ли имел в виду сеанс самосожжения, — подумал я, когда Лера вытирала мое лицо салфеткой, и вдруг истерично захихикал.

Хихикал, правда, я весьма недолго, ибо желудок, только что раздраконенный сильнейшими спазмами, быстренько заставил меня заткнуться.

То, что я увидел, определенно было целенаправленным убийством… Но, кем же были эти две женщины?

Блин, я, должно быть, окончательно сбрендил, если всерьез пытаюсь сейчас разобраться в сценарии приключившихся у меня «глюков»!

Закусывать надо…

Лера, тем временем, приведя мою физиономию в порядок, повела трясущегося меня обратно к кровати, придерживая за талию.

Не «глюки», — осознание этого пришло столь резко, что я даже остановился, — память…

Память?

Память о возможном…

И тут я резко понял кое-что еще. То, от чего мое сердце стало весить тонну…

Все то, что я видел — произойдет обязательно! Все эти события…словно остановочные пункты на железнодорожной ветке, через которые поезд проследует в любом случае…

Тогда мне нужно было любым способом валить с проклятого «узла», невзирая ни на какую усталость, а теперь уже все, поздняк метаться. Тогда…сейчас я в этом уверен… была «развилка» в моей судьбе и я выбрал вариант: «остаться на ночлег»…, — меня охватило секундное отчаяние, и, увлекаемый своей сопровождающей, я поплелся дальше.

Позже. Я, одетый в ночнушку на голое тело, полулежал на кровати, опершись спиной о подушку и был весь увешан, словно новогодняя ёлка гирляндами, разнообразными медицинскими датчиками. Более-менее, в себя я уже пришел. Меня, во всяком

случае, больше не трясло.

— Ну, судя по всему, если не считать приступа панической атаки, барышня вполне здорова, — вынесла свой вердикт сидевшая на стуле, подле моей кровати, доктор, обращаясь к Лере, в тот момент, когда весь прочий медперсонал потихоньку сворачивал экспресс лабораторию, развернутую в моей комнате, — а подобное, как я понимаю, уже по вашей части. Но абсолютно точно будет возможно сказать лишь после полной диагностики в стационаре…

— Куда я сейчас не поеду…, — продолжил за нее я, — спасибо, доктор

Женщина, встав со стула, лишь пожала плечами — это, мол, уже не мое дело.

Проводив доктора, и всю остальную медкомпанию, вернулась Лера, притащив с собой пузырек, из которого накапала в столовую ложку какой-то дряни, после чего поднесла ее к моему рту.

— Выпей, — сказала она

Я принюхался. Пахло какими-то травами.

— Что это? — поинтересовался я, не забыв то, как Лера, вместе с «маманькой», организовала мне фармакологический «приход»

— Успокоительная настойка, — ответила та

— Настойка? Что-то спирта я не чувствую…, — с сомнением сказал я, и заметив, что Лера собирается сказать нечто нелицеприятное, заглотил ложку вместе с ее содержимым, и тут же скривился, — горькая дрянь…

— Гадость, да, зато помогает быстро, — пожала плечами моя сопровождающая, — я тоже ее частенько пью…как на счет принять ванну? Горячая вода поможет расслабиться и успокоиться

— Расслабиться и успокоиться? — переспросил я, взглянув на Боблу, которая меланхолично грызла «подарочный куст», — Было бы неплохо…принеси, пожалуйста, кошку

Минут пятнадцать спустя. Главная хозяйская ванная.

Сама ванна была круглой и не слишком большой, в конце концов, это не общественный бассейн, но и не маленькой. Однако, являла она собой, пожалуй, вершину инженерной и дизайнерской мысли для подобного рода сантехнических устройств. Ее чаша располагалась практически на уровне пола, с невысоким, но очень широким бортиком. Впрочем, описать ее возможно одним простым словом — охрененная!

И женщина, что сидела сейчас на ее бортике, в распахнутом шелковом халате, с расписанными на нем экзотическими

птицами, явив взору окружающих, то есть моему взору, шикарную грудь взрослой, но еще не рожавшей женщины, ну и все остальное прочее, тоже…тоже была просто охрененная!

И хотя мои ощущения, при взгляде на эту красоту были совершенно иными, нежели раньше, там, но все же настроение мое явно повышалось. Но, увы, только настроение…

— Хочешь я сейчас скажу банальную вещь? — поинтересовался я Леры, грызущей яблоко и по-детски болтающей в воде ногами

Я сидел в воде по шею и испытывал просто нечеловеческий кайф от гидромассажа…особенно в определенных местах. И чего я раньше не посещал это место…?

— Валяй, — пожала она плечами и вгрызлась своими белыми зубками в нетронутый бок фрукта

— Ты просто ангельски красива, — заявил я, — с тебя сейчас только картину писать. Маслом! Леди, сидящая на краю бассейна, жующая яблоко и дрыгающая ногами.

Расправившись с фруктом, она положила огрызок на поднос и слегка плеснув в меня водой, делано обиделась, ответив вопросом на вопрос:

— Толку-то с этой красоты…? — а вот это она спросила уже на полном серьезе. Кажется, с личной жизнью у нее все так себе…

Впрочем, какая может быть личная жизнь, если она работает (или служит, черт знает), можно сказать, вахтовым методом, проживая у своей подопечной? Хотя в Питере она, вроде бы, провела нескучную ночь…

— Но, все равно, спасибо. Подобное слышать всегда приятно …

Я решил сменить тему.

— Ты…, — начал было я, но в этот момент в помещение вошла горничная из вечерней смены, неся в руках поднос с напитками.

Я вылез из воды и уселся на бортик, рядом со своей сопровождающей

— Спасибо, — поблагодарили китаянку мы, опустошив поднос

Не знаю, что за напиток это был, но пришелся он очень в тему. Горячий, сладкий, пряный, безалкогольный, с ярко выраженным тонизирующим эффектом.

— Ты что-то начала говорить, но…, — сказала Лера, пригубив напиток

— Да, я хотела спросить, ты…давно знакома с моей мамой? — поинтересовался я

И в тот момент, когда Лера услышала мой вопрос, из ее позы

моментально исчезла всякая расслабленность…

Глава 63

Лера ощутимо напряглась, но буквально на мгновение-другое. Затем она, скинув свой халат на пол, залезла в воду. Я не без интереса наблюдал за тем, как она аккуратно устраивается, полулежа в ванной.

Дабы чуть-чуть сбить свое возбуждение, вызванное видом прелестей этой женщины, плеснул водой себе в лицо. Лера мне очевидно нравится…нет, не так…

Мне нравится лишь ее шикарное тело… Ее тело, но не она сама …

В моей памяти всплыло эхо ее голоса, когда она, на пару с «матушкой», устраивала для меня медикаментозный допрос.

Ничего не могу с собой поделать, ибо сама по себе эта женщина не возбуждает во мне иных чувств, кроме страха и ненависти…

Нет, я вовсе не желаю ей ни смерти, ни чего бы то ни было подобного. В конце концов, она всего-навсего инструмент в руках «матушки». И если не будет ее, то обязательно будет другая, точно такая же, если не хуже… Нет, я просто ее тихо возненавидел, однако сейчас выражение моей моськи было безмятежным и по-детски наивным (я потратил уйму времени на просмотр снимков и роликов с девочками-подростками, дабы мой образ максимально соответствовал «норме»).

Усевшись аккурат напротив меня, Лера вновь выглядела полностью расслабленной. От напряжения, сковавшего ее буквально десяток секунд назад, не осталось и следа. Она прикрыла глаза, явно получая удовольствие от горячей воды и от гидромассажа.

Я перевел взор чуть в сторону, любуясь красивой подсветкой ванны, и ожидая ответа своей сопровождающей.

— Если подумать, то, пожалуй, давненько…, — наконец ответила та, со все еще закрытыми глазами

Ответив мне, она села ровно, высунувшись из воды по грудь и вновь открыв глаза, разглядывала мое распаренное лицо.

— Тебе, полагаю, хочется получше узнать свою маму? — расслаблено поинтересовалась она

— Лер…, ты же не станешь передавать ей наш разговор? — задавая этот вопрос я уставился в воду, а голос мой стал неуверенным

— Кайа…, тебе же точно известно, что я не твой охранник и не твоя горничная. Женя, твоя мама, приставила меня к тебе с той целью, чтобы я наблюдала за тобой и твоим поведением… И

докладывала ей о состоянии твоего ментального здоровья, о том, что ты думаешь, говоришь и делаешь. Твоя мама очень не хотела класть тебя в специализированную клинику, а это, ввиду произошедших с тобой душевных потрясений, был практически единственный вариант. Но Женя нашла иной путь. Для тебя я замена этой клиники, понимаешь? Хотя, знаешь…

Она замолчала, и прикусив губу, посмотрела куда-то сквозь меня.

— …пожалуй, что некоторые наши разговоры вполне могут остаться между нами двоими. Но только некоторые…

— И тебе нравится такая работа? Такая жизнь? — спросил я, плотно сжав губы в этакой полуулыбке, — Жить здесь со мной, наблюдать за мной, практически круглосуточно…

Я сжал кулачек, запустив вверх струю воды.

— Ты чересчур «кайацентрична», — ответила женщина, убрав прилипший к лицу локон, — помимо того, что я приглядываю за тобой, у меня еще немало иных дел. И ты…ты не моя работа, Кайа…

Я с удивлением посмотрел на Леру.

— Я нахожусь с тобой по личной просьбе твоей мамы. Можно сказать, что отдаю ей свой долг…

— Вы подруги? — вновь спросил я, не став уточнять, за что именно она задолжала «матушке»

— Нет, пожалуй, мы не подруги…, — ответила она, отрицательно покачав головой, и затеяла небольшую движуху, в результате которой, уселась прямо рядом со мной.

Настолько близко, что наши тела соприкасались.

Я почувствовал, как краснеют мою щеки, однако, в горячей воде это не было сильно заметно.

Я испытал двоякие чувства. Сильную похоть и не менее сильный стыд. А вместе со стыдом, мне вдруг резко стало некомфортно находиться столь близко с этой женщиной. Последний раз я так стыдился, находясь рядом с женщиной…**там**.

Хорошо помню тот момент (впрочем, теперь-то я все моменты **оттуда** помню хорошо, будто все они произошли вот только что). В 16 лет, для получения приписного удостоверения, я проходил в военкомате медкомиссию, и тетенька-хирург из состава этой самой комиссии взяла меня рукой за «кое-что» и с минуту его внимательно рассматривала, обсуждая увиденное с более молодой коллегой. Мне тогда, помнится, хотелось провалиться сквозь землю.

Как и сейчас…

Однако, сейчас ни проваливаться, ни отстраняться от Леры не стал, согнув лишь ноги в коленях и притянув их к груди.

— Но мы с тобой вполне могли бы ими стать, мне бы этого, например, очень бы хотелось…, подругами, я имею в виду, — продолжила она, ласково улыбнувшись мне, после чего аккуратно убрала прядь волос уже с моего лица

Эта женщина умеет быть очень располагающей к себе, этого у нее не отнять… Впрочем, это ее профессиональное качество.

Она взяла мою левую ладонь в свои (я инстинктивно хотел отнять руку, ибо именно на левой ладони был мой искалеченный мизинец, однако, сумел сдержаться).

— Наша с тобой дружба, здорово бы упростила и мою работу, да и вообще…, — сказала она, поглаживая мою руку

Я почувствовал Лерино возбуждение, хотя она очень неплохо контролировала свои эмоции, но…

Но, одно дело возбуждение, и совсем другое… Может ли такое быть, что Лера пытается склонить меня к интимной близости? Да нет, вряд ли…! Кайа ее пациента или что-то вроде. Это аморально. Или все-таки может? Хотя, что я несу? Когда эти люди руководствовались моральными принципами? Уж если они без зазрения совести пошли на то, чтобы накачать меня какой-то наркотой, дабы выяснить, кто дергает за мои ниточки, то…если она решит, что подобным образом сможет быстрее наладить со мной доверительные отношения и выудить ту информацию, что ей нужна (вернее, «матушке»)…

Мне стало жутко противно. Фу! И я точно понял, что не допущу подобных отношений с этим человеком. Даже ради дела (и это было не только мое нежелание…я чувствовал, как сама Кайа, ее тело, то есть мое тело, говорит: «нет», вернее, кричит: «**НЕТ!!!**»). Однако…

— Дружба — это хорошо, и я бы тоже очень хотела, чтобы мы были подругами, — ответил ей, смущенно глядя в воду

— Вот и славно…, — довольно громко сказала моя новая «подруга», — расскажи мне, что тебя тревожит, и я постараюсь тебе помочь. Хотя бы советом.

Услышав ее слова, я ответил:

— Знаешь, тогда…, когда Игорь с Женей сказали, что хотят удочерить меня, я согласилась на это практически без раздумий…

Я поднял взгляд на Леру, та лишь молча кивнула, внимательно меня слушая, и продолжил.

— …в конце концов, с ними мне вряд ли было хуже, чем со своим родным отцом, который меня терпеть не мог и с мачехой… А вот лучше…лучше быть могло! Папа не скрывал от меня, что удочеряют меня с целью того, чтобы он смог стать полноценным наследником Семьи…но мне тогда на все это было наплевать, понимаешь?! Я тогда…не знаю, как это выразить словами. Я тогда

по-настоящему не знала никого из Семьи и не чувствовала своей принадлежности к этим людям. Все они были для меня…чужими, что ли

Я махнул рукой, пустив волну, и продолжил говорить, а Лера не перебивала.

— …да чего там, я и сейчас никого из них толком не знаю, но…

Я замолчал, вновь уставившись на воду.

— Но…? — поинтересовалась Лера

— Тогда…сначала…мне было вполне достаточно и того, чтобы ко мне просто относились по-человечески. Но, затем началась вся эта катавасия…впрочем, уверена, ты и сама все прекрасно знаешь. И хуже всего то, что моя же собственная Семья решила меня подарить тому мужику…словно…словно какую-то ненужную вещь!

— Кайа! — вдруг перебила меня Лера, — Никогда, слышишь? Никогда и ни при каких обстоятельствах не говори тому мужчине, что он «мужик»! Заруби себе это на носу! Да и вообще, убери это словечко из своего лексикона…

Она вздохнула, и приобняв за плечи, притянула меня к себе.

— Средневековье какое-то… Папа с мамой обещали, что сделают все, для того чтобы аннулировать договоренность насчет меня, однако…они не сдержали своего обещания… Да и вообще, мне кажется, что я им больше не нужна… Но теперь-то мне хочется, чтобы моя Семья меня любила…! — всхлипнул я, — … Мама от меня совсем отстранилась…, ее волнует лишь мой брат…, а до меня никому нет никакого дела…, я вновь ощущаю себя чужой среди своей же Семьи, и мне кажется, что все только того и ждут, чтобы поскорее избавиться от меня! Лер, как мне наладить отношения с мамой? Да, и вообще, какая она…моя мама? Я же с ней очень мало общаюсь…

Если так случится, что я буду вынужден бежать куда глаза глядят, то, уверен, что всегда смогу заработать себе на хлеб, как актер драмтеатра…играя, блин, Золушку.

Вот такого хрена меня не закинуло в обычную среднестатистическую «плебейскую» семью: мама, папа, я…?

— Какая она, твоя мама? — переспросила «подруга» и надолго замолчала

Я уж подумал, что вовсе не услышу ответа на свой вопрос, однако, она все-таки ответила.

— Я…я не знаю, какая она на самом деле, твоя мама… Честное слово, не знаю

— Как это? Ты же сама говорила, что давно с ней знакома…, — совершенно искренне удивился я

Лера повернула голову в мою сторону и принялась играться с моими волосами.

— Твоя мама, в некотором роде, психологический феномен, — ответила Лера, — у нее десятки, если не сотни различных «я»… «Женя-мама», которая, что бы ты там себе ни думала, искренне любит тебя и твоего еще нарождённого брата. «Женя — состоящая на службе у Государя», и, которой, кстати говоря, совершенно не нравятся те абсолютно не безобидные «проделки», которые ты время от времени устраиваешь… По крайней мере некоторые из них.

Она ненадолго прервалась и нежно взглянув на меня, провела пальцами по моей щеке, я опустил взор.

— «Женя — жена своего мужа», — продолжила она, — и так далее, и так далее… Порой мне даже кажется, что она и сама уже не помнит того, какая она на самом деле. Она для всех разная… Женя в состоянии успешно сыграть любую роль, каковая ей выпадет. Такие вот дела…

— Это лишь маски, — негромко произнес я, — разве не все люди их носят сообразно ситуации?

— Маски…, люди их частенько носят, да… — шепнула она мне на ухо

Я отстранился от нее. Ничего не смог с собой поделать, мне были невыносимо неприятны ее прикосновения. Это, во-первых. А, во-вторых, в мои планы совершенно не входит «секситься» со всеми, кто этого захочет… Лера, заметив мою реакцию на свои поползновения довольно интимного характера, прекратила их моментально, продолжив, однако, говорить (по ее лицу явственно пробежала тень разочарования).

— …но не твоя мама!

— У нее, что, раздвоение личности? — поинтересовался я

— В некотором роде, наверное…, — ответила Лера, облокотившись на спинку ванны и вновь закрыв глаза, — …в некотором роде. Она очень особенный человек, Кайа. У нее есть отдельное «я» для каждой своей «роли». И что самое забавное, в каждой из них она добивается максимального успеха. На своей службе она невероятно эффективна и порой делает совершенно немыслимые вещи. Некоторые из них по-настоящему ужасны, но все они направлены на благо государства и царской Семьи. Большинство из ее деяний вряд ли когда-нибудь станут достоянием общественности, но, в итоге, твоя матушка стала тем человеком, которому Государь доверяет, что называется, как самому себе.

Позже. Вернувшись в свою комнату, я уже собрался было продолжить прерванную работу с ВЭМ и видеофонами, которые

просто закинул под кровать, перед самым приходом Леры. Фиговая, конечно, «нычка», и, если, пока я был в ванной, производился обыск в этой комнате, их, безусловно, обнаружили… Но что поделать? Лучшего варианта я тогда не нашел, банально не было времени.

В дверь негромко постучали.

— Войдите, — разрешил я

Лера, и одна из девиц-китаянок, что работают в этом доме, и которая держала сейчас в руках поднос, вошли в комнату.

— Ты как? — поинтересовалась «подруга»

В ответ я продемонстрировал два кулачка с оттопыренными вверх большими пальцами.

— Все нормалек, — произнес я

— Ладно…, выпей сначала вот это, — подойдя к кровати, Лера налила в ложку какой-то микстуры и дала ее мне, — не горькое

Я заглотил ложку со сладким сиропом.

— А теперь, еще вот это…, — взяв с подноса, Лера протянула мне бокал, — Это чтобы ты заснула поскорее

Я принюхался. Винище!

Отличная штука! — я быстро, «по-плебейски», вылакал содержимое бокала

— А еще бокальчик? — поинтересовался я

— Хорошего понемножку! — был ответ «подруги», — ложись спать, а я сейчас приду…сегодня переночую с тобой

Лера указала взглядом на диван.

— Нет, Лер, — я вновь поднял вверх обе руки, на сей раз ладошками к «подруге», — сейчас я хочу побыть одна…извини

— Ладно, — спустя некоторое время согласилась та, — но если что…

— Я тут же тебя позову! — закончил за нее фразу

— Хорошо, тогда спокойной тебе ночи, Кайа, — сказала Лера и вместе с горничной вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь

От вина в голове приятно «шумело», работать с ВЭМ уже не хотелось совершенно…

Сейчас на мне была все та же дурацкая «ночнушка». Нужно переодеться в пижаму. Я небрежно стащил ее с себя и, кажется, даже слегка порвал (звук разрываемой ткани точно был). Ну да и хрен бы с ней, у короля много…

Одевать пижаму было лень. Хрен бы и с ней, тоже…

Я посмотрел на окно, которое сейчас было плотно зашторено.

— Открыть шторы…раздвинуть шторы…блин, — голосовое управление электроприводом штор меня не слушалось, забыл нужную команду, наверное…

Протянув руку, взял видеофон и в приложении, управляющим разнообразными функциями дома, выбрал пункт, управляющий электрическим карнизом.

Луна…сегодня было полнолуние. Свет от спутника Земли залил мою комнату, осветив, заодно, и мое обнаженное тело. Метель, как и гроза, закончилась, хотя снег все еще шел, хоть и едва-едва, и в свете Луны, это выглядело волшебно.

Я оглядел себя. Красивая, худенькая, длинноногая (я поднял ноги вертикально плотно сведенные ноги). Быть может мне просто привиделась та моя жизнь…?

К счастью или к сожалению, но нет. Вряд ли.

А затем, мне вспомнилось недавнее похотливое выражение лица «подруги» в ванной… Произойди подобное **там**, и меня бы это, само собой, ни на секунду не смутило. Даже наоборот… наверное, мы бы до сих пор торчали бы в ванне, занимаясь всяким. **Там** у меня не было дурной привычки отказывать милым дамам в интимной близости…особенно таким шикарным как Лера. Но **там**, это не **тут**. **Тут** я и сам себя неплохо развлекаю. **Тут** все иначе, и мне совершенно не хочется «пачкать» свое новое тело, развлекая подобным образом взрослых тетенек. Так что этой дамочке придется поискать себе половых партнеров в другом месте (впрочем, вполне допускаю, что если бы не было того допроса, то нынешняя ночь вполне могла бы быть весьма и весьма небезынтересной)…

И садисту тоже, но с ним, будет совершенно иная история.

Память показала мне Ию…и Консультанта. Вот с ними двоими, пожалуй, да…Особенного с Ией!

Впрочем, с Консультантом явно не сейчас… Хотя бы потому, что Кайе 14 лет и это, по-моему, совсем не тот возраст, чтобы начинать половую жизнь…с мужчиной, по крайней мере.

Улегшись на подушку и наблюдая за движением кометы по «звездному небу» на потолке, я размышлял.

С Лерой мы разговаривали о «матушке» довольно долго. Сначала в ванной, а затем, и за ужином (после горячей ванны я пришел в себя настолько, что смог немного «поклевать» ужин).

И если то, что рассказала мне о «матушке» Лера, хотя бы на тридцать процентов соответствует действительности…хотя, думаю, что правдой было практически все сказанное «подругой», то Женя…просто гений, временами очень и очень злой.

Если все действительно так, то «матушка» — одна из ключевых фигур в вопросах обеспечения государственной безопасности. Доверенное лицо Государя. И все это в таком молодом возрасте…

«Тебе не о чем переживать, просто делай ровно то, что велит

Женя! И с тобой ничего плохого не случится, она этого ни за что не допустит!» — вспомнил я слова Леры

— Ага, ничего не случится, как же, — прошептал я, растопырив пальцы на левой руке

Глядя сейчас на обрубок своего мизинца, мне вспомнился человек, стрелявший в меня на железнодорожном «узле» и погибший во время столкновения поездов.

Может «Женя-мама» и не допустит, а как насчет других ее личностей? Спасибо тебе Господи, за подобную приемную родительницу…

«Отец» — приятель Государя. «Мать» — его доверенное лицо. Неужто заменить меня другой девицей из Семьи было не в их силах? Тем более, что Кайа не достигла еще брачного возраста, и для подобного союза требуется либо подделать мои документы, что противозаконно, либо же личное разрешение Государя…

Не верю я в это. И коль скоро «родители» ничего не предприняли, то им, а вернее всего, «матушке», это зачем-то нужно…

Сделать «папашу» Главой Семейства, было, уверен, лишь частью некоего глобального плана «матушки».

«Кайа — погибла» или «Кайа — выжила» — для «Жени-играющей в игру», в отличие от «Жени-мамы», было непринципиально. Погибла бы Кайа в ту ночь и просто был бы задействован один из вариантов ее плана, выжила бы — иной…

Протянув руку, взял видеофон и написал сообщение адресату «Матушка»:

«Мам, как твое самочувствие? Как там братик?»

После этого произнес: «политическая карта мира» и вывел изображение на «ящик», занимавший практически всю стену, напротив кровати.

Так хорошо, как **здесь** и **сейчас**, жители России не жили никогда. На моей памяти по крайней мере… И эта карта давала исчерпывающий ответ: «почему?»

Если судить по ней, то половина «глобуса», если не больше, была под полным влиянием государства российского или же его союзника — франко-германского государства. Другая же половина — принадлежала на троих: Англии, США и Японии.

Плюс «полосатые» области, за влияние на которые боролись соответствующие цветам полос державы. Таковых, кстати, тоже было немало. В основном, в Африке и в Азии.

И если великие державы уже давненько не вели открытых войн на территориях друг друга (и России **здесь** повезло больше других), опасаясь получить неприемлемый ущерб непосредственно в своих метрополиях, то это вовсе не означает,

что не ведутся войны незримые. Незримые для рядовых граждан, по крайней мере, живущих сытой жизнью в своих безопасных мирках.

Интересно, какой ответ последовал за то нападение на российский аванпост в Африке…? Вряд ли подобное, исходя из соображений государственного престижа, можно было спустить «на тормозах».

А вот «под ковром» жизнь бурлит, это к гадалке не ходи… И обеспечивать внутреннюю безопасность такой страны, как Российская Империя, которой большинство иных великих держав желают всего наихудшего — дело крайне утомительное.

Выключив ящик, я вновь посмотрел на «звездное небо».

Лера — подручная «матушки», и все слова, сказанные ей сегодня мне, сказаны были неслучайно, в этом я уверен. Она аккуратно подводила меня к мысли о непротивлении воли «матушки»…

А какова она, эта ее воля? Неужели она считает, что я запросто смирюсь с решением Семьи…? «Матушке» же совершенно точно известно, что Кайа **уже** сделала (хотя, надеюсь, не про поезда…). И уверен, она ясно понимает то, что сопротивляться я буду до последнего… А это значит…

А это значит, что мое сопротивление — просто часть некоего плана…

Чего, в итоге, она или те, кто стоят за ней, хотят добиться? Да хрен его знает! У меня нет ни нужно информации, ни умения должным образом с ней работать, чтобы достоверно понять их замыслы. Да и какая мне, в общем, разница, если я всего лишь «фигурка» на их «доске». И, совершенно очевидно, что без их разрешения я не смогу покинуть эту игровую «доску».

Если бы «матушка» действительно пожелала сделать так, чтобы я гарантировано ничего не устроил (по крайней мере до того «счастливого» мгновения, пока бы меня не передали любовничку, предварительно завернув в подарочную упаковку), то просто заперла бы меня в Имении, в «домике на островке», без какой-либо связи со внешним миром. Или же соглядатаев при мне было бы столько, что ни о какой тайной передачи мне чего бы то ни было и речи бы ни шло! Для нее устроить подобное — мелочь! Уверен, что все эти мои игры в шпионов она видела по долгу службы ни раз и не два. Подобным маневрами ее обмануть не удастся.

И раз уж мне позволяют «тайно» устраивать свои проделки…

Мне остается лишь уповать на то, что в переломный момент всей этой истории, «матушка» будет «Женей-мамой», которая меня любит, и простит практически все…

Так что, если «матушке» необходимо, чтобы я был ее марионеткой и «плясал» под ее «дудку», то у меня, собственно, и нет никакого выбора. Я буду «плясать». Но пусть она не обижается, если в итоге, я не только «зажгу» ее «танцпол», но еще и «взорву»…

Я подергал руками и ногами, словно они были привязаны за невидимые нитки.

Раздался сигнал вызова от моего видеофона.

— Привет, мам…, — сказал я, приняв звонок

Глава 64

6 января 2020 года, Владимирская губерния, город Гусь-Хрустальный. Утро.

У последнего подъезда трехэтажного многоквартирного дома, под счастливым номером 13, рядом с полицейским авто и «скорой», остановились два темно-синий «вэна».

— За каким хреном сюда принесло «безопасность»? Вот только их здесь еще не хватало, япона мама! Утро сегодня, итак, дерьмовое! — шёпотом ругнулся, переминавшийся с ноги на ногу и куривший у подъезда, городовой полицейский

Городовому, для того, чтобы понять к какому именно ведомству принадлежат эти два «вэна», не требовалось видеть на них отличительные знаки, которых на «вэнах», впрочем, и не было вовсе. Все, итак, прекрасно знали, кто передвигается на таких авто. Он торопливо потушил сигарету в снегу, который намело на грибок над урной, после чего, выкинул окурок.

«Целый полковник, бляха-муха!» — подумал он, наблюдая за тем, как из ближайшего к нему «вэна» вышли три человека в форме Управления Внутренней Безопасности, полковник и два лейтенанта, и быстрым шагом направились в его сторону.

Был отчетливо слышен скрип снега под подошвами уставных ботинок этого трио.

— Здравьжелаю вашсокбродь — скороговоркой проговорил городовой, став «смирно»

Полковник остановился прямо перед ним. Городовой сильно, до боли, сжал кулак, дабы избавиться от иррационального чувства тревоги, охватившего его под взглядом блекло-голубых глаз старшего из этой группы УВБ.

— Вольно, городовой, — сказал наконец тот, — скажи-ка мне, мил человек, что это у вас тут происходит, прямо с самого утра?

Полковник кинул взгляд на служебные авто рядом с подъездом жилого дома.

— Да тут такое дело, господин полковник…, — ответил городовой, с кислым выражением на физиономии, — парень забил арматурой свою подругу насмерть, а потом и сам того…

— В этом доме? В какой квартире? — тут же поинтересовался полковник

— Да, в этом. В пятьдесят седьмой, на третьем этаже, — был ответ

Трио переглянулось.

— А мы столько сюда ехали…, — недовольным тоном сказал один из лейтенантов, тот, что покороче

— Это ничего страшного, — возразил ему полковник и сказав в переговорное устройство: «вы пока не нужны», добавил для городового, — спасибо, твое благородие

«Идем!» — скомандовал старший группы УВБ и трио скрылось в подъезде дома.

Городовой с шумом выдохнул, и поёжившись от январского мороза и от общения с крайне неприятным субъектом, достал новую сигарету.

— Дерьмовое утро! — вслух сказал он и закурил

Третий этаж, последнего подъезда, в доме номер 13.

— …да нет, что вы! Она хоть и шебутной, но хорошей девкой была! Вежливой. И с парнем этим уж год, как вместе жила! Господи Боже, ужас-то какой! Бедная Лизонька…ой! — воскликнула, говорившая с городовым полицейским, женщина средних лет, завидев трио УВБшников.

— Вольно, городовой, — скомандовал полковник вставшему «смирно» полицейскому, после чего, улыбнувшись, поздоровался с женщиной, которая моментально растаяла, ну, а как иначе-то, настоящий же полковник!

— Ой! Управление Внутренней Безопасности! А этот нелюдь еще что-то натворил…? — запричитала женщина, — Мне-то он таким хорошим парнем казался! Тихий такой, скромный! Учился, говорят, хорошо. Все-таки, и правда, в тихом омуте — черти водятся…

— Может и натворил что, а может быть и нет. Разберёмся, — серьезно ответил тот, выслушав до конца ее тираду, после чего все трое, надев бахилы и перчатки, зашли в пятьдесят седьмую квартиру, из которой доносились звуки женской истерики

— Да, вы уж разберитесь, пожалуйста! Лизочку-то жалко как! Еще и жизни-то не видала, считай! Семнадцать годков было всего…, — сказала напоследок женщина

В пятьдесят седьмой квартире, в комнате убитой.

Комната представляла собой типичное девчачье жилище, с мягкими игрушками, ручными поделками, и распечатанными виртуальными изображениями в рамочках.

На разложенном диване-книжке лежало тело, укрытое белой простыней, обильно пропитанной кровью в районе головы. Крови вообще было довольно много. Из-под простыни выглядывали лишь светлые кудри (тоже, впрочем, бывшие в крови), да девичья рука, за которую убитую держала женщина. Ее мать, сидевшая рядом с диваном, и раскачивающаяся взад-вперед.

— Доченька-доченька…, — непрерывно и громко выла эта еще довольно молодая женщина, с непередаваемым словами выражением горя на лице

Рядом с ней сидела другая женщина, в медицинской униформе, и тщетно пыталась ее успокоить.

— Выведите ее, пожалуйста, нам нужно произвести виртуальную запись места происшествия, — негромко произнес один из сотрудников следственной бригады

— Хорошо, — ответила медик и обратилась к убитой горем женщине, — давайте…

— Да слышала я все! Слышала! Не глухая! — истерично сказала та, и с помощью медика с трудом поднялась на ноги, после чего, взглянув на тело дочери, продолжила, — знаете…я ее семнадцать лет растила…одна…она была такой хорошей… доброй! А этот…подонок…ее всю железкой…забил насмерть. Как мне с этим жить?!

Практически прокричав все это, мама убитой, как сомнамбула вышла из комнаты, в сопровождении медика.

Посредине комнаты, на крюке, на котором должна была висеть люстра, висела веревка, с петлей на конце, а также, стоял стул.

Рядом, на полу, лежало тело юноши, с характерными признаками повешения, одетого в мятую темно-синюю футболку и в такого же цвета тренировочные.

В комнате царила рабочая суета. Это следственная бригада МВД выполняла свою рутинную работу.

— Могу я поинтересоваться, что привело сюда УВБ, господин полковник? У нас же тут банальная «бытовуха»…, — поинтересовался, после всех необходимых формальных приветствий, старший следственной бригады, в звании капитана (хотя судя по возрасту, а выглядел он лет на десять старше полковника, должен был бы быть хотя бы майором)

— Можете, капитан, можете. Мы бы хотели пообщаться с Яковлевым Александром Григорьевичем, и я так полагаю — это вот он? — кивнул на мертвого юношу полковник УВБ

— Он самый, — отозвался капитан, а затем, обратился к своей бригаде, — где там его документы?

Полковнику протянули паспорт, водительское удостоверение и студенческих билет умершего.

— Кажется, пообщаться с ним будет теперь непросто…, — отметил очевидное капитан, — Дела УВБ — это дела УВБ, но, все-таки, что этот студент натворил? Ну, помимо того, что прикончил свою подружку… Можем мы чем-то подсобить?

Задавая вопрос, капитан МВД не особенно рассчитывал получить на него ответ. Однако, полковник все же ответил.

— Этот юноша подозревается в организации преступного сообщества

— Этот задрот…? Простите, господин полковник, вырвалось, — капитан покачал головой, явно не поверив в подобную возможность

— Он, а также, возможно, еще не установленные пока лица, организовали шайку, так называемый «Нулевой этаж«…возможно, вам доводилось слышать на «земле» о чем-то подобном? — спросил полковник

— Н-н-е-е-т, — растягивая буквы ответил капитан, отрицательно покачав головой, — а чем шайка промышляла? Отнимала мелочь у младшеклассников?

— Не совсем, — ответил полковник

В этот момент один из сотрудников следственной бригады, сняв с тела убитой простыню, принялся делать виртуальные изображения. На теле девушки были многочисленные жуткие гематомы, но более всего досталось голове, пробитой во множестве мест. Весь диван был залит кровью. Ужасное зрелище.

— Эта шайка, — продолжил полковник, глядя на явно расстроенного капитана, — промышляла преступлениями в Коммуникационной Сети. Без подробностей, извините

— Вот как? — кивнул полицейский, — Умник, значит…

— Мы полагаем, этот…

Полковник указал подбородком на труп.

— …был лидером сообщества, если действовал не в одиночку, конечно

— Обычно, у такого рода супчиков, — капитан посмотрел на покойника, — бывают клички, любят они это дело…

— Среди подобного рода публики, он был известен под прозвищем «Никому не нужный»

Капитан чуть выпятил нижнюю губу и отрицательно покачал головой.

— Депрессивная у него «погремуха»… Нет, господин полковник, не слышал я о подобном. Если позволите, поинтересуюсь у «контингента»

— Хорошо. Рассчитываю на сотрудничество, — ответил полковник

Капитан лишь кивнул.

— «Бытовуха»? Уверены? — перевел тему разговора полковник

— Господин полковник, я служу в полиции более тридцати лет. Все эти года я провел в «Гусе». И знаете, сколько преднамеренных убийств, никак не связанных с «бытовухой», за это время произошло в нашем городе? — ответил капитан, и не дожидаясь реакции на свой вопрос, добавил, — Два, господин полковник. Ровно два! Но, вот с таким вот…

Полицейский обвел взглядом комнату.

— С таким я встречаюсь регулярно…и если вас интересует мое мнение, хотя мы только недавно начали работу тут, но…да, я готов поставить свое годовое жалование на то, что это обыкновенная «бытовуха». Студентик перебрал с водкой, слетел с «катушек», приревновал свою подружку и забил ее насмерть, после чего, залез в петлю. Классика жанра. Вот, полюбуйтесь…

Капитан протянул полковнику прозрачный пластиковый конверт для вещдоков. В конверте лежал лист бумаги, на котором шариковой ручкой было написано корявым почерком, следующее:

«Я не хотел! Я не хотел убивать ее! Боже, я не хотел! Честное слово! Это она виновата во всем! Это она довела меня! Она изменила мне! Предала меня! Зачем она так поступила со мной? Я не хотел ее убивать! Простите меня, Лидия Васильевна! Простите меня за то, что убил вашу дочь, но знайте, в нашей смерти виновата только она! Я не хотел убивать ее! Людей убивать плохо! Но я больше так не могу! Мама, папа, простите меня, я вас люблю! Я не хочу умирать! Боже, как я хочу жить! Но у меня нет иного выбора, ведь я убил Лизу. У Господа мы навсегда будем вместе, прощайте и простите».

— Больной ублюдок! — сквозь зубы процедил полицейский капитан, принимая от полковника вещдок, — Прошу простить меня за несдержанность, господин полковник, просто я сам отец дочери, и как представлю…

— Ничего страшного, капитан, ничего страшного…я, знаете ли, тоже отец. Она гулящая была…? — спросил полковник, кивнув на тело на диване

— Паш! — позвал капитан и в комнату вошел городовой, тот самый, который брал показания у соседки

— Здесь, господин капитан! — отрапортовал вошедший в комнату городовой

— Это же твой участок, Паш. Убитая вела разгульный образ жизни? — спросил капитан

— В смысле общения с противоположным полом? — уточнил городовой

Полковник кивнул.

— Нет, пожалуй, не вела, — подумав, ответил Паша, — она неплохая…была. Вроде бы, на медицинскую сестру училась, у нее же мама работает старшей медицинской сестрой в нашей больнице. Я Лизку и вне службы частенько видел, она с моей младшей сестрой еще со школы в одной компании гуляют. Да и соседи говорят, что не видели Лизку ни с кем, кроме этого… но, — тут он зашептал, — она же молодая совсем девка была, сами видите… Мало ли какая вожжа ей под хвост попала…

— Ясно. Спасибо, городовой, — прервал того полковник, — а соседи что-нибудь слышали? Тут должны были громко кричать, полагаю

— Соседи говорят, что вчера вечером здесь громко играла музыка. Громко, но недолго…, — ответил городовой, — и больше ничего

— А кто их обнаружил? — уточнил полковник

— Мать девушки, — ответил капитан, — сегодня утром, когда пришла со смены

— Ясно, — подытожил полковник, — мы намерены провести в этой квартире обыск и изъять видеофоны, ВЭМ и информационные накопители. Соответствующее постановление у нас, само собой, имеется…

Полицейский капитан, лишь развел руки, мол, ваше дело.

В этот момент один из полицейских обратился к капитану:

— Господин капитан, мы закончили, тела можно увозить…

— Хорошо, — ответил капитан и покойников быстро уложили на носилки, накрыв их простынями, после чего, понесли на выход

Из коридора вновь раздались громкие звуки женской истерики.

Позже. Полицейский капитан стоял, заложив руки за спину, наблюдая за тем, как УВБ заканчивает свой обыск и забирает найденное оборудование.

— Капитан, если, вдруг, что… — напоследок обратился полковник к полицейскому капитану, протягивая тому визитку

— Я незамедлительно свяжусь с вами, — ответил полицейский

— До свидания, — попрощался с ним УВБшник и трио покинуло квартиру

Полицейский капитан взглянул на визитку:

«Управление Внутренней Безопасности по Московской губернии, в г. Москве, 6 отдел, полковник Филатов Роман Михайлович, контакты:…»

31 декабря 2019 года, Москва, в районе Красной площади. День.

— О чем задумалась? — ласково улыбнувшись, спросила Ия, беря меня за руку

— Да, как тебе сказать…, — ответил я, сквозь перчатку ощущая ее прикосновение, — ты же знаешь, что я многое не помню…

Ия лишь кивнула. Я взглянул на нее. Раскрасневшаяся на морозе, в своей шубке, меховой шапке и сапожках, она была чудо, как мила и хороша.

— …я смотрю на все это, и многое просто не узнаю…

Сказанное было неправдой лишь отчасти, ибо я действительно с трудом узнавал это место, хотя **там** бывал на Красной площади не единожды.

И дело даже не в том, что **здесь** не было Мавзолея Ильича, звезд на Кремле, а над ним самим, вместо бело-сине-красного триколора, развевался другой триколор, имперский, словно в какой-то постановке.

По-настоящему другим было ни это. В конце концов, за время моего отсутствия и та Москва изменилась очень значительно. Другими здесь были люди, во множестве гулявшими в этот праздничный день по главной площади Москвы.

Я глядел по сторонам и мне хотелось ущипнуть себя. Я словно смотрел цветную кинохронику 40х-50х-60х годов прошлого столетия (в том смысле, что глядя на экран, я ловил себя на мысли о том, что люди той эпохи были абсолютно другими, не такими как я…и не только люди — всё было каким-то…**иным**, хотя, быть может, это всего лишь магия кинопленки). Но даже люди из кинохроники не казались мне настолько иными, как **эти**. Это не передаваемо словами, что-то из области ощущений.

Их вид вызывал во мне ощущение какой-то монструозной постановки. Было чувство абсолютной нереалистичности происходящего вокруг. Или, быть может, я просто схожу с ума…?

Нет. Это и правда совсем иной мир.

И так как **здесь** не существовало никаких «занавесов» и пару сотен лет, как не было глобальных вооруженных противостояний (с активным участием России, по крайней мере), то для жителей Евразийского континента, Москва была хорошо известным, в туристском смысле, городом (да и не только в туристском). И повсюду вокруг можно было услышать, как люди разговаривают на самых разных языках. В **той** Москве столько иностранцев я никогда не видел.

— Ничего! — ободрила меня Ия, — Все будет хорошо! Вот увидишь!

— Да! — согласился я, и тряхнул головой, отгоняя наваждение. В конце концов — это теперь мой мир! Какая мне разница, что было **там**? Зато, сколько теперь всего нового лежит передо мной…

Ия…я вновь взглянул на нее. С момента нашей первой встречи она здорово изменилась, стала куда как увереннее в себе и перестала постоянно смотреть в пол. Я чуть-чуть сжал ее руку.

— Пойдем! — сказала она и потянула меня за собой

Мы, в окружении моих охранников были тем еще развлечением для окружающих (подругу сопровождал лишь

водитель, и он сейчас ждал в машине).

— Ты не голодна? — поинтересовался я, вспомнив о том, что подруга на нашу с ней прогулку явилась со «свидания» с Андреем, на которое она ходила по моей просьбе, дабы забрать у него то, что юноша обещался для меня добыть

Я вспомнил, как она вчера, в классе музыки, без раздумий согласилась ради меня сходить на это «свидание». И это явно было вовсе не потому, что Ия, как всегда, не могла сказать «нет»… Она безмерно доверяла мне и была готова сделать для меня все, что в ее силах.

— Нет, пока что не голодна. Мы же с Андреем в ресторане были, — ответила Ия, — а ты кушать хочешь?

— Нет, я тоже пока не голодна…и спасибо тебе за то, что соглашаешься делать для меня разные странные вещи, — поблагодарил подругу я

— Мне, на самом деле, было весело. Знаешь, я ведь ни разу еще не ходила на свидания с парнем…пусть даже это и было понарошку…и еще, — голос Ии напрягся, — Андрей влюблен в тебя, ты же знаешь?

— Знаю, — кивнул я, — увы, но я влюблена в другого человека

Услышав мои слова, Ия сначала заметно обрадовалась, но затем…

— И кто этот человек? — спросила она, остановившись, взяв меня за обе руки, и заглянув мне в глаза

— А вот это, Ия, пока секрет! Но я обязательно расскажу тебе о том, в кого влюблена…позже

— Ладно, — делано надулась та, и потащила меня дальше

— Этот человек…красивый? — поинтересовалась Ия

— Конечно, — улыбнулся я, — а еще весьма экстравагантный

После этого, некоторое время мы шли молча. Я глядел на вязаную мышь, у которой нос и глазки были выполнены из полудрагоценных камушков, висевшую на моей сумке. Ручная и очень тонкая работа. Иин подарок мне на Новый Год. Как непросто должно быть подобрать подарок для человека, у которого есть все, что он или она может пожелать. Но у Ии это получилось! Мне ее подарок очень понравился. Я же, если честно, выбирать подарки никогда не умел. Ие я подарил классного ёжика из хрусталя, которого, выбирая ей подарок, заприметил в Сети.

— Кайа, я, помнится, покупала для тебя ВЭМ и видеофон свой давала…зачем тебе еще? — спросила она шепотом

— Я тебе расскажу один секрет…но это должно остаться строго между нами, — также шепотом ответил я

— Никому не расскажу! Обещаю! — заверила Ия

— Следующей весной, моя Семья отдает меня в качестве любовницы…, — начал я

— ЧЕГО?! — громко вопросила Ия, остановившись и привлекая к себе внимание многочисленных окружающих

— Тссс, не так громко, — сказал я и потащил подругу вперед

— Это бред какой-то! — шепотом возмущалась моя всегда тихая и скромная подруга, — Не говоря уже о том, что тебе всего четырнадцать лет! Как подобное возможно? Мы, слава Богу, не книжные герои и не в двенадцатом веке живем! Браки по договоренности — обычное дело, конечно, но любовница?! Ты?! Нееет, я в это не верю…

— Я тоже, — вздохнув, согласился с ней я, — но есть так, как есть…

— Кто он?! — я впервые увидел рассерженную Ию

— Говорят…говорят, садист и извращенец, — ответил я

Ия остановилась, как вкопанная, а затем, поинтересовалась жалобным тоном:

— Это ты так шутишь надо мной?

— Думаешь, я стала бы шутить подобным образом? — вопросом на вопрос ответил я

— Нет, но… Это просто невероятно! Я должна придумать способ для тебя избежать этого ужаса, — уверенно произнесла Ия

В ответ я приобнял подругу и чмокнул ее в щеку.

— Ты просто прелесть! — сообщил я, и шепотом добавил, — Но не переживай, у меня есть хороший план, и именно поэтому, мне и нужно то, что передал Андрей…а твои…твои устройства я использовать не могу. Я не стану подвергать опасности ни тебя, ни твою Семью

— Это будет опасно? — тихонько спросила она, глядя под ноги

— Надеюсь, что нет, но, в любом случае, любовницей садиста я становиться не собираюсь

— Не могу представить, чтобы мои папа с мамой устроили для меня нечто подобное, — тихонько сказала подруга

— Это потому, Ия, что у тебя обычная любящая Семья…, — ответил я, — …слушай, а это что? Какой-то исторический сериал снимают или что?

Мимо нас шли…стрельцы? Ну или какие-то актеры, одетые в стрелецкую форму, но уж больно хороша она была!

Ия вдруг расслабилась и искренне рассмеялась.

— Нет-нет, — весело сказала она, помахав рукой, — это не актеры. Исторический центр города — это один большой памятник старины. И стража здесь тоже…старинная

— А! — многозначительно ответил я

— Давай больше не будем о грустном, — сказала Ия, вновь беря меня за руку и таща вперед

Позже. В отдельном кабинете ресторана, стилизованного под харчевню давно минувших лет.

Ия, как всегда, была одета в одно из своих экстравагантных платьев, а-ля «готическая лолита», впрочем, подобные наряды были ей весьма к лицу.

«Матушку» я вчера попросил избавить меня на время сегодняшней прогулки от навязчивого общества Леры, и та, к моему немалому удивлению, повредничав немного, пошла-таки мне навстречу. Таким образом, сегодня с Ией мы были вдвоем. Не считая охраны, конечно. Но, во-первых, охрана старалась держаться чуть-чуть поодаль. А во-вторых, в этом кабинете, нас предоставили самим себе, а стража заняла посты снаружи.

— Вот, — просто сказала Ия, положив передо мной девайс, полученный от Андрея, — он просил передать тебе это, а также, сказал, что сделал все ровно так, как ты и просила

— Спасибо, — поблагодарил подругу я, убирая его в сумку

И после того, как закрылась дверь за официанткой, принесшей наш заказ, Ия посмотрела на меня долгим взглядом. Она явно намеривалась что-то спросить или сказать…при чем, явно что-то этакое, однако…

— Секунду, извини…, — сказала она, доставая из сумочки видеофон, от которого поступил сигнал приема виртуального сообщения

Прочитав сообщение Ия смертельно побледнела, у нее затряслись руки, а в уголках глаз выступили слёзы.

«Сейчас начнётся истерика…» — подумал я и сказал:

— Дай взглянуть! — я протянул руку за видеофоном, ожидая, впрочем, что подруга аппарат не даст

— Моей репутации конец! — дрожащим голосом сказала она, передавав, однако, в мои руки свой видеофон, после чего спрятала лицо в ладошках, и, давясь от слез, прошептала, — Я же никому ничего плохого не сделала! За что со мной так?!

Я прочел сообщение:

«Барышня, если ты не хочешь, чтобы это увидела **вся** Сеть, то делай всё, что я велю! Иначе и это, и многое другое я сделаю достоянием общественности! p.s. Обратишься в полицию — и я растопчу твою репутацию! Помни об этом! Ты в моих руках! Я всегда слежу за тобой!»

Подпись: «Никому не нужный».

Ниже — ссылки на файлы.

Глава 65

— Могу я посмотреть, что за изображения тебе там прислали? — спросил я Ию

Та некоторое время не отвечала. У Ии случилась безмолвная истерика, и она явно пребывала в неадекватe.

— Ия! — чуть прикрикнул я

— Да, смотри…, если ты — то ничего страшного…, наверное, а если не ты — то…это конец, Кайа…это конец моей репутации в обществе…

Положив видеофон на стол, налил чаю.

— Пей, — спокойным тоном сказал я

Взглянув на меня, подруга вздрогнула, но ослушаться не посмела.

— И печенье кушай, — добавил я

Ия протянула руку за печеньем и принялась увлеченно жевать, запивая кондитерку чайком.

— Ну, раз все успокоились, можно и с делами разобраться, — произнес я, и, взяв в руку видеофон, открыл первое виртуальное изображение

А затем, второе, и так далее, по списку.

Шантажист прислал ровно то, о чем я и подумал — обнаженку, которая, впрочем, явно не была Иеной самодеятельностью.

На виртуальных изображениях Ия была запечатлена в своей спальне, как в обнаженном виде, так и в нижнем белье (подруга, оказывается, спать предпочитает в «чем мать родила», я до боли прикусил губу). Эти изображения были сделаны, вероятнее всего, с помощью камеры ВЭМ.

Она же — в туалете и в ванной, что-то почитывает с дисплея видеофона, и чему-то улыбается.

Все эти изображения совершенно точно делала не сама Ия и ничем предосудительным, в тот момент, когда ее запечатлели, она также не промышляла. А значит, некто получил контроль над личными устройствами подруги (ну и их камерами, само собой).

Я положил Иин видеофон на диванчик, стоявший у стены кабинета (микрофоном вниз), накрыв его сверху сумкой.

— Ия, ты мне доверяешь? — спросил я усердно жующую подругу

— Да…, конечно, — прошептала та в ответ, перестав жевать, и утерев платком слезы

Меня обуяла столь лютая злоба, что начались проблемы с дыханием. Несколько десятков секунд я просидел с закрытыми

глазами, успокаиваясь и восстанавливая дыхание.

— Кайа…, — тихим голосом позвала меня подруга

Когда я открыл глаза, на моем лике вновь была полная безмятежность. Кинув на стол мятую салфетку, сказал:

— Ия, от тебя шантажистам нужны лишь деньги (вообще-то, шантаж вполне может быть как-то связан с бизнесом ее Семьи, но об этом говорить подруге не стоит, деньги — оно понятнее…) и пока они их получают, ну, или у них есть на это хоть какая-то надежда, то резать курицу, несущую золотые яйца, то есть сливать в Сеть все эти изображения, — я кивнул в сторону видеофона, — они точно не станут. Ты — любимый ребенок весьма состоятельной Семьи, входящей в состав купеческой гильдии. Это означает, что, во-первых, ты для шантажистов — стратегически важный актив, могущий постоянно поставлять наличность. А, во-вторых, как думаешь, кончится ли добром для самих шантажистов, если они-таки сольют все это в Сеть?

В моей голове всплыл образ матушки Ии, а также, ее старшей сестры. Нееет, добром для шантажистов подобная выходка точно не закончится. Ее Семья — это очень крупный автобизнес. А где автобизнес, там, наверняка, и бандиты, которых в этой России, якобы, практически нет (во что я, само собой, категорически не верю, просто подобного рода контингент не героизируют на местном ТВ, да и в отношении обывателей, никак не связанных с криминалом, ведут они себя, в основном, прилично, как я понимаю). И это уже не говоря о том, что на защиту одного из своих членов встанет вся купеческая гильдия. А это — сила очень немалая, с которой вряд ли кто-то захочет поссориться просто так, на ровном месте (во всяком случае, ЧОПовцы, охранявшие гильдейский квартал, произвели на меня впечатление ветеранов горячих точек и прикинуты были весьма солидно, хоть при себе (на виду, по крайней мере) у них имелся лишь «короткоствол»).

— А если все-таки…? — шёпотом спросила Ия, — Как мне с этим жить, Кайа? Я…я не смогу…

Перед моими глазами всплыло изображение повесившейся Художницы, и меня вновь охватила злоба. Мне совершенно не важно, что будут или не будут делать шантажисты, но Ия не станет жить с Дамокловым мечем над шеей! Не станет… Человек или люди, которые выбрали Ию в качестве своей жертвы — свое уже отжили.

Как странно, — подумалось мне, — но мысль о том, что я буду причастен к убийству человека (или, возможно, даже нескольких человек), теперь совершенно не вызывает во мне никакого трепета или волнения, словно…словно я размышляю на тему того, как бы мне извести тараканов на кухне… Все-таки,

свою грань я перешел, и «не убий» — более не является в моих глазах смертным грехом… Как и в глазах всех прочих моих «родственников». Хотя, чего удивительного? Аристократы — это в первую очередь профессиональные убийцы на службе у монарха. Такими они были с самого начала и такими остались. Как там написано в Книге Екклесиаста? Что было, то и будет…

— Если они все-таки вывалят эти изображения в Сеть, чего не случится, то ты запишешь видеообращение, в котором максимально эмоционально, тут главное заставить зрителя сопереживать тебе, поведаешь, что неизвестные шантажисты, получив незаконный доступ к твоим устройствам, запечатлели тебя дома в неодетом виде, и с помощью этих изображений шантажировали, вымогая деньги, а затем, получив требуемое, забавы ради выложили все в Сеть…

— Но…, — по щекам подруги вновь побежали слезы

— Ия! — со спокойным выражением лица, я взглянул девушке в глаза, — Любому идиоту будет очевидно, что эти изображения сделала не ты, и, более того, сделаны они без твоего ведома! В глазах всех наших соотечественников ты будешь невинной жертвой, каковой и являешься на самом деле. Милой, красивой и трагичной барышней, чью репутацию хотят растоптать сетевые злодеи, мерзавцы и преступники. Понимаешь? Одно дело, если бы ты сама, на камеру, занималась различными предосудительными штуками, а это, — я вновь кивнул в сторону видеофона, — совершенно другое! Народ у нас такой…за все хорошее — против всего плохого! И каждый примерит эту ситуацию на себя или на своих близких родственников…на маму, сестру, дочь, жену, ну и так далее. И придет в бешенство! Твоя репутация не пострадает ни на йоту! Все, Ия! Все, так или иначе, дома бывают голыми, да и занимаются всяким…!

— Это да…, — согласилась подруга, — но кто меня замуж-то возьмет после такого публичного скандала?

Я натурально подавился слюной, услышав ее аргумент.

— Ия, — прокашлявшись, поинтересовался я, — ты пересмотрела сериалов…или…ты что, собралась замуж за кого-то из «знатных»?

— Ну, это вряд ли, — пожала плечиками подруга, — я все-таки купеческая дочка…

— Вот именно! — согласился я, — Для человека, который будет тебя любить, вся эта фигня, случившаяся несколько лет назад, ну, ты ведь не завтра замуж собираешься, не будет значить ни-че-го! Но, это все так, чисто умозрительно, ведь никто ничего в Сеть не выложит…

— Они меня будут годами преследовать…, — прошептала

подруга

— Не будут, Ия! Не будут! — перебил ее я

Ия с сомнением посмотрела на меня. А я, встав со своего места, уселся рядом с ней, приобняв подругу, которая положила свою голову на мое плечо.

— Знаешь, Ия, — сказал я, гладя подругу по волосам, — ты для меня такая ценность, что все сокровища мира меркнут рядом с тобой…

Подруга в ответ лишь шмыгнула носом.

Объект для шантажа был выбран просто идеальный. Подруга, учитывая ее характер, если ее активно не поддержать, сделает практически все, что бы не потребовали от нее шантажисты. Ия — человек не публичный, а это значит, что шантажистов навели те, кто ее неплохо знает. Кто бы это мог быть? Кто-то из школы? Не исключено, конечно… Однако, я бы поставил рубль на то, что здесь замешан некто из персонала в ее собственном доме…

Ладно, чего сейчас гадать? Разберемся, кто все это осуществил и как.

— …и я не допущу, чтобы какие-то мерзавцы донимали тебя подобным образом, веришь?

— Верю, — тихо ответила Ия

— Значит так, — я продолжал поглаживать подругу, — слушай и запоминай. Скорее всего, злоумышленник свяжется с тобой сегодня же…

Ия вздрогнула от моих слов.

— …наверняка, имеющего компромата им будет мало, чтобы годами тебя шантажировать…особенно, после твоей свадьбы, а поэтому, от тебя, помимо денег, само собой, потребуют, чтобы ты самолично совершила некие развратные действия на камеру своей ВЭМ или видеофон, дабы уверенно подсадить тебя на крючок, понимаешь…?

Ия подняла голову с моего плеча, и, прикусив губу, кивнула. Ну да, хоть она слегка и не от мира сего, но ей все-таки уже 16! И все это она отлично понимает…

— Так вот, — продолжил я, — этого им давать ни в коем случае нельзя! Понимаешь меня?

Ия снова кивнула. Слез уже не было…это хорошо, стало быть переключилась и слушает меня внимательно.

— Будут требовать денег — соглашайся, не раздумывая! Если, конечно, потребуют реальную сумму, а так оно и будет, скорее всего, ибо, во-первых, им нужно чтобы ты привыкла платить. А во-вторых, требуемая шантажистами сумма должна быть реальной для тебя, такой которую бы ты смогла найти без того, чтобы поднять на уши родителей! Для шантажистов, твое

обращение за помощью к родителям — смерти подобно! Причем выражаясь не фигурально!

— Я не хочу, чтобы родители узнали…! — на ее глазах вновь навернулись слезы

— Не узнают, Ия, не узнают! Поверь мне! Короче говоря, будут требовать того, чтобы ты перед камерой творила разные непотребности — сразу шли лесом! Скажешь, что готова платить деньги, но подобными вещами занимать не станешь категорически, а если будут угрожать — пригрози в ответ, что обратишься не в полицию, а к родителям. Главное — помни, что пока ты соглашаешься платить, ничего выкладывать в Сеть они не будут…Не сейчас. А потом…потом для них уже не будет, Ия! И тут весь вопрос в том, сможешь ли ты сказать им твердое «нет»?

Я выразительно посмотрел на подругу.

— Ты тоже считаешь, что я слабачка и размазня? — хриплым голосом поинтересовалась у меня подруга

— Ты добрая, — спокойно ответил я, не уводя своего взора, — и тебе сложно сказать людям «нет». Но…но тебе еще не доводилось по-настоящему за что-то бороться. Уверена — ты не размазня и не слабачка, и в действительно нужный момент, скажешь свое твердое «нет»… Соглашайся платить им дань, но скажи, что деньги сможешь собрать никак не раньше завтрашнего вечера

— Хорошо…, — кивнула подруга, — …а ты мне и в самом деле сможешь помочь?

— Ия…ты для меня самый важный человек, после моих родителей…, — неторопливо сказал я и, взглянув на подругу, увидел, как та покраснела, — …и, как я уже говорила, нет такого сокровища в мире, на которое я была бы готова обменять нашу с тобой дружбу. Шантажисты обидели не только тебя, Ия. Они, заодно, обидели и меня, наследницу Семьи Филатовых! А обидеть меня может всякий, но вот остаться после этого целыми и невредимыми…смогут не только лишь все, мало кто сможет…!

— Я только хочу, чтобы все это поскорее закончилось, — прошептала Ия, вновь кладя голову на мое плечо

— Это закончится быстро, обещаю… Шантажируя тебя, эти люди объявили мне войну…, — сказал я, — Ну, что ж, в конце концов, война — это Семейное дело Филатовых. Мы кормимся за ее счет. А теперь слушай внимательно и запоминай, что ты должна будешь сегодня сделать, после того, как вернешься домой…

Позже. Изначально мы хотели еще и в местное кино заглянуть, но…

— Кайа, — поинтересовалась подруга, когда мы уже

собирались по домам, — может это и прозвучит странно или даже непристойно, но я очень хочу тебя спросить об одной вещи…

— Спрашивай, — пожав плечами, разрешил я

— Тот, кого ты любишь… Этот красивый и экстравагантный человек — это…случайно не я? — задала свой вопрос, глядя в пол, Ия

Позже. В авто, по дороге в Имение.

— Боже! Чего я, блин, творю?! — тихо простонал я, лежа в кресле, закрыв глаза и положив руку на лоб

«— Тот, кого ты любишь… Этот красивый и экстравагантный человек — это…случайно не я?», — в моей памяти вновь возник вопрос Ии

Вот же, ё-моё, святая простота! Взять вот так и спросить прямо «в лоб»!

«— Ты», — чуть замешкавшись, честно ответил подруге я

«— Вот оно значит как…», — прошептала Ия и уставилась в одну точку

Я же в этот момент материл себя последними словами. Впервые, за весьма долгое время, я растерялся. И добиться такого моего состояния смогла стоящая сейчас передо мной девчонка.

«— Знаешь, Кайа…», — сказала Ия, «отвиснув» и улыбнувшись мне (хорошо уже хотя то, что она, бочком-бочком, в ужасе не слиняла от меня!), — «…все-таки, сегодня хороший день»

«— Неплохой, да…», — торопливо ответил я, размышляя, что теперь делать, после своего идиотского признания, — «…все-таки не каждый день — Новый Год»

«— Не каждый…», — согласилась со мной подруга, — «…а еще…не каждый день тебе признается в любви человек, которого взаимно любишь…»

Я уставился на подругу. Та, надув губки, разглядывала меня.

«— Это, нехорошо, наверное, тем более, что я старше, и не должна…и всё такое прочее, но…с Новым Годом, Кайа…», — сказала Ия, после чего сделала самое решительное, по-моему, действие в своей жизни…

Просто подошла ко мне и обняв — поцеловала. И это был совсем не «приветственный поцелуй» в щеку…

Поцелуй этот, как и все хорошее, закончился быстро, но, так как, в последнее время, хорошего в моей жизни происходит прискорбно мало, то я решил «продлить сеанс», так сказать, и банально не отпустил, прижав к себе, эту причудливо одетую чудачку, когда та собралась было уже отстраниться.

Как, оказывается, мало нужно человеку для счастья!

И, вроде бы, мелочь. Подумаешь, поцелуй. В конце концов, от

подростка у меня только «шкурка», но…

Вот бы не отпускать Ию никогда!

«— У меня есть такое чувство, будто я не первая, кого ты целуешь…», — открыв глазки и вновь надув губки, сказала красная, как помидорка, Ия, когда я соизволил-таки отпустить ее

«— Ты — первая! В этой жизни, по крайней мере…», — ответил я, ощущая, словно в моем кармане есть-таки пачка сигарет…а это значит, что все не так уж и плохо на сегодняшний день

«— Это было приятно…очень!», — сообщила она

— Как же все-таки свезло, что она не послала меня в тот же миг, как услышала мое признание! — выдохнул я и включил радио

Музыку слушать не хотелось, так что начал «щелкать» по новостным каналам.

«…к главной новости. Продолжаются, начатые сегодняшней ночью, масштабные задержания владельцев и руководителей ряда предприятий ВПК, а также, некоторых военных чиновников, ответственных за исполнение Гособоронзаказа. Как нам только что стало известно, днем, при попытке покинуть страну, был задержан господин Межеловский Василий Владимирович, один из крупнейших подрядчиков Министерства Войны, вместе с супругой, любовницей и детьми. Пресс-служба УВБ не привела практически никаких подробностей данного задержания, уточнив, однако, что произошло оно в рамках расследования уголовных дел, возбужденных вследствие обнаружения множества фактов масштабной коррупции, кумовства и картельного сговора во время поставок военного имущества для Министерства Войны…», — сообщила диктор новостей

Интересно, папашу потенциального любовничка «за жабры» там, по случаю, не взяли? — пронеслась в голове мысль, — Было бы просто шикарно…

— Межеловский Василий Владимирович, — вслух сказал я и видеофон выдал запрашиваемую информацию

Оказывается, эти Межеловские долгое время были партнерами Филатовых по «опасному бизнесу», но «отстрелились» от них (вернее, от нас), после недавнего скандала. А теперь, стало быть, с Межеловскими произошла такая вот неприятность… И не с ними одними. Похоже, Государь, с «маманькой» и «папанькой», на троих расчищают себе полянку. Зачем? Не знаю… Но, «будем посмотреть».

Позже. Имение Филатовых.

Кажется, недооценил я «папашу», — подумалось мне, глядя в окно

К парадному входу главного дома регулярно подкатывали шикарные «гербовые» авто, из которых, на свет Божий, выбирались уважаемые дамы и господа и спешили внутрь, чтобы лично поздравить Филатовых с Новым Годом.

Новый Год в этой России — праздник сугубо семейный (а поэтому, никаких официальных Семейных мероприятий на сегодня назначено не было, а значит, моего присутствия, как временной наследницы Семьи, рядом с «родителями» не требовалось, и я был предоставлен самому себе). И раз уж вместо того, чтобы праздновать у себя дома, все эти уважаемые люди «заскочили на минутку», поздравить наше Семейство, то это означает ровно одно — Филатовы снова «на коне», как говорится. Политические разборки «под ковром» явно не прекращаются ни на секунду…

Уверен, все произошедшие сегодня с хозяевами и руководителями предприятий ВПК неприятности — наверняка заранее спланированы. Еще задолго до того, как «приняли» «папаню».

Перед моими глазами встала «матушка».

В том, что происходящее — дело, в том числе, и ее рук, никаких сомнений у меня не было. Любопытно, каковы же ее конечные цели. Вот уж кто на самом деле «главная героиня» в моем «романе»…

Я поёжился. Что-то назревает. Что-то очень нехорошее…

Классно нарядили, красивая — подумал я, глядя на здоровенную ель, стоявшую напротив главного входа и празднично наряженную по случаю Нового Года.

И, все-таки, это кто-то из обслуживающего персонала…, — я перевел взгляд с елки на ВЭМ, на которой я разбирал «слепок» систем с Иеных устройств, доступ к которым «расшарила» для меня подруга.

Вредителя нашел быстро. Им, как я и предполагал, оказалась достаточно интересная программа, берущая под контроль камеру устройств и в автоматическом режиме производящая незаконную запись, отсылая, затем, «отснятый материал» куда надо. Вернее, куда не надо. Программу эту, совершенно точно, внедрил тот или та, у кого был прямой доступ к устройствам. Она не была получена из Сети.

Шантажисты оказались не совсем уж тупыми (просто не слишком везучими), и вся эротическая прелесть, снятая при помощи Иеных же устройств, отправлялась не прямиком к ним, а на одно из удаленных хранилищ.

Но, даже если допустить, что и во всей остальной цепочке передачи информации они блюдут осторожность…

Если за них всерьез примутся компетентные органы — их найдут. Это без вариантов. Даже если они пользуются (а это наверняка так!) устройствами с чужой регистрацией. Такова уж топология местной Коммуникационной Сети.

Анонимность и безопасность в Сети — лишь иллюзия. Особенно в этой.

А это значит, что их главная защита — молчание жертвы…

— У меня для вас, друзья мои, тоже есть маленький сюрприз, — шёпотом произнес я, «запихивая» «гостинец» (одну из «штучек» из моего арсенала «кибероружия», «засветить» перед «матушкой» которую не страшно, особенно, если это ради дела) в виртуальный файл и через удаленный доступ скармливая его маленькой такой программке, которую некто столь любезно установил на Иены устройства

И которая, теперь всенепременно попадет к «анонимным доброжелателям», выдавая мне точное их местоположение.

Зазвучал сигнал вызова видеофона. Взяв в руки аппарат, взглянул на дисплей. Звонит Ия. Голосовой вызов, без видео.

— Ты все сделала ровно так, как сказала я? — поинтересовался у нее

— Да! — услышал я возбужденный голос подруги, — Купила себе на обратном пути новый видеофон…Новый Год же! Слушай…мне приходили сообщения от злодеев!

— И чего они хотели? — поинтересовался я, — Погоди секунду…

Постучавшись, ко мне в комнату зашла Мария.

— Барышня, ваши родителя просят вас спустится на ужин, — с поклоном сказала она

— Спасибо, Мария, я сейчас приду, — ответил я, после чего, та удалилась, закрыв за собой дверь

— Так чего они хотели? — вновь спросил я

— Ты была права! Ты во всем была права! — дрожащим от возмущения голосом заявила подруга, — Шантажист потребовал от меня сделать на камеру ТАКОЕ! Подумаешь, пишет, я уже, итак, все там видел! Ублюдок!

Я впервые услышал нехорошие слова в исполнении Ии. Она рассвирепела. Это хорошо. Это гораздо лучше, нежели бы она пришла в полнейшее уныние.

— И ты, конечно, как мы и договаривались, отказалась творить непотребности на камеру? — поинтересовался

— Конечно! — ответила та и в ее голосе я услышал некую гордость за себя, — Он потом меня пугал, что, мол вывалит все в Сеть, если я не…не хочу повторять вслух то, что этот урод от меня требовал! В общем, сказала, что готова платить некоторую

сумму за то, чтобы меня оставили в покое, а если он не согласен, то я просто обо всем расскажу родителям…знаешь, Кайа, мне кажется, шантажист не ожидал того, что я откажусь делать то, что он скажет…

— Да, наверное, — сказал я, — он согласился на деньги?

— Да, — ответила подруга с явным облегчением в голосе, — завтра к семи вечера я должна буду передать деньги…вернее, оставить их в указанном месте

— Хорошо…это хорошо. Значит так, скинь мне координаты этого места сообщением… И не забудь про то, что новый видеофон без надзора оставлять нельзя!

— Как скажешь, Кайа! А что ты будешь делать? — поинтересовалась она

— Попрошу завтра свой новогодний подарок, — ответил, улыбнувшись я, — не переживай ни о чем!

— Ххорошо, — неуверенно ответила та

— Счастливого Нового Года, Ия, — пожелал подруге я

— И тебе тоже. Я тебя люблю! — последнюю фразу она практически прокричала

И прежде, чем я успел сказать классическое: «и я тебя тоже», подруга нажала «отбой».

— И я тебя тоже люблю…, — положив видеофон на стол, тихо сказал я

Глава 66

1 января 2020 года, Имение Семьи Кайи, главное здание, апартаменты Кайи в жилом крыле приемных родителей, утро.

Проснувшись и оторвав от подушки голову, я, издав протяжный звук «м», скривился, ощутив то, чего не ощущал уже давненько, с того самого момента, как оказался на американской земле. Утреннюю головную боль, после «лишка» алкоголя.

— Третий бокал «газировки» был явно лишним, — тихим хриплым голосом пробормотал я и рухнул обратно на подушку

А вместе с головной болью, пришел и ее верный спутник — старый-недобрый сушняк…

Оба утренних недуга навестили меня в легкой форме, так сказать. Совсем не так, как это иногда случалось в той моей далекой юности (ибо выпил-то я вчера всего-ничего, но…). По сравнению с тем, как это бывало тогда, сейчас моя голова и не болит вовсе, но, тем не менее… Хотя, три бокала «газировки» (шикарной «газировки», настоящей дорогущей французской, а не какого-нибудь «советского шампанского»), для непривычной к выпивке четырнадцатилетки, да еще и ни разу не обремененной излишней массой, не так уж и мало. Вообще-то, можно сказать — откровенно дохрена, учитывая даже обильную закуску.

Облизав сухие губы, вновь открыл глаза.

Поцелуйчики с милыми барышнями, алкоголь (и это не говоря уже про недавние приключения)…кажется, Кайа «покатилась по наклонной», после знакомства со мной. Ну, то ли еще будет. Я тихо засмеялся, мысленно представив свое дальнейшее «падение».

— Ох, блин, башка…

Сел на задницу, держась за виски.

Вчера был хороший новогодний Семейный вечер. Да. Во всяком случае, никто из собравшихся в Имении не смотрел на Кайю, как на кусок чего-то дурно пахнущего, случайно попавший в Семью и теперь портящий одним лишь своим присутствием Семейную репутацию и настроение всем.

Вчера все было очень даже наоборот. По крайней мере внешне.

Впрочем, а с чего бы всем им было хмуриться? Прошедший новогодний вечер был хорош не только для меня, но также и для всех прочих членов Семьи, что собрались (в очередной раз за столь короткий промежуток времени!) в Имении.

Ибо, во-первых, Семья, получив следующего Главу, теперь

окончательно принимала свои новые очертания. На это поколение, по крайней мере. Одни ее члены (те, что присутствовали на весьма скромном, из-за трагических событий, произошедших с «дедом» и троими его сыновьями, новогоднем сабантуйчике) оказались (или же остались) в ней при власти. Другие же…

Костяк Семьи заметно поредел и изменился, относительно того состава, что я застал в начале своего скорбного пути в этом мире.

Впрочем, полагаю, что здесь это обычное явление в подобного рода Семьях, после смены поколения, так сказать. Разве много видел я братьев и сестер деда (равно, как и их потомков)? Одного престарелого братца «деда», в тот памятный день (а вчера его здесь не было), когда мне собственноручно пришлось упокоить «бывшего папашу» и двоих его братьев.

Да сестру «деда», веселую старушенцию (прибывшую в Имение вместе со своими детьми, внуками и даже правнуками… похоже, они тоже успешно интегрировались в новый Семейный «порядок»), которая по-настоящему тепло, без фальши в голосе и на лице, общалась и с «родителями», и со мной (старушка шепотом поведала мне на ухо о том, что нам с ней есть о чем поговорить, но не здесь и не сейчас, а в другой, более подходящий для этого день, причем до Рождества…ну что ж, поговорим. Отчего бы и не поговорить? Надеюсь только, что это не какие-нибудь очередные внутрисемейные интриги).

А вот братца и сестер «папаши», я видел. Законных, я имею в виду.

Иных уж нет, другие странствуют далече…, — мне вспомнилась Олечка, которая «набрав» меня вчера, минут десять кряду донимала тем (отрывая от гораздо более насущных дел, связанных с Ией), что упрашивала замолвить перед «папенькой» за нее словечко (сначала «прописала» с ноги в ухо, а затем: «Кайа, помоги, пожалуйста! Ну чего тебе стоит попросить об этом дядю?! Он тебя любит, он тебя послушает!»). Чтобы тот вернул их с мамашкой обратно в Москву, в Имение. А нахрена, спрашивается, обе они мне здесь сдались? И без них нормально! Тем более, я в подобного рода делах права голоса не имею. Так с чего бы мне дразнить гусей и совать свой нос в чужой вопрос, как говорится? Да, и не для того «родители» выставили вон «дорогих» родственничков, чтобы затем тут же вернуть их «взад». В ближайшем «кругу» остались только благонадежные с их точки зрения члены Семьи, а все прочие же (те, что стояли и спокойно смотрели на попытку троих братьев устроить Семейный переворот, молчаливо ее поддерживая, и умертвить папашу),

пусть скажут спасибо уже за то, что их просто по-тихому не придушили (хотя, я бы не стал ставить деньги на то, что в будущем, причем, не в самом отдаленном, случится череда таинственных смертей среди опальных членов Семьи, ибо для «матушки» организовать ликвидацию неугодных — не просто, а очень просто)

В общем, поднимать подобных тем я точно не стану, особенно, учитывая то, какой разговор мне предстоит за завтраком с «родителями». Это, конечно, будет отдельный треш…

Ладно, хрен с ней, с Олечкой этой. В конце концов, где бы там она ни была сейчас, живется ей, в любом случае, как у Христа за пазухой, так что, волноваться за нее не следует (если, конечно, она не отколет какой-нибудь лютой херни (а учитывая ее дурной характер, с нее станется), взбесив тем самым моих «родителей»).

Новогодний вечер был хорош еще и тем, что меня совершенно ничем не напрягали (не было у наследницы Семьи вчера никаких официальных обязанностей), а надарив всякого, оставили в покое, наслаждаться атмосферой праздника. Все, кроме «родителей», сделали мне чисто симоволические новогодние подарки (ну, то, что про меня вообще не забыли — уже хороший знак!). Как и я им (подарки, которые я должен был вручить всем этим людям, были мне выданы «матушкой» загодя). Впрочем, как я уже замечал, дети и подростки из подобного рода Семейств, «деду Морозу» не слишком-то и рады. Сдался он им? У них и без него все есть. А чего нет, то обязательно будет в любой день, по их выбору…

Жаль, очень жаль, что и лично для меня этот праздник давно уже растерял большую часть своего волшебства. В силу моего истинного возраста, само собой.

То ли дело там и тогда, когда я и впрямь был ребенком. Я до сих пор помню, в какой щенячий восторг пришел, получив от матери (от своей настоящей, той матери!) в подарок на Новый Год игровую приставку «Sega MegaDrive» и несколько картриджей с играми.

От своей матери, да. И это — одно из немногих моих теплых воспоминаний о той женщине, которая, сбагрив своего маленького сына, меня, на попечение бывшей свекрови, умчалась в «прекрасное далеко», устраивать свою новую счастливую жизнь. И в которой места для меня, увы, не нашлось…

Она, вроде бы, перебралась к своему новому мужу, куда-то за кордон. Сначала, бабушка скрывала от меня сей факт (мол, мама в длительной командировке), а затем…затем, мне уже и самому стало не слишком интересно. Отвык от нее (да, даже от родной матери можно отвыкнуть и ни чувствовать по отношению к ней н-

и-ч-е-г-о, кроме остатков обиды, конечно). И лишь дважды в год, на свой День Рождения и на Новый Год, я получал от матери весточку в виде подарков (даже письма прислать не удосужилась ни разу, хочется верить в то, что ей было просто стыдно), да и то, помнится, последний из них я получил на свое четырнадцатилетие (надеюсь, с ней ничего плохого не случилось). Ладно, хватит уже этих протухших воспоминаний, пора вставать.

Встав с кровати и утерев тыльной стороной ладони высохший ручеек слюны, подошел к маленькому холодильнику, из которого достал запотевший графин с лимонной водой. Жадно выпил два стакана холодной воды (даже горло прихватило), и неторопливо сняв пижаму, направился в ванную.

«Контрастный душ…», — выбрал я нужный пункт на панели управления душевой кабиной. И заодно, самый экстремальный вариант этого самого контрастного душа, мне сейчас необходимо по-быстрому взбодриться.

А через мгновение, в ванной раздались мои вопли, когда меня со всех сторон начало окатывать попеременно то ледяной, то весьма даже горячей водой.

Поспешно (и едва не навернувшись!) переведя душ в режим «теплый», растянулся на полу кабины. Вот уж взбодрился, так взбодрился. Переоценил себя слегка…

Внезапно на моих губах возникло ощущение прикосновения губ Ии… Блин! Кстати об Ии, надо бы взглянуть, как там мой «улов».

Торопливо вымывшись, вырубил воду и…завис, глядя на свое отражение в зеркальном покрытии стен кабины. Вернее, глядя куда-то мимо.

А с чего бы это я вчера так много выпил (да и, вообще, зачем пил!)? Разве не в курсе того, что подобные эксперименты в подростковом теле могут закончиться для меня исключительно хреново? Само собой, все это я отлично понимал…! Тем более, учитывая то, что здесь-то свою «норму» спиртного я еще и не знаю вовсе.

Там, эту «норму» я прекрасно знал (ту, от которой у меня не «развязывался» язык, и я не терял над собой контроля). И ни разу, за время своей «загранкомандировки» ее не превышал. Впрочем, там я вообще старался не пить. А если приходилось, делал это, в основном, чисто символически.

А здесь? Здесь-то тело у меня другое, а стало быть, и «норма». Расслабился.

Но, скорее всего, дело в ином. Дело в самой Кайе. В итоге, несмотря на то, что ее оригинальной памяти не осталось (ну или

для меня она оказалась недоступна) — не только я получил ее в свое распоряжение, но и она заполучила меня (я-то для нее вообще лишь массив «нулей и единиц», или как еще там «пишется» душа, просто база данных и опыта)…

Кайа постепенно, но неотвратимо, «поглощает», «переваривает» и «усваивает» меня. Я чувствую это. И что, в конце концов, буду представлять собой я, как «я», когда и если этот «душеварительный» процесс завершится? Мне раньше казалось, что «химера» готова, и «сращение» моей души с телом Кайи уже успешно завершилось. Но, похоже, еще нет. Еще далеко нет…

Но, уже сейчас я совершаю поступки — совершенно несвойственные мне там. Во многом неосторожные и импульсивные. Таким образом, полагаю, что «я» — это уже не совсем «я». Или даже уже совсем не «я» (а ведь то мое «я», было тем еще «премудрым пескарем»)… Это теперь некое «мы». Не «я», не «она». «Мы» — нечто уже совершенно другое.

Боже, что за мысли могут посетить больную голову с утра…

Ладно, хватит уже бездельничать, пора и делами насущными заняться.

Вытершись досуха и сделав, в чем мать родила, легкую утреннюю разминку, я наконец почувствовал себя вновь включенным в розетку. Головная боль и утренняя бледность лица бесследно пропали, уступив место здоровому цвету детских еще щек и хорошему настроению.

Надев свежее белье, и налив в стакан воды, уселся в кресло и включил ВЭМ (тот самый, что был на Ию оформлен, а «старый» Иен видеофон вернул вчера хозяйке).

— Кажется, есть! Попались-таки, голубчики! — вслух сказал я, и маленькими глоточками выпил полстаканчика, — Тааак, посмотрим…кем бы там ни были эти шантажисты, но от излишней паранойи они, судя по всему, не страдают

Файл с «подарком» был загружен (и автоматически исполнен) из удаленного хранилища на устройство предполагаемого шантажиста еще вчера. И это самое устройство, судя по логам (а мой «подарок» раз в полчаса обновлял информацию об «адресе» точки доступа, через которую ведется подключение к Сети), все это время было подключено к оборудованию, имевшему один и тот же «адрес». Так что или некто сеет зло прямо из дома (как вариант, с рабочего места)…или возможны варианты, включая контригру.

— Ну что, Кайа…, — спросил самого себя я, откинувшись на спинку кресла и глядя в потолок, — …как думаешь, или — или?

Облизав губы и взяв со стола монетку, номиналом в две копейки, ответил самому себе:

— Думаю, я нашел-таки логово злодея и злодеев…

— С чего вдруг? — вновь вслух поинтересовался я

— Новогодние праздники…, — ответил себе я

— И что? Будь на их месте, стал бы ты промышлять чем-то подобным прямо из дома, если на календаре праздничные дни? — перебил самого себя я

— Не стал бы, конечно! Знай я о том, из какой Семьи Ия (а шантажист знает это наверняка, в этом нет сомнений), то мне бы и в голову не пришло ее шантажировать! Но я-то — трус и параноик с многолетним стажем, даже несмотря на все произошедшее со мной, а они, кем бы ни были, люди, не испугавшиеся пойти на громадный риск (хотя, по моему, просто на самоубийство)… В конце концов, все дело в выбранной ими жертве. Тот или те, кто все это затеял, твердо убеждены в том, что Ия ничего и никому расскажет. Что-то мне подсказывает, что будь иначе, и они бы просто не стали с ней связываться. Ведь даже самому тупому ясно, что узнай о подобном шантаже ее Семья и рано или поздно (скорее всего, достаточно скоро) за подобное просто оторвут голову, причем совсем не фигурально, без анестезии и предварительных ласк. А раз так, то и заморачиваться излишними мерами предосторожности преступники тоже не будут…

— Почему? — вновь перебил себя я

— Потому что, если делать все «как надо», то это большой и постоянный геморрой, совершенно излишний с их точки зрения, ведь жертва-то не рыпнется. А человек так уж устроен, что всегда пойдет по пути наименьшего сопротивления, — ответил самому себе я, — нет, с «той стороны» орудуют довольно умелые и весьма жадные люди, но вряд ли последовательные поборники конспирации

Ладно, поживем-увидим, но, скорее всего, я прав. Однако, обнаружить устройство, с помощью которого шантажист выходит в Сеть — это лишь половина дела, необходимо еще безошибочно верифицировать личность злодеев. А вот это, если все будет так, как я задумал, дело уже не моих рук.

— Доброе утро, барышня! Я могу вам чем-то помочь? — поздоровалась со мной Мария, которую я вызвал посредством своего «умного» браслета

— Да, Мария, доброе утро, — ответил я, — мои родители уже позавтракали?

— В данный момент, у ваших родителей встреча с какими-то важными людьми…подождите секундочку, пожалуйста, — сказала горничная и переключила канал своего устройства, а затем, появилась вновь, — ваши родители ожидают вас на завтрак

в малой гостиной, на первом этаже

— Спасибо, — ответил я и отключился, после чего, скомандовал себе, — Подъем!

Одевшись в повседневное, в последний раз взглянул на себя в зеркало (похоже, что регулярное разглядывание себя в зеркало — это одна из моих новых привычек). Улыбнулся своему отражению.

Кажется, мне предстоит немало работы над собой, чтобы «вернуть все взад».

— Я тебе не сдамся, рыжая злодейка, даже не надейся, — сказал я девочке, глядевшей на меня из Зазеркалья, и которая, как мне на мгновение показалось, оскалилась в ответ…

Это, мол, мы еще посмотрим, кто кого…

Первый этаж главного дома Имения, несколькими минутами позже.

Когда я подходил к малой гостиной, оттуда, как раз, выходила группа людей.

Топ-менеджмент Семейных предприятий, — понял я, едва взглянув на выходивших из гостиной мужчин и женщин (их «прикид», а также, сопровождавшие их лица, секретарской наружности, не оставляли в этом никаких сомнений)

— Доброе утро, барышня, — поприветствовали меня они, расступаясь и давая мне дорогу.

Я-то по старой памяти и сам хотел было посторониться перед всеми этими уважаемыми людьми. Однако, вовремя сообразил, что нынче я «дочь Рокфеллера», то есть, ребенок человека, на которого все они работают. Да еще и лицо дворянского сословия, к тому же.

— Доброе утро, дамы и господа, — мило, как и положено девочке-подростку, улыбнувшись им (а также охранникам, что несли дежурство у двери), прошел в гостиную

Чем выше по карьерной лестнице забираешься, тем больше вкалываешь, — подумал я, оглянувшись, — ибо, даже утро первого января все эти люди, забравшиеся на корпоративную вершину, проводят не дома, в постели, а делая какие-то свои доклады собственнику предприятий. С самим собственником, впрочем, та же самая история…

— Доброго всем утра, — ласково улыбнувшись, сказал я, подходя к родителям и садясь рядом с «матушкой», на один из диванчиков, расставленных вокруг стола, с которого прямо сейчас горничная убирали чашки

— Доброе, Солнышко, — ответила, одетая в шмотки свободного кроя, «матушка», удобно устроившаяся, «с ногами», на диванчике

— Доброе утро, — машинально поприветствовал меня

«папаша», на котором были строгие брюки с рубашкой, просматривавший что-то на планшете

— Ты как себя чувствуешь? Все хорошо? — поинтересовалась «матушка», протянув руку и погладив меня по волосам

— Да, мам, все хорошо…, — ответил я, вспомнив, как вчера вечером, она подошла к двум уютно устроившимся и мирно беседовавшим девицам, одна из которых, была моей «залетевшей» «кузиной», Софьей, а другая, собственно, мной, допивавшей свой третий бокал шампанского

«— Золотце, мне кажется, тебе уже пора идти отдыхать…», — шепнула она мне на ушко, забирая из моих рук опустевший бокал (не устраивая, впрочем, выговора за пьянку). Она никогда не оставляет меня без своего надзора…

Я посмотрел на женщину, которая теперь расслабленно полулежала, прикрыв глаза и продолжая лениво поглаживать меня по волосам, другая же ее рука покоилась на объемном уже животе. На женщину, чьей воле подвластны немыслимые силы.

— Мам, пап…, больше спасибо за ваш Новогодний Подарок, я оценила, — сказал я

В этот момент две горничные, вкатив в гостиную тележку с завтраком, принялись расторопно расставлять на столе утреннюю снедь, после чего, пожелав всем нам приятного аппетита, быстренько удалились из помещения.

— А мне показалось, что тебе не слишком-то он и понравился, — заметила «матушка», беря чашку ароматного кофе

«Родители» вчера сделали мне новогодний подарок в виде того самого этажа в корпоративной высотке, где я, в основном, теперь и проживаю (ну, как подарили…особенности частного владения здесь таковы, что это скорее разрешение на пожизненное владение, без права отчуждения от Семьи, то есть продать или просто подарить свою собственность я не могу, по крайней мере, без согласия Главы Семьи). И честно говоря, сначала я слегка офигел. Чего я буду делать с целым жилым этажом? В последнее время, мне наоборот хотелось переехать в небольшую квартиру, и чтобы в ней не присутствовал никто из посторонних. Но, поразмыслив, решил: а почему бы, собственно, и нет? Особенно, учитывая то, что все расходы по содержанию остаются на Семье. В конце концов, я же ведь сам хотел стать обитателем «последнего этажа», так что, надо с чего-то начинать. Таким образом, «родители» сделали мне по-настоящему королевский подарок. Уже второй подряд, ибо яхта — это тоже очень даже ничего.

Этот подарок безусловно рассчитан на времена после. После того как мы с Кайей, по мнению «родителей», отыграем свою роль

в неких Семейных планах и сможем быть свободны.

— Просто это было весьма…неожиданно, — ответил я, взяв в руки чашку с кофе, и принюхавшись к потрясающему запаху, сделал глоток

Как у напитка, обладающего столь чудным ароматом, может быть такой мерзкий вкус, а?! А ведь там, уверен, вкус этого кофе мне бы очень понравился. Все-таки, Дмитрий Николаевич — это не Кайа, со всем из этого вытекающим…

— Рад, что ты осталась довольна нашим подарком, — ответил «папаня», отхлебывая кофеек, после чего, отложив планшет в сторону, взглянул на меня и спросил, — ну, так что там у тебя за просьба такая, которой ты не хотела омрачать вчерашний праздничный вечер?

Услышав вопрос своего мужа, адресованный мне, «матушка» снова прикрыла глаза. Делает вид, что не в курсе происходящего?

— Сейчас…одну секунду, — сказал я и взяв в руку горячую еще булочку, разрезал ее пополам, а затем, намазав одну половинку паштетом, впился в нее зубами

Вкус у булки с нежнейшим паштетом был просто божественный. Я натурально зажмурился от удовольствия. «Папаня» не торопя меня, ожидал просьбы.

— Есть на свете лишь четыре человека…вернее, пять, — начал я, собравшись наконец с духом, ибо просьба моя явно выходит за рамки «добра и зла», — ради которых я готова пойти на все! На любой подвиг и на любое злодеяние…

Замолчав, оглядел «родителей». Те, не перебивая, ожидали продолжения.

— Это ты, папа. Мама. Мой пока еще не родившийся брат…, — на этом месте я аккуратно положил ладонь на живот «матушке», — Я сама, конечно. И…моя лучшая и единственная подруга, Ия

В гостиной вновь воцарилась тишина.

— Истинно, так, — сказал наконец «отец», — и про подвиг, и про злодеяния. Я сам тому свидетель, что ты совершала и первое, и второе. Ты исключительно отважная барышня…и как уже ранее говорил, я искренне рад и горд тем, что ты — наша дочь. Так чего ты хочешь попросить? Говори, не стесняйся

— То, что я сейчас расскажу и о чем попрошу — не для чужих ушей, — ответил я

— Никто из посторонних нас не услышит, — успокоила меня «матушка»

— Мам, — обратился я к той, — ты же в курсе того, что вчера я встречалась с подругой, с Ией? Так ведь?

«Матушка» лишь кивнула.

— Так вот, вчера, когда мы с ней обедали в ресторане, на ее видеофон пришло виртуальное сообщение, в котором, некто грозился, если Ия не согласится на все его требования, сделать достоянием общественности некоторые виртуальные изображения, где она запечатлена в не совсем одетом виде, так сказать

— Каким образом подобного рода изображения попали к посторонним людям? — поинтересовался «папаня»

— Злоумышленникам удалось внедрить в ее устройства приложение, которое, в том числе, брало под контроль камеры. Таким образом, в его или в их распоряжении, оказалось то, что может поставить под удар репутацию, а стало быть и жизнь моей подруги, человека очень тонкой душевной организации. Мне, возможно, удалось выяснить «адрес» сетевого устройства, через которое злоумышленник подключается к Сети. Ну, если, конечно, это не фальшивка…

— Каким образом тебе это удалось? — поинтересовалась «матушка» так, будто и в самом деле не знала

— Приложение злоумышленника, делает виртуальные изображения с помощью камер устройств и отправляет их в одно из удаленных хранилищ, а я, использую предоставленный Ией удаленный доступ к ее устройствам, сумела передать туда виртуальное изображение с «подарком», который и сообщил мне искомое

— Хочешь сказать, что менее, чем за пару часов ты смогла создать нечто столь…, — она пощелкала пальцами, подбирая нужное слово, — …неприятное?

— Само собой, нет, — пожав плечами, ответил я, — за пару часов, я смогла внедрить уже имевшийся в моем распоряжении «подарок», результат одного моего небольшого эксперимента, так сказать, в виртуальное изображение

«Маман» хотела было что-то сказать, первым отреагировал «папаня».

— Ладно, Бог с ним, с твоим «подарком». Мы еще вернемся к этим твоим…увлечениям. Позже. А поводу твоей подруги…, можешь более не волноваться за нее! Обещаю тебе, что найду всех причастных к этому мерзкому деянию и их ожидают долгие года каторги…

— Пап…, я вовсе не хочу для этих людей каторги, — ответил я, и облизав губы добавил, — я желаю и это моя просьба к вам, к моей Семье, чтобы те, кто посмели подобным бесстыдным образом шантажировать и угрожать человеку, который столь дорог мне, заплатили за это по самому высокому тарифу. И чтобы у этих людей никогда более не возникло даже гипотетической

возможности навредить Ие! Они просто должны…перестать существовать. Только так я смогу быть спокойна.

Сказав это, я откинулся на спинку дивана, сглотнул и закрыл глаза. Все, я это сказал! Назад дороги нет! На некоторое время, в помещении установилась натурально мертвая тишина.

— Ты…, — начала «матушка», которую моя просьба явно вывела из равновесия, и она, усевшись ровно, и отбросив от себя мою руку, смотрела на меня — …ты что, с дуба рухнула? Думаешь, наша Семья — это какие-то бандиты, которые по собственному желанию убивают кого вздумается? Честно говоря, Кайа, я в ужасе от твоих мыслей, желаний и слов…

— Я тоже, мам! — ответил я, глядя той в глаза, — Я тоже в ужасе! Но, я прихожу в еще больший ужас, когда закрываю глаза и из моей памяти всплывает изображение той Воспитанницы из Пансиона, которая повесилась…

— Не без твоей самой деятельной помощи, между прочим! — зло сказала «мама»

— Я согласна…, — тут я сглотнул, — не без моей… Этот грех всегда будет со мной. Но, я не желаю, чтобы и с Ией произошло нечто подобное! Я чудовище, мама. Жуткое чудовище, скрывающееся за симпатичной внешностью. С этим я уже смирилась, ибо сотворенного моими собственными руками зла — уже никак не исправить. И как уже говорила, я пойду на любое злодеяние, лишь бы не допустить ужасного исхода для Ии. Это, во-первых.

— А что, во-вторых? — спросил «отец», спокойно пивший кофе и наблюдавший за нами

— А во-вторых…, — сказал я и на моем лице появилось выражение полного спокойствия, — …никто, пока я жива, не сможет причинить вред дорогим мне людям, не заплатив за это самой высокой цены. Никто. И сейчас я прошу у Семьи помощи. А поможет мне Семья или же нет…

Я пожал плечами и одним глотком допил кофе.

— И ежели нет, я просто все сделаю сама. Но…

— Не переоценивай себя, Кайа. Я запросто могу запереть тебя до следующей весны, лишив таким образом всякой возможности сотворить нечто ужасное и непоправимое, — закончила за меня «матушка»

— Можешь, конечно. Даже убить можешь. Вот уж не думаю, мама, что для тебя это хоть сколько-нибудь сложно…

— Не поняла?! Что это ты сейчас имела в виду, доченька? — абсолютно спокойным голосом поинтересовалась женщина, однако, было очевидно, что она здорово разозлилась

— Так, хватит! — «папаня» несильно ударил ладонью по

столу, — Шантажисты уже объявили свои требования?

— Да, — ровным голосом ответил я, — завтра, в семь вечера, Ия должна будет оставить деньги в указанном месте

— Хорошо, — сказал он, — мне нужно знать, где? А также все то, что тебе удалось выяснить с помощью этого «подарка»

— То есть, Семья поможет мне с этой проблемой? — уточнил я

— Кайа, — «папаша» упер в меня взор, — я прекрасно осведомлен о том, что ты барышня вообще без «тормозов». И о том, что ради Семьи, ты готова на все. Семья поддержит тебя. С конкретно этой бедой, по крайней мере…

Он взглянул на свои руки, и тихо продолжил:

— …но это вовсе не значит, что я позволяю тебе решать все твои будущие проблемы подобным образом. Помни, что для Семьи, ее репутация — это все!

— Я помню, пап…и благодарю за помощь. Очень надеюсь, что на моем жизненном пути более не встретятся личности, с которыми я буду вынуждена поступать подобным образом, — ответил я

— Я тоже на это надеюсь…, — согласился со мной «папаша»

Мне захотелось ущипнуть себя. Просто сюрреализм какой-то. Поверить в реальность произошедшего весьма непросто (особенно в то, что весь этот сюрреализм инициировал я сам). Четырнадцатилетняя девочка, которая просит приемного отца грохнуть для нее человека или даже нескольких. И приемный отец, что характерно, соглашается с подобной ее просьбой. Наша Семья не бандиты, да. Вообще, ни разу… Я перевел взгляд на «матушку». Та вернулась к своему спокойному состоянию, и прикрыв глаза, сказала:

— Сделаю вид, что ничего не слышала!

Несколькими минутами позже.

— Ты закончила с завтраком? — поинтересовался «папаша»

— Да, пап, — кивнул я

— Тогда я тебя больше не задерживаю, — сказал тот и выразительно посмотрел на дверь

— Хорошо. Пап, мам, спасибо за компанию, — сказал я и поднявшись со своего места, вышел из гостиной

Когда за Кайей закрылась дверь, Филатов Игорь, вызвал абонента: «Николай Семенович».

— Зайди ко мне, возникла проблема…, — негромко произнес Глава Семьи, когда абонент принял вызов.

Глава 67

Тот же день, около семи вечера.

— Мы приехали, барышня, — по интеркому сообщил своей пассажирке водитель-охранник

— Спасибо, — ответила Ия и трясущимися руками достала салфетку, дабы утереть выступившую на лбу испарину.

Ию от переживаний и страха заметно знобило. Во рту пересохло. Выкинув салфетку, она открыла холодильник, достав оттуда бутылку воды и стараясь не облить себя (а сделать это теперь оказалось непросто, из-за трясущихся рук), налила воду в хрустальный бокал.

Ия зажмурилась и глубоко вдохнула.

— Я не должна бояться! Нужно перестать быть размазней! — прошептала она, — Я должна стать такой, как Героини из всех тех романов, что я прочла! Сильной, решительной и бесстрашной! Или как она…

В памяти Ии всплыл образ Филатовой Кайи.

Выпив содержимое бокала в несколько глотков, Ия закашлялась, подавившись на последнем.

— Надо собраться! Я должна быть сильной и достойной **ее**! Все закончится хорошо! Кайа обещала…, — и этому обещанию Ия верила безоговорочно

Кайа… Да, если уж кто действительно походит на бесстрашных книжных Героинь, так это Кайа.

Вспомнив о своей лучшей и единственной подруге, Ия погрузилась в фантазии, в которых, в последнее время, фигурировал лишь один человек. И человек этот накануне…сама призналась ей в своих чувствах.

Ия подумала о том, что еще совсем недавно ей бы и в страшном сне не привиделось то, что она будет фантазировать на тему занятия **этим** с другой барышней. А уж о том, чтобы решиться на какое-то действие не в грезах, а в реальной жизни…

Об этом не могло быть и речи! Это было просто невозможно…! Немыслимо!

Невозможно, да… Но она сама это сделала! Сама взяла и поцеловала Кайю! Взяла и поцеловала… Без всякого на то разрешения! А если бы Кайа…

Но, она же сама призналась в том, что любит…

Балда! Любовь бывает разная! А если бы она имела в виду то, что любит тебя как подругу?! А ты возьми и накинься на нее с поцелуями?! И как, вообще, такая трусиха как ты решилась на нечто подобное?! Это же просто уму непостижимо…!

Она старшая дочь Главы Семьи небожителей, можно сказать. А ты? Кто ты? Купеческая дочка…

Боже, что я натворила?!

Однако, теперь совершенно невозможно представить и кого-то другого вместо нее в **тех самых** фантазиях…

Со мной, наверное, что-то не так. Барышням должн**о** фантазировать лишь о юношах (по крайней мере, в **таких** фантазиях!), а никак не о других барышнях, не говоря уже о каких-то запретных действиях в реальной жизни! И до появления в моей жизни **ЕЁ**, все так и было, но теперь…

Кажется, со мной что-то серьезно не так…

И что хуже, я подбиваю на подобное свою единственную подругу! Барышню, что на два года младше меня! Считай, что ребенка…

Я отвратительная! Отвратительно жалкое, трусливое и похотливое существо…

Ия крепко сжала ноги, ибо на воспоминания о Кайе ее тело ответило совершенно неуместным здесь и сейчас образом…

У Ии внезапно перехватило дыхание…

Они делали мои изображения в то время, когда я занималась **этим!** Они все это видели!

Ия спрятала лицо в ладошках.

Застучали зубы…

Нет! Они ничего подобного видеть не могли, успокойся! Ты же всегда накрывалась одеялом с головой, когда занималась подобными вещами…

Ия вздрогнула, услышав вновь раздавшийся звук вызова от интеркома.

— Какие будут указания, барышня? — напомнил о себе Артем, ее водитель-охранник

Время! — Ия спохватилась и достала видеофон

19:03! За всеми этими переживаниями, она совсем забыла сообщить о своем прибытии тому ублюдку-шантажисту!

— Минуту, Артем! — ответила она в интерком, и судорожно принялась строчить виртуальное сообщение

«Я на месте», — написала она адресату «никому не нужный»

«Ты опоздала на 4 минуты! Опаздывать нельзя! Не слушаться нельзя! Мне кажется, что стоит просто вывалить в Сеть все те изображения с тобой в главной роли, что у меня имеются! А их у меня так много…! И не без удовольствия наблюдать за тем, как ты корчишься в муках! Как рушится вся твоя никчемная жизнь… Может к черту эти твои деньги и лучше понаблюдать за твоими страданиями? Что скажешь, богатенькая девочка? К бедности, в конце концов, я уже давно привык», — ответ пришел практически

сразу

У Ии в желудке образовался ледяной ком, а пальцы задеревенели. Стало тяжело дышать, словно кто-то сжал ей горло, но на помощь вновь пришла **она**…

«— Ия, от тебя шантажистам нужны лишь деньги и пока они их получают, ну, или у них есть на это хоть какая-то надежда, то резать курицу, несущую золотые яйца, то есть сливать в Сеть все эти изображения они точно не станут…», — вспомнила она слова Кайи

Вспомнила и как-то сразу заметно успокоилась, ибо была твердо убеждена в том, что Кайа абсолютно права. Этот ублюдок ее просто запугивает…

«Извините, я просто задумалась, более опаздывать не буду» — написала она

«Ладно, барышня, так и быть, на первый раз тебя прощаю, и ничего в Сеть выкладывать не стану. **Пока** не стану, если ты, в свою очередь, перестанешь разочаровывать меня. В конце концов, я великодушный и милосердный. Но за то, что опоздала, в следующий раз принесешь еще и «штраф», так сказать, пятую часть от суммы, что я назову», — пришел ответ

«Хорошо», — согласилась Ия, но была твердо убеждена в том, что никакого «следующего раза» уже не будет, ведь Кайа обещала…

«Поезжай сейчас на улицу Князя Пожарского, там есть общественная библиотека, найдешь ее. Как войдешь внутрь, в главный зал — сообщишь…и барышня, не заставляй меня долго ждать, ибо я нетерпеливый! И не играй со мной, у тебя ничего не получится! А если попытаешься… Ну, ты же знаешь, что произойдет!»

«Еду», — односложно ответила Ия

— Артем, — сказала она своему водителю-охраннику, — поезжай, пожалуйста, на улицу Князя Пожарского, к общественной библиотеке

— Как скажите, барышня, — было ей ответом

Неужели библиотеки работают вечером первого января? — усомнилась Ия и полезла в Сеть.

Оказывается, работают! Общественные библиотеки принимают посетителей круглосуточно, и без выходных…

«Место передачи изменилось. Общественная библиотека на Князя Пожарского. Двоих внутрь и подключитесь к библиотечной системе наблюдения».

«Принято».

Ия нажала на соответствующую кнопку, и закрывавшая окно шторка отъехала, давая пассажирке обзор.

Чтобы слегка отвлечься, она принялась глазеть на улицы этого прекрасно освещенного вечернего огромного города, ее родного города. И по которым, сейчас, не спеша, двигался ее авто. Повсюду, куда ни взгляни, царила атмосфера всеобщего праздника. Однако мысли ее были далеко отсюда и вовсе даже не праздничны…

— Этот Новый Год оказался безнадежно испорчен, — вздохнула Ия

Позже.

«Машина объекта остановилась у здания библиотеки».

«Принято».

— Барышня, мы у библиотеки, — сообщил Артем, остановив авто

— Хорошо, спасибо. Я сейчас выйду

Глубоко вдохнув, Ия поднялась из удобного кресла и взяв лежащие на соседнем кресле шубку и меховую шапку, торопливо их надела. Схватив сумочку, она слегка махнула рукой, и заметившая этот жест электроника машины, услужливо запустила электропривод, открывший перед ней дверь.

«Объект в сопровождении охранника движется внутрь здания библиотеки».

«Принято».

Несколькими минутами позже.

«Я там, куда вы сказали мне прийти», — написала она сообщение для контакта «никому не нужный»

«Хорошо. Теперь тебе нужна секция японской литературы. Второй стеллаж с конца, на нем будет написано «классическая японская литература». Третья полка снизу. В конце стеллажа, с правой стороны, стоят два томика «Повести о Гэндзи», за авторством Мурасаки Сибику. Возьми самый крайний томик и вместо него положи конверт с деньгами. И не заставляй меня ждать, а то все это начало мне уже надоедать!»

«Хорошо…»

— Артем, пока посиди, пожалуйста, здесь, на диванчике, а я сейчас выберу книгу и вернусь

Охранник в очередной раз окинул взором библиотечный зал.

— Хорошо, — согласился он, однако, садиться не стал, а продолжив стоять на месте, поинтересовался, — но вы уверены, барышня, что не хотите мне что-нибудь сказать? Быть может, есть что-то такое, о чем мне необходимо знать?

Ия обернулась к своему охраннику, статному мужчине, тридцати с небольшим лет, всегда такому спокойному и источавшему уверенность…

«Конечно, меня шантажируют, грозясь испортить репутацию!»

— разозлилась она, но…у нее было стойкое ощущение того, что Кайа рядом, а значит, можно ни о чем не волноваться. И к своему собственному удивлению, она успокоилась. Ну, почти.

— Артем, я пришла в библиотеку за книгой. Что здесь может быть такого, о чем тебе необходимо знать? Если тебе интересно то, какую книгу я возьму…я еще и сама не знаю, чего хочу прочесть

Сказав это, глядя в пол, она развернулась и пошла искать нужный стеллаж.

«Секция японской литературы, второй стеллаж с конца».

«Принято. Обзор не слишком хороший, но посетителей мало. Ошибиться не должны».

«Принято. Работайте».

Само собой, что в нормальности всего происходящего она охранника совершенно не убедила. Артем, в конце концов, очень профессиональный страж (а другого у нее и быть не могло)! И, естественно, он сейчас весь на нервах, ибо, во-первых, не мог не заметить моего волнения (о своем беспокойстве он наверняка доложит родителям, а значит, нужно будет выдумать какую-то подходящую историю…). А во-вторых, несмотря на то, что она тот еще книжный червь (книги для нее всегда были «отдушиной», помогавшей спрятаться от реальности), в общественной библиотеке бывать ей еще не доводилось. И это даже при том, что она предпочитала бумажные книги их бездушным виртуальным копиям.

Она, дочь успешных и баснословно состоятельных родителей, просто покупала в Сети любую понравившуюся книгу (впрочем, как и практически все остальное материальное, ибо родители ей не отказывают ни в чем). В любых количествах.

Все это вместе — обязательно насторожит Артема! Не может не насторожить…

Впрочем, есть в библиотеке что-то такое… И когда весь этот кошмар закончится, нужно будет обязательно посетить эту или любую другую библиотеку еще хотя бы раз…

Ия сжала кулачек.

Все будет хорошо! — напомнила она себе, — Все будет хорошо! Это всего лишь небольшое приключение, как у всех тех книжных Героинь!

Впрочем, сейчас, в одном из своих вычурных нарядов (верхнюю одежду она сдала в гардероб), находясь в этом, почти священном для каждого любителя книг, месте, Ия и сама напоминала сошедшую с книжных страниц Героиню (по крайней мере, в глазах немногочисленных встреченных ею посетителей этой библиотеки, которые то и дело оборачивались, дабы

поглазеть на ее).

Бродя меж стеллажей с книгами, в поисках нужной секции, она, изредка замечая других посетителей, удивляясь тому, что здесь и сейчас вообще кто-то есть. По крайней мере, в зале художественной литературы.

— Вот и оно! — шёпотом сказала себе Ия, остановившись перед стеллажом с классической японской литературой, — третья полка снизу, две крайние книги…нет! Тут нет «Повести о Гэндзи»! Наверное, искать нужно с другой стороны стеллажа…

Ия обошла стеллаж.

— Есть! — выдохнула она, беря крайний томик «Повести», и оглядевшись по сторонам, быстро вытащила из сумочки весьма упитанный конверт с сотенными купюрами, положив его на полку, вместо книги

«Я все сделала так, как вы сказали», — написала она сообщение этому «никому не нужному»

«Хорошо. Теперь иди и оформи на себя книгу, а затем, можешь ехать домой. Я свяжусь с тобой накануне дня твоего следующего платежа», — все также быстро ответил тот

«Хорошо», — написала Ия и неторопливо направилась к «жрице» этого «храма Книги», к пожилой библиотекарше.

Несколькими минутами позже.

«Объект в сопровождении охранника покидает здание библиотеки. За посылкой пока что никто не явился».

«Принято».

Во дворах, рядом с библиотекой, на лавочке сидел «Доктор». В последний раз затянувшись, он потушил сигарету о снег и не вставая, выкинул окурок в урну.

«Доктору» было хреново. Очень. Вчерашнее обильное возлияние крайне отрицательно сказалось на здоровье и самочувствии немолодого уже «торчка».

Вчера, вместе с Люськой, своей двадцатилетней любовницей, он отмечал Новый Год, а заодно, и собственный пятьдесят второй по счету День Рождения. Угораздило же его родиться в Новый Год, чтобы всю свою жизнь получать двойной удар по печени…

А еще, ему хотелось «вмазаться»! Очень хотелось, но этого сейчас было делать нельзя…

Ибо сейчас он был на работе. А первое из двух незыблемых для «Доктора» правил, наличие которых у наркомана, само по себе практически нонсенс (но он-то был нетипичным наркошей, по крайней мере, таковым считал себя сам), звучало просто, но было очень непростым в исполнении: «не вмазываться на работе!»

А работал он, вопреки своей «погремухе» (которую получил за то, что в молодости учился в МедВУЗе, откуда, однако, был

отчислен, когда какая-то падла настучала в деканат о том, что он «вмазывается» «хмурым») «бегунком» или, по-другому, «перевозчиком». То есть, забирал из «закладки А» и перевозил, оставляя в «закладке Б», то, что требовалось заказчику. В основном, различные «зелья», конечно. Не слишком большие партии (но, уже давненько и не слишком малые), разумеется (ибо нарку, даже такому как «Доктор», никто не доверит большие, впрочем, он бы и сам не взялся за излишне крупную перевозку). Или, к примеру, «бабки», как вот сейчас.

И на днях его выцепил старый кореш. У «Доктора» вообще корешей, да и просто знакомых, было весьма немало, ибо он всегда следовал двум своим правилам, а это значит, у него всегда была работа, то есть «бабки», которые, есть ничто иное, как «хмурый». А у кого на регулярной основе есть «хмурый», у тех, как известно, недостатка в корешах нет.

— Слышь, «Док», — сказал выцепивший его тип, — тут одному малому да раннему «бегунок» нужен…

— Кто таков? — поинтересовался «Доктор», — Чего? Сколько? И куда?

«Доктора» всегда интересовало, **что** он везет и **сколько**? И если заказчик не желал этого сообщать или ему самому что-либо не нравилось, то просто отказывался от подобного заказа. Жизнь дороже. Даже такая, как у него. Разумная осторожность — главное в подобного рода делах, особенно, когда дело имеешь с различными «зельями». Ибо, Государь Император, если вдруг что, повесит и даже имени не спросит.

— Да так, студентик один, у него еще депрессивная «погремуха» такая…, — корешок защелкал пальцами, вспоминая, — «никому не нужный»…

— Нет, не знаю такого, — покачал головой «Доктор», — не легавый «манок»?

— Да нет, вроде… Он через меня пару заказов уже делал, так, по мелочи, и все было нормалек, но…сам понимаешь, да и не «хмурого» ему тащить надо…

— Его «хмурого» я бы и не потащил, — было ответом

— «Бабки». Не меньше штуки за раз. Из Москвы в Гусь-Хрустальный. Заберешь тогда и откуда скажет, оставишь там, где скажет…все как обычно. Пятая часть твоя. Берешься?

— Пятая часть, плюс оплата дороги и жратвы в пути

— Хорошо, я передам, и, если согласится, оставлю твой «рабочий» номер… Слышь, «Док», а у тебя есть, чё…?

А еще «Доктор» уже замерз, сидя на этой лавочке…

Он достал новую сигарету, но закурить не успел. На видеофон, наконец-то, пришло виртуальное сообщение от

заказчика:

«Груз на месте. Все как договорились»

«Хорошо», — вернув сигарету в пачку, ответил «Доктор», и, встав с давно опостылевшей лавочки, быстрым шагом направился к библиотеке

Несколькими минутами позже.

Открыв входную дверь в здание библиотеки, «Доктор» уже собрался было войти внутрь, когда его чуйка, словно током долбанула!

«Доктор» быстро развернулся и направился к месту для курения, где, достав сигарету, закурил, внимательно оглядывая округу…

«У нас тут стрёмный персонаж нарисовался, пробей по полицейской картотеке. Виртуальные изображения высылаю».

«Принято».

«Доктор» курил и топтался на месте. Идти за грузом не хотелось категорически. Чуйка, та самая, что столько лет позволяла ему оставаться живым и на свободе, спасая не раз и не два, просто вопила о том, что здесь явно какая-то подстава.

И если бы грузом заказчика был «хмурый» или любое другое «зелье», то он бы ни минуты не размышляя, развернулся бы и ушел, но…

Но сегодняшний груз — это «бабки». И за «бабки» не вешают! Да и найти их — не преступление.

А «бабки» ему, ох, как нужны! Причем немалые, ибо «хмурый» — не дешев, очень!

Не будет «бабок», не будет и «хмурого», а значит, во-первых, нечем будет «вмазаться». А во-вторых, не будет и Люськи…ибо, что может быть общего у него, высохшего «торчка» пятидесяти двух лет отроду, выглядящего на все семьдесят («хмурый» не молодит, да) и двадцатилетней красотки (по крайней мере пока… пока еще «зелье» не разрушило ее красоту до основания)? Только **он**, указатель дороги к женским сердцам и универсальный раздвигатель женских же ног, Его Величество «Хмурый» (разумеется, только тех ног, чьи обладательницы, как и он сам, крепко «сидят» на этом «зелье»)!

«Бабки» нужны…и «Доктор», сделав последнюю затяжку, не спеша направился за грузом.

«Персонаж в картотеке значится. Среди контингента известен, как «Доктор». Нарк с огромным стажем. Подозревается в занятии «перевозками», но за жабры так ни разу взять и не удавалось. Хитрая и опытная тварь. Зарегистрирован в одной из деревень Московской губернии».

«Принято. Или он решил сходить вечерком в библиотеку,

почитать о вреде наркотиков, или…внимание, персонаж направляется в библиотеку».

«Принято».

Несколькими минутами позже.

«Доктор» стоял у стеллажа с классической японской литературой и неторопливо осматривался. Отсюда, вроде, и не видать никого, но…

На сердце отчего-то больно неспокойно.

Он внимательно осмотрел стеллаж. Третья полка. А вот и конверт…

Оглядевшись в последний раз, «Доктор» надел на руку целлофановый пакет и достав из кармана ультрафиолетовый фонарик, посветил им на конверт. Чисто!

Достав рукой, одетой в целлофан, из конверта «бабки», также посветил на них фонариком. Чистые и вроде не подделка…

«Нарк у закладки, что делает — особо не видно. Наблюдателей близко подводить опасно, осторожный».

«Принято. Близко к нему никого не подводить. Это стреляный воробей, спугнем. Скорее всего — это и есть наш пациент, но, в дальнейшем, и до особого распоряжения, наблюдения с закладки на всякий случай не снимать. Также, уже подключайтесь к системам наблюдения на наземном транспорте и на Метрополитене».

«Принято. К инфраструктуре Метрополитена подключиться не получится, на объекте установлены повышенные меры безопасности, в том числе Сетевой, нас обнаружат при попытке подключения».

«Принято. Если он ломанется туда, «пасите» его по старинке, и убедитесь, что люди на ключевых точках расставлены в должном количестве. Напоминаю, что небрежность недопустима. Он не должен вас срисовать. Не спугните его и не пропустите момента передачи или сброса посылки».

«Принято».

…в очередной раз оглядевшись, торопливо пересчитал купюры. Ровно тысяча тридцать рублей, как это и было условлено с заказчиком.

Убрав «свои» двести рублей, а также тридцатку на билеты и жратву (все, что останется, уйдет заказчику), «Доктор» посмотрел да деньги, что сейчас были в его руке, и которые словно бы говорили ему:

«Нахер этого «никому не нужного»! Бери нас и рви отсюда когти!».

И сейчас это искушение (как, впрочем, и всегда!) было велико, но…

«Не воровать у заказчика!» — было вторым из двух правил, которые строго соблюдал «Доктор».

Со стороны заказчика доверять перевозку «бабла» или «зелий» наркоману — это все равно, что назначить педофила — директором детского садика…, — подумал он, справившись с искушением, и пряча наличку заказчика в скрытом кармане за пазухой, а затем, быстрым шагом направился прочь из библиотеки, поймав на себе настороженный взгляд старой библиотекарши, — Но **ему** доверяют! Ибо у него есть репутация, которую он бережет, словно барышня — честь, уже долгие голы! А все потому, что строго придерживается двух своих правил!

«Нарк вышел из здания, и направляется в сторону остановки общественного транспорта».

«Принято».

Стоя на остановке и дожидаясь своего «номера», «Доктор» размышлял.

Его не «приняли» ни в момент взятия груза, ни на выходе из библиотеки. А значит…значит, что, если это, конечно, не его больная паранойя, то не он цель, а заказчик. И, если, вдруг что, то заказчика жалко конечно, но…

Но его работа проста: забрать груз и привезти его в указанное место! И все!

А вот и нужный «номер»!

«Нарк садится в автобус с бортовым номером:…».

«Принято».

* * *

«Нарк пересел на автобус с бортовым номером:…, груз все еще при нем».

«Принято».

* * *

«Нарк» покинул автобус, движется в направлении станции Метрополитена «Китай-город».

«Принято. Берем на сопровождение».

«Контрслежка?»

«Не обнаружена. Или ее осуществляют профессионалы очень высокого класса, или ее нет вовсе».

«Принято».

* * *

«Нарк вышел на станции «Сибирский вокзал» и движется в направлении выхода из Метрополитена, в сторону вокзала».

«Принято. Берем на сопровождение».

* * *

«Нарк купил билет до Мурома, в сидячий вагон».

«Принято. Организуйте сопровождение из не менее, чем из двух человек, на ротационной основе, на всем отрезке пути! Высока вероятность передачи груза в поезде».

«Принято».

«Доктор» зашел в дешёвую забегаловку при вокзале, где заказал картофельного пюре, с котлетой, и чай.

Устроившись за столиком у окна, он неспешно ужинал и боролся с «ломкой».

А также, размышлял, глядя на уличный фонарь за стеклом, разгоняющий вечернюю зимнюю тьму.

Почему чуйка сегодня так всполошилась? Легавых ищеек не было. В этом он был уверен практически наверняка, ибо проверял наличие «хвоста» не единожды, но…

Херовое место выбрал заказчик для закладки груза, очень херовое. Сердце неспокойно, давно уже такого не ощущал… Как же хочется «вмазаться»…

«Начинается посадка на электропоезд до Мурома! Посадка производится на пути номер семь…!», — выщепил он нужное сообщение, в практически непрекращающемся гуле ему подобных и встав из-за стола, направился на выход из забегаловки

Позже.

Поезд мягко «лягнулся», тронувшись с места, и «Доктор», наконец, расслабился (ну, насколько может расслабиться человек, целый день страдающий похмельем и ощущающий «ломку»).

Несмотря на праздничный вечер, этот «муромский» поезд был забит практически битком, и рядом с ним, в закутке возле туалета, сидели еще двое. Какая-то бабка, с кошелкой и с тележкой. И студенточка, что-то читавшая с экрана своей виртуальной книги, ровесница Люськи. Только, в отличие от любовницы, студенточка эта совсем не потасканного вида и без следов употребления «хмурого» на лице…

И глядя сейчас на эту деваху у «Доктора», как говорится, «задымился шишак» и он представил себе все те штуки, которые мог бы с ней проделать, уединись они в туалете этого поезда… От

подобных мыслей, его даже «ломка» стала меньше мучить. А почему бы, собственно, и не попытаться? А, вдруг?! И когда она случайно пересеклась с ним взглядом, он, улыбнувшись, сказал:

— Привет!

Однако, вместо ответной ласковой улыбки, на физиономии девицы появилось выражение такой брезгливости, что…

Она, закатив глаза, вставила в свои уши «затычки» наушников, продолжив чтение, и более не обращала на него своего внимания. «Доктору» стало обидно. Очень.

Сука! — подумал он

— Ишь, чего удумал, старый похотливых козел! — начала шипеть бабка, сидевшая рядом, — Свои седые мундя решил к девице пристроить…

«Доктор» глубоко вдохнул и проигнорировал злобную бабку. Достав видеофон, взглянул на дисплей. Еще около двух часов и его заказ будет выполнен… Два часа…

А затем, вновь посмотрел на девицу. И снова на видеофон…

Видеофон, записанный на имя «Штыря», и купленный им для «Доктора» за две дозы «хмурого», специально для подобной работы. Много лет назад это было. От аппарата этого нужно было бы уже давным-давно избавиться, но…

Он снова посмотрел на девицу, и на него нахлынула натуральная злоба.

Уж «Штырь»-то точно знал, как вести себя с подобными бабами! Ибо был не только наркоманом со стажем, но и серийным насильником, много лет подряд безнаказанно терзавшим своих жертв. Жертвы изнасилования в полицию обычно не заявляют, ибо это — гарантированная потеря репутации, и «Штырь» этим пользовался в полный рост. И все бы у «Штыря» было бы хорошо (настолько, насколько все может быть хорошо у подобного персонажа) и по сей день, не наскучь ему обыкновенные бабы.

Он решил «попробовать» «знатную» барышню. И ведь каким-то макаром «попробовал»…, но об этом, к его несчастью, прознали ее родственники, которые, как кое-кто утверждал, вместо того, чтобы заявить на насильника в полицию, нашли «Штыря» и недолго думая, закопали в сырую землицу живьем. Причем в прямом смысле слова. И «Доктор» склонен в это верить, ибо «Штырь» внезапно и бесследно пропал…

Полиция «Штыря» не разыскивала. Родных, которым такой занятный персонаж был бы интересен и нужен, у него тоже не имелось. Нет человека, и никогда не было! А это значит, что видеофон «Доктора», купленный на имя «Штыря», стал поистине бесценным артефактом.

На одной из остановок, девица вышла из вагона (и даже не взглянула на него, сука!), а ее место занял тип с несимпатичной рожей (впрочем, справедливости ради, «Доктор» вполне ясно осознавал и то, что его собственная рожа ничем не краше, скорее даже, наоборот…)

Позже.

«Нарк вышел на Гусе-Хрустальном».

«Принято. Берем на сопровождение».

«Доктор», выйдя из вагона на перрон (билет он купил, на всякий случай, аж до самого Мурома, выскочив в последний момент на «Гусе»), и поежившись от холода и «ломки», огляделся, после чего, быстрым шагом направился в сторону вокзала. Его интересовали камеры хранения. Вернее, одна из них, та, что под номером 37.

«Внимание, нарк доставляет посылку!».

«Принято».

В последний раз оглядевшись у камеры хранения (народу вокруг было полно и все были заняты своими делами), «Доктор» засунул руку (одетую вновь в целлофановый пакет) в потайной карман за пазухой и одним быстрым движением закинул «бабки» заказчика в ячейку, после чего, захлопнул дверцу и внеся плату, ввел оговоренный заранее код. Затем, выйдя из здания железнодорожного вокзала на улицу, и закурив, отправил заказчику сообщение:

«Ваш заказ доставлен».

А докурив, быстрым шагом направился к железнодорожным кассам.

«Нарк произвел закладку груза в ячейку камеры хранения номер 37, это подтверждено данными объективного контроля, ошибки быть не может».

«Принято. Нарка оставляйте на сопровождении до того момента, пока он не покинет «Гуся». 37 ячейку на контроль. Контрслежка?».

«Принято. Возможно, тут один нервный тип сидит, делает вид, что читает. Вероятно, заказчик. Высылаю виртуальные изображения».

«Принято».

Около часа спустя.

Худощавый юноша, на вид, двадцати с чем-то лет, сидевший невдалеке от камер хранения, в ячейке одной из которых «Доктор» оставил свой груз, и делавший вид, что что-то читал с экрана своего видеофона, встал и быстрым шагом направился к этим самым камерам.

Все, в итоге, получилось ровно так, как планировал! —

подумал он, изрядно нервничая и набирая на сенсорном дисплее известный ему код от ячейки номер 37, которая с характерным щелчком отворила свою дверцу.

«Внимание! За посылкой пришли. Это тот же тип, о котором докладывал ранее. Отправляю виртуальные изображения получателя. Берем его на сопровождение».

«Принято. В сопровождении нет надобности. Цель достигнута. Наблюдение со всех объектов снять. Хорошо поработали, свою премию получите обычным порядком».

«Принято».

Быстро оглядевшись по сторонам и убедившись в том, что за ним никто не наблюдает, юноша осмотрел содержимое ячейки.

Деньги! Сотенные купюры, плюс еще несколько, номиналом в один, два и десять рублей, соответственно.

Быстро собрав деньги и сунув их в верхний карман своей зимней куртки, юноша направился в направлении выхода из здания вокзала.

— Легкие деньги! — тихим шепотом сказал он самому себе и улыбнулся, правда улыбка вышла слегка нервозная, — Спасибо моему маленькому чудн**о**му спонсору…

Юноша хорошо понимал, что бесхарактерная богатенькая барышня не станет ерепениться, рискуя собственной репутацией, и просто будет от него откупаться. В конце концов, что для нее те деньги? Так, мелочь… А для него — это огромные средства!

Единственное, что ему крайне не понравилось — так это ее категорический отказ (а отказов от нее он не ждал!) проделывать на камеру разные штуки со своей «щёлкой», а без этого потом будет сложнее…ну да, ладно, будет еще время «поработать» с ней как следует. Никуда она уже не денется…

— Нужно Лизке цветов купить, — вслух произнес он, заметив работающий цветочный киоск и направился к нему

02 января 2020 года, Имение Семьи Кайи, кабинет Хозяина, утро.

По окончанию утреннего виртуального оперативного совещания с руководством предприятий, в дверь кабинета легонько постучали.

— Войдите, — разрешил Хозяин кабинета и нынешний глава службы безопасности Филатовых вошел в помещение

— Доброе утро, барин, — поздоровался он с Хозяином, и с характерной для военного походкой, направился вглубь кабинета, к столу, за которым сидел Игорь Филатов

— Доброе, — ответил тот, и не торопясь поднялся из своего кресла, протягивая руку вошедшему, которую тот пожал, — присаживайся, пожалуйста

— Анечка, — проговорил Хозяин в свой «умный» браслет, — будь добра мне кофе и чай для Николая Семеновича

— Конечно, Игорь Владимирович, одну минутку, пожалуйста! — ответила секретарь

И уже через минуту за секретарем закрылась дверь, а перед мужчинами стояли чашки с кофе и с чаем, плюс две небольшие корзинки с печеньем.

— Есть нечто, требующее моего немедленного внимания? — поинтересовался Хозяин

— Есть. И не мало, — ответил Николай Семенович, открывая принесенную с собой папку

Минут сорок спустя.

— …и еще, о **той самой** небольшой проблеме, — сказал Николай Семенович, закрывая свою папку

— Удалось что-то выяснить? — спросил Хозяин

— Информация, полученная от барышни, подтвердилась. Шантажистом, по крайней мере одним из, является некто Ткачев Роман Владимирович, двадцати четырех лет, аспирант Владимирского Технического Института. Зарегистрирован по тому же адресу, где расположена точка доступа, через которую подключался к Сети шантажист. Судя по всему, состоит в отношениях с дочерью хозяйки квартиры, на имя которой и зарегистрирована точка доступа. Именно он, сегодняшней ночью, и забирал деньги, полученные от Ляпиной Ии с помощью шантажа, из камеры хранения на вокзале в Гусе-Хрустальном

— Тезка нашего Ромы, значит… А из Москвы, кто привез деньги на этот самый вокзал? — поинтересовался Хозяин

— Наркоман, промышляющий перевозками всякого, — ответил глава службы безопасности

— Он может быть в курсе происходящего? — уточнил Хозяин

— Нет, это всего лишь курьер. Однако, он, теоретически, мог увидеть барышню, выходившую из того здания, где она оставила деньги, и…, — ответил Николай Семенович

— Теоретически, значит…, — постучал пальцами по столешнице Хозяин и отдал распоряжение, — разберись, пожалуйста, со **всем** этим. Я обещал дочери, что у ее подруги более не возникнет проблем с **этим**… Так что их у нее больше быть не должно. Как все будет сделано, доложи мне

— Как скажите, барин, — ответил Николай Семенович и поднялся со своего места

05 января 2020, Владимирская губерния, город Гусь-Хрустальный, дом 13 по ул. Березовая аллея, квартира номер 57, около восьми вечера. Кухня.

На кухонной столешнице, одетая лишь в футболку, сидела

молоденькая девушка, руками обхватившая шею худощавого юноши, одетого в носки и часы, и который, в данный момент совершал фрикции, находясь меж ее ног. Короче говоря, парочка занималась тем, чем и должна была заниматься молодая парочка, во время отсутствие родителей (хозяйка квартиры, матушка этой девушки, была сегодня на «сутках» в больнице, ибо работала в ней старшей медсестрой). В кухне раздавались лишь характерные для происходящего звуки.

— Все, Лиз! — вскрикнул юноша, резко отстранившись от подруги

— Маловато будет! — скорчила девушка деланно расстроенную моську, и взяв «испаритель», затянулась, выпуская, затем, облако пара, пахнущего клубникой, — Ром, я решительно требую продолжения!

— Само собой, любимая, — ответил тот, торопливо снимая презерватив и вытирая «прибор» салфеткой, после чего, выкинув оба использованных расходных предмета, достал из холодильника бутылку пива, и жадно принялся пить

— А мне пива? — расстроенным тоном спросила подруга, выпуская очередное облачко пара

Не говоря ни слова, юноша достал из холодильника еще бутылку, и открыв ее, передал подруге.

— Спасибо, — ответила та, прикладываясь к горлышку

Утолив жажду, она вновь взяла «испаритель» и поинтересовалась (уже безо всякого игривого тона в голосе):

— Любимый, ты мне так и не рассказал, откуда у тебя те деньги?

— Лиза…, — выдохнул юноша, начиная раздражаться, ибо, отвечая на этот вопрос, ему придется врать, а Лиза, даром что ей всего семнадцать, всегда прекрасно понимала, когда он говорит правду, а когда нет…

Рассказать ей правду о происхождении денег, он, разумеется, никак не мог, ибо его подруга — добрейшей души человек, и всегда «за все хорошее, против всего плохого». И узнай она о том, что деньги эти он добыл путем шантажа богатенькой барышни, и всё… На этом их отношения однозначно будут окончены! А он категорически не хотел их заканчивать!

К его счастью, ложь говорить не пришлось, ибо в дверь позвонили…

— Это доставка…, — сказал Рома и торопливо принялся натягивать треники и футболку, схватив их со стула

— Доставка? — удивленно поинтересовалась Лиза

— Да, я заказал из ресторана для нас ужин…, — ответил юноша и взглянув на часы, добавил, — но они что-то рановато…

Я сейчас!

— Рома? — громко крикнула она, когда через полминутки в коридоре послышалась какая-то возня

Ее друг не ответил, но буквально в следующий же миг, на кухню вломились трое каких-то незнакомых мужчин, толкая перед собой ее Романа, онемевшего от страха.

— Ай! — вскрикнула она, внезапно осознав, что сидит на столешнице в одной лишь футболке и эти мужчины видят то, чего видеть им никак не следует!

Лиза, спрыгнув со столешницы, забилась в угол кухни, усевшись таким образом, чтобы незваным гостям **там** было ничего не видать.

— Чего вам нужно? — гораздо более высоким голосом, чем бы ему самому хотелось, спросил, более-менее пришедший в себя Рома, вставая в боксерскую стойку (ну, по крайней мере, попытался) и заслоняя собой подругу, — Убирайтесь вон из квартиры!

Однако, вместо того, чтобы послушаться его и убраться вон, один из троих незваных гостей (на всех на них были надеты бахилы, перчатки и какие-то шапочки, как у хирургов), самый старший, на вид, сделал шаг ему навстречу и нанес короткий, но сильный удар под дых. Рома, задохнувшись, упал на пол.

— Ну что, Роман Владимирович, или к вам лучше обращаться «никому не нужный»? Восстание боксеров окончено?

— Не слушай их, Лиз…, — сумел прошептать Рома

— Зачем вы мучаете моего Рому?! Чего вам нужно? — заикаясь спросила Лиза, — В нашем доме нет ничего особенно ценного…

— Ваши ценности, девица, нам совершенно без надобности. Мы не затем пришли. У нашего друга, — тот тип, что ударил Рому, кивнул на своего товарища, — сегодня День Рождения…

— Ппоздравляю, — Лиза каким-то образом смогла даже выдавить из себя улыбку, хоть и весьма безрадостную

— Ну, а какой же праздник-то без музыки? — улыбнувшись ей, продолжил все тот же тип

— Музыка…музыка в комнате, — произнесла Лиза

— Ну, тогда нам всем нужно проследовать в комнату… вставайте, оба! — приказал незваный гость

— А…не могли бы вы отвернуться? — тихонько спросила Лиза

— Нет, не могли бы. Вставайте, девица, не заставляйте меня повторять дважды, — с неприятной улыбочкой ответил он

И Лиза, завороженно глядя, как кролик на удава, на этого мужчину, встала и пытаясь прикрыть руками наготу своей нижней

части тела, направилась в комнату. Так стыдно и страшно ей до сего момента еще не бывало… И она заплакала.

— Сволочи, — тихим голосом сказал Рома

— Ну, а ты чего разлегся? Особое приглашение нужно? Вставай, давай…»никому не нужный»!

В комнате.

— Можно я оденусь…? — застенчиво начала Лиза

— Нельзя! — перебил ее мужчина, — На диван, быстро!

— Сейчас придут люди из ресторана…, — начал было юноша, но…

— Не, придут, не беспокойся об этом! — «успокоил» его один из визитеров

— Что вы собрались с ней делать…? — вновь воскликнул Рома, и его вновь ударили под дых, и он вновь оказался на полу

В комнате на мгновение воцарилась тишина.

— Давай, — сказал главный тип, — только не переусердствуй, все должно быть сделано так, слово это он…

Главарь этого трио кивнул на Рому.

— Само собой, — ответил ему «коллега», громко включив музыку, и достав из своей сумки какой-то металлический прут, подошел к дивану, на котором сидела, поджав ноги, Лиза

— Девица, посмотри, пожалуйста вооон туда, — сказал мужчина на ухо Лизе, указав взглядом в нужном направлении

И Лиза послушно перевела взор на указанное место. И в этот самый момент, мужчина ударил ее своим металлическим прутом в висок…

Лиза кулем свалилась на диван, сознание моментально оставило ее. Лишь только руки и ноги дергались, словно у припадочной, а мужчина, будто заводской станок, продолжал наносить ей удар за ударом. По голове, по телу…

— Всё, — через некоторое время, заявил убийца своему начальству и сделал музыку тише

— Вы. вы…вы…, — широко раскрыв глаза, начал Роман, глядя на то, что эти нелюди сделали с его любимой, — вы…Лиза была…она…она была такой…доброй…она…она и мухи не…не обидела…а вы…вы убили ее…вы…

А затем, зарыдал.

— Нет, Роман Владимирович, нет…, — ответил главный из этого трио убийц, и потрепал парня по плечу, — Не нужно все это сваливать на нас! Это ты! Это ты сам, своими собственными руками, убил любимую девушку!

Глава 68

От этих слов Роман дернулся, словно от пощёчины, и перестав рыдать, упер взор своих покрасневших глаз в пол.

— Это…это все из-за той барышни? — тихо спросил он

— Верно, — так же тихо подтвердил главарь

— И что теперь будет? Что, убьете меня также…как Лизу? — спросил он, вытирая предплечьем слезы с глаз, а затем, уголок его губ задергался в судороге, — Не…не надо, пожалуйста! Я…я никому и ни о чем не расскажу, честно! Нельзя же вот так запросто убивать людей…это неправильно!

— Рома, в конце концов, все будет зависеть от твоего желания «по-хорошему» сотрудничать с нами…, — ответил главарь, присев на корточки рядом

— Я согласен на все! Сделаю все! Все, что вы скажите! Только не убивайте, пожалуйста! — тут же воскликнул Рома, и ему было абсолютно плевать на то, насколько жалким он сейчас выглядит со стороны, ибо очень хотелось жить, и совершенно не хотелось разделить участь Лизы…подругу, конечно, жаль, но ей уже все равно не помочь, а жизнь ведь продолжается…

— Виртуальные изображения Ляпиной Ии, где они? — ровным тоном поинтересовался главарь

— ВЭМ…, — не стал отнекиваться Рома, понимая, что это абсолютно бессмысленно и кивнул на стол, где лежало устройство

— Ну? Чего ждешь? — нетерпеливо продолжил главарь, выразительно посмотрев на устройство

Роман, поднявшись с пола и подойдя к письменному столу, взял ВЭМ, после чего, вновь усевшись на пол, включил устройство, открыв нужную директорию, защищенную паролем (дабы Лиза случайно не наткнулась на то, чего ей видеть совершенно не полагалось).

— Здесь все то, что вы ищите, — сказал он, вытирая глаза

— И больше нигде и ничего? — поинтересовался главный из пришедшего трио

— Нигде и ничего! — истерично взвизгнул в ответ Роман

— Ну-ну, не надо так эмоционально реагировать, — вновь потрепал его по плечу тот и обратился к убийце Лизы, — зачисти ВЭМ

Тот, молча забрав у Ромы устройство, подключил к нему свой портативный накопитель, после чего, начал производить некие манипуляции.

— Не должно остаться никаких следов постороннего

вмешательства…, — напомнил ему главный, и убийца, занятый своим делом, лишь кивнул, мол, в курсе

Некоторое время спустя.

— Все! — доложил подчиненный своему начальству, — Удалено без возможности восстановления.

— Это точно все? — поинтересовался главный

— Да, — ответил тот, — поиск ничего не дал. Теперь на этой ВЭМ нет никаких следов того, что мы искали

— Хорошо, — ответил главный и вновь обратился к Роману, который все то время, что убийца занимался его ВЭМ, сидел в прострации, раскачиваясь взад-вперед, — деньги, полученные от барышни, где они?

— Во внутреннем кармане моей куртки, — безразличным тоном ответил юноша, — но небольшую часть я уже потратил…

— Проверь…, — приказал главный другому своему подручному, стоявшему до сего момента без дела, — Ну, а теперь, Роман, поведай мне, да без утайки, как отцу родному, а то, сам понимаешь…

— Что? Чего вы хотите знать?! — встрепенулся Рома

— «Нулевой этаж». Кто еще состоит в этой твоей шайке? — спросил главарь

— Никого из ребят в реальной жизни я не знаю…, — прошептал в ответ Рома

— Не знаешь членов своей же банды? — удивленно поднял бровь главный

— Мы не банда…, — на «автомате» ответил юноша, — Знаем друг друга исключительно в Сети. Никаких имен, никаких адресов, никаких виртуальных изображений друг друга…

— Хорошо, я понял, — главарь остановил словесный поток, — как ты с ними связываешься?

В этот момент вернулся тип, ушедший за деньгами. Он молча отдал главарю найденные купюры, которые тот, быстро пересчитав, убрал во внутренний карман.

— В прихожей… В моем портфеле лежит большая записная книжка, с котом на обложке, там есть все нужные вам контакты, но…, — ответил Рома

Типчик, что ходил за деньгами, не дожидаясь приказа направился в прихожую.

— Но? — поинтересовался главный из этой банды убийц

— Никто из них не знает про Ляпину и…про все остальное, ведь, чем меньше народа в курсе происходящего, тем ниже вероятность попасться…, — тут он улыбнулся улыбкой, которая к веселью не имела никакого отношения, — Да и их помощь в этом деле мне была без надобности, так что, зачем делиться…?

Юноша пожал плечами.

— Хочешь сказать, что «подарки» в устройства барышни тоже ты внедрил? Я точно знаю, что это было сделано кем-то из тех, кто имел физический доступ к ее устройствам, так что не ври мне…, — старший гость крепко схватил юношу за шею

— Нет, не сам…, — захрипев, замотал головой Рома, и после того, как его отпустили, вновь уткнулся взглядом в пол, замолкнув на некоторое время, прежде чем продолжить, — Моя двоюродная тетушка работает в доме барышни… То ли горничной, то ли кем-то еще, точно не помню …

— Это она внедрила те «подарки»? — тут же уточнил гость

— Она…, — хриплым шёпотом ответил Роман, которому категорически не хотелось ввязывать во все это дело еще и тетушку, но…, — я дал ей накопитель с нужными приложениями, который она должна была подключить к устройствам барышни и…

— Как зовут твою тетку? — продолжил спрашивать старший из визитеров

— Софрина…Анжела Михайловна, — не поднимая взора ответил юноша

— У нее есть виртуальные изображения барышни Ляпиной, подобные тем? — задал следующий вопрос главарь, кивнув на ВЭМ

— Нет, конечно! Откуда? — энергично замотал головой Рома, — Она лишь делала то, что велел я, внедрив приложения на устройства хозяйской дочки

— Твоя тетка — это она главный вдохновитель и организатор? — спросил главный

— Не совсем… Просто тетушка как-то однажды при мне обмолвилась о том, что младшая из хозяйских дочек — бесхарактерная размазня, и будущий муж, будет вертеть ей, как вздумается. И что, мол, ей не понятно, как такое могло вырасти в подобной Семье…ну, а мне, уже затем, пришла в голову идея слегка «постричь» эту барышню, а деньги…тетушке я обещал четверть от тех сумм, что будет передавать барышня, — переведя взор на тело подруги, а затем, вновь уставившись на пол, Рома добавил, — Неудачная была идея

— Крайне неудачная! — согласился главарь, после чего, скомандовал, — Возьми в руки!

Убийца Лизы передал Роману металлический прут.

— А теперь брось его на пол! — и Рома торопливое сделал то, что было велено, ибо испачкался Лизиной кровью, от чего (а также от страха) его сильно мутило, — Где там его записная книжка?

Тип, державший цветастую записную книжку в руке, не говоря ни слова передал ее главарю.

Главарь всего трио, быстро пролистав записную книжку, обнаружил два заполненных листа, на одном из которых нашлись разнообразные контакты. Вырвал оба эти листа и аккуратно сложив, он убрал их в карман.

— Значит так, Роман, садись за стол и бери ручку — сказал главарь, взглядом указав на многочисленные ручки и карандаши, стоявшие в розовой подставке, в виде ежика, на письменном столе Лизы

Юноша безропотно подчинился.

— Вот тебе твоя записная книжка, пиши…, — продолжил главный и положив на стол перед юношей записную книжку, принялся диктовать

Юноша, едва услышав то, что он должен писать, впал в ступор, а затем…

— Вы! — взвизгнул юноша, — Вы же обещали, что…

Главарь, стоявший рядом с ним, вновь схватил Рому за шею.

— Я обещал, — ответил он, чеканя каждый слог, — подумать над тем, как с тобой поступить, если ты добровольно станешь сотрудничать. И ты сотрудничал, а поэтому… Роман, я не буду тебя обманывать, говоря, будто бы ты останешься в мире живых. Увы, но таких вариантов для тебя нет…

И едва эти слова были произнесены вслух, как юноша обмяк.

— Ну, Роман, ты это брось! Чай не кисейная барышня, так что, давай без вот этого! — заявил главарь, ударив несколько раз юношу по щекам, и приводя его в чувства, а убедившись в том, что тот более-менее очухался, продолжил, — Ты сотрудничал, и поэтому, я решил дать тебе возможность выбора. Ты же не глупый вроде бы человек и должен понимать, что за те художества, которые ты позволил себе в отношении барышни Ляпиной, и это тоже был твой собственный выбор, единственное, что тебя ожидает в случае чего — страшная и мучительная смерть от рук ее родственников…

Юноша, шмыгнув носом и утерев слезы, молча кивнул. Конечно, он все это понимал! Но был уверен наверняка, что та бесхребетная богатенькая кукла никому и ни о чем не расскажет… Но, как же все так вышло-то?

— Ее родственники сломали бы тебе все кости. Отрезали бы все то, что возможно отрезать человеку. И закопали бы там, где твоих останков никто и никогда не нашел…

Тело юноши начало сотрясать от рыданий. Стыдно, конечно, но с этим ничего не поделать, ибо вся эта ситуация уже давным-давно далеко вышла за пределы его выдержки и мужества.

— Но, к твоему счастью — мы не ее родственники. И так, как ты не стал лепить перед нами горбатого, я не желаю твоих мучений, и предлагаю тебе выбор: «уйти» легко, быстро и практически безболезненно, или… Роман, ты сам начал эту неинтересную игру, ставкой в которой была жизнь твоей любимой и твоя собственная. Сам! Это был твой осознанный выбор. Никто и ничто, кроме твоей алчности, не заставлял тебя совершать то, что ты в итоге совершил. Ты сыграл в эту игру, и ты проиграл. Ну, а теперь, для тебя просто настало время платить за сделанный выбор. Так что, выбирай, Роман, или-или, меня устроит любой твой выбор, хотя, как уже говорил, я предпочел бы тебя не мучить, мне подобное неприятно, честно слово. И ежели ты решишь не омрачать последние минуты своей жизни невыносимыми страданиями, то просто возьми ручку, но поторопись, времени на твое раздумье у нас нет!

И юноша решил… «Зависнув» буквально на десяток секунд, он, роняя капли слез на разлинованные листы записной книжки, взял в руку ручку.

— Ты сделал правильный выбор, Роман, правильный! — похвалил его главарь, — А теперь, пиши!

«Я не хотел! Я не хотел убивать ее…!», — юноша, окончательно поняв, что никто и не думает с ним шутить, и это на самом деле все, весьма долго выводил каждую корявую букву своей…предсмертной записки. Главный его не подгонял.

Как забавно, — подумал тот, кого в Коммуникационной Сети, а также среди определенного рода «контингента», знали под псевдонимом «Никому не нужный», — я столько времени «убил» просто так, на всякую ерунду, а теперь, стараюсь выгадать еще хотя бы лишнюю секунду…

Как обидно, что время никак нельзя обратить вспять. Но гораздо обиднее то, что поддался тогда своему искушению срубить по-легкому «бабок», а ведь, в конечном итоге, эти деньги оказались самыми дорогими…

Несколько минут спустя.

Записка была уже написана, а люстра снята, и на ее месте болталась веревка, с петлей на конце, рядом с которой стоял белый металлический стул, с высокой спинкой, принесенный кем-то из банды убийц с кухни.

— Вставай…, — сказал, сидевшему за столом и дрожавшему юноше, главный из трио, слегка постучав по столу костяшками пальцев

— Что…? Уже…? Пора…? — безжизненным тоном спросил тот, «вернувшись в себя»

— Да, Роман…пора платить за сделанный тобой выбор, —

ответил главный

Юноша, встал из кресла, и как сомнамбула сделал шаг в указанном направлении. Он не сопротивлялся. Не кричал. Не молил о пощаде. Он уже смирился…, и сейчас, идя к своему эшафоту, остановился лишь на мгновение, дабы в последний раз взглянуть на мертвое тело любимой, лежавшее на диване.

«Лизонька, прости меня, пожалуйста» — отрешенно подумал он и сделал следующий шаг.

Далее, он молча поднялся на стул, вставая на его край как велели, и не сопротивлялся, когда на его шею надевали петлю.

Он просто стоял и смотрел прямо. В никуда.

— Можно последний вопрос? — безразличным тоном поинтересовался он

— Можно, — разрешил главный

— Как…? — односложно спросил юноша

— Друг пришел на помощь…, — ответил главный, после чего, скомандовал, — Давай!

Убийца Лизы сильно дернул за спинку стула, лишая тем самым юношу опоры под ногами.

Главный все-таки сказал неправду. «Уйти» легко, быстро и без мучений у Ромы не получилось…

— Проверьте, чтобы все выглядело естественно и у следствия не осталось вопросов, — распорядился главный, когда убийца должным образом клал стул, рядом с еще подергивающемся в конвульсиях, но уже безжизненным телом юноши, на темных штанах которого быстро росло в размерах влажное пятно

Поместье Семьи Кайи, главное здание, зимний сад, тем же вечером.

— С основным закончено, — доложил глава службы безопасности Семьи, — а все компрометирующие барышню материалы были уничтожены. Что до того наркомана, то сейчас выясняем его фактический адрес проживания, но…

— А другие участники? — поинтересовался Филатов Игорь, глядя в окно на вечерний пейзаж теперь уже своего Имения

— Члены так называемого «Нулевого этажа», Сетевой банды, которую сколотил шантажист, были не в курсе самодеятельности своего, так сказать, начальства…это точно, — быстро добавил Николай Семенович, заметив в глазах своего собственного начальства невысказанный вопрос, — но, барин, если вы желаете, то…

— Не нужно. Если у них нет никакой возможности шантажировать подругу моей старшей дочери, то и черт с ними. Передашь Роме их контакты, эти голубчики проходят по его ведомству, и он сам определит их куда следует. Еще что-то? —

поинтересовался Игорь Филатов

— Шантажиста на барышню навела его двоюродная тетка, работающая в доме Ляпиных помощницей экономки, — доложил глава службы безопасности

— Происки конкурентов Семьи барышни или алчность человеческая? — уточнил Хозяин, — Не думаю, что домашний персонал в той Семье зарабатывает настолько мало, чтобы идти на такой откровенный риск

— Алчность, барин…, — пожав плечами, ответил Николай Семенович, — Для некоторых людей денег много не бывает… Что прикажете на ее счет?

— Если, Николай Семенович, ты утверждаешь, что все материалы были уничтожены, то…ничего. Свое обещание, данное дочери, я выполнил, а с собственным домашним персоналом барышня Ляпина пускай сама разбирается…на это дело, итак, ушло немало моего времени, которого в обрез

— Я понял, барин, — ответил Хозяину собеседник

Тем же вечером. Позже. Большой спортивный зал в главном здании Имения.

— Слушай, Ром, у меня к тебе есть просьба, — негромко сказал Хозяин, своему незаконнорожденному брату и спарринг-партнеру, снимая перчатки и полотенцем утирая с лица пот, — нужно будет проконтролировать ход одного дела, так на всякий случай…

— Как скажешь, Игорь, — ответил тот

— Опять меня поколотил, зараза…

6 января 2020 года, позднее утро.

«Доктора» разбудил звук вызова видеофона. Открыв глаза, он с трудом сел. Его мутило и страшно болела голова.

— Люсь! — охрипшим голосом позвал он, а затем, когда та не ответила, повернув голову, посмотрел на кровать, любовницы там не было…

— Люсь! — уже во всю глотку заорал он, от чего головная боль стала нестерпимой и «Доктор», трясущимися руками, взял с прикроватной тумбочки бутылку воды

Вновь раздался сигнал вызова видеофона.

Люська не отвечала, видимо с утра свинтила куда-то, зараза, — подумал «Доктор», и закурив, взял в руки видеофон.

— О, бля, наконец-то! — услышал он голос кореша, приняв звонок, — Здорова, «Док», ты чего не отвечал-то?

«Доктор» глубоко затянулся сигаретой и с трудом успокоился, дабы не вызвериться.

— Здорова, — просто ответил он, — Спал я, чё хотел?

— Ну, тут это…помнишь типчика того, с депрессивной

«погремухой». Ну, которому ты еще груз в «Гуся» возил? — торопливо спросил кореш, — «Никому не нужный», во!

— Допустим, — ответил «Доктор»

— Ну, так это, он то ли сам того, то ли ему кто-то помог, хрен знает…, — начал было кореш

— Я здесь причем? — перебил его «Доктор», моментально забывший про свою головную боль и затушивший в пепельнице сигарету

— Ну…меня тут попросили выяснить…, — продолжил собеседник, но вновь был перебит «Доктором»

— Ничего не знаю! Ты же в курсе того, как я работаю! Забрал, отвез, оставил! Всё, больше ничего!

— Но…, — начал было кореш

— Слушай, мне сейчас некогда! Перезвоню позже, давай! — сказал «Доктор» и закончил разговор, вытащив из видеофона батарею

Спокойно он стоял буквально несколько секунд, после чего, взлохматив рукой волосы, кинулся в кладовку, на бегу отмечая, что Люськи дома точно не было. Ускакала, коза, куда-то… Но и слава Богу!

Достав свой старый рюкзак, все так же бегом метнулся обратно в комнату, и принялся торопливо собирать самые необходимые вещи.

— Так и знал, блядь! — громко сказал он, стоя на полу на карачках и открывая тайник, из которого достал небольшую сумму скопленных «бабок», а также неприкосновенный запас «хмурого», со шприцами, припасенный как раз на подобный случай

Ну, может пронесет, а? Я-то ведь только бегунок…, — подумал он, — Нееет! Херня это! Чуйка орала тогда, но он не послушал ее, кретин! И сейчас орет: «валить, надо, валить!»! Ничего не пронесет… Срочно валить от сюда надо! На некоторое время, по крайней мере… Этот «Никому не нужный» сам себя? Да хрен там был!

Собрав шмотье, и одевшись, «Доктор» задумался. Куда ему собственно валить-то?

— Если та старуха еще жива, она точно приютит, — самому себе вслух сказал «Доктор» и закинув рюкзак на плечи, быстрым шагом пошел на веранду.

На Смоленщине, в одной из местных деревень, живет старуха, мать его старинного кореша, который помер уже много лет тому назад. Старухе этой он иногда помогал материально, и что самое главное, никто про нее ничего не знает. А раз никто не знает, то и искать там не станет… Несколько месяцев перекантуюсь у нее и

все будет хорошо, хотя с «хмурым» будет напряженка, и Люськи там не будет. Да и хрен с ней, с Люськой с этой!

Выйдя на веранду и торопливо надев высокие ботинки и шапку, «Доктор» присел на дорожку, а затем, открыл входную дверь, и…

— Ну, здорова, «Доктор»! Далеко собрался? — на пороге его веранды стояли двое, и еще одного «Доктор» заприметил стоящим около угла хаты.

Все трое были одеты в одинаковую форму лесной стражи, но на лесничих были совершенно не похожи…

И «Доктору» гости эти совершенно не понравились. Никакие это не лесничие! Душегубы они…вот на это он был готов поставить свой самый последний рубль. Ноги стали ватными…

— Я что, где-то елочку срубил без разрешения? — с бешено колотящимся сердцем спросил «Доктор»

— Не совсем, — криво улыбнулись ему «гости» дорогие и без приглашения вошли внутрь

— Всё? — спросил «Доктор», снимая с плеч рюкзак и исподлобья смотря на визитеров

— Всё! — согласился с ним старший из этой парочки

Хорошо, что Люськи дома нет! — промелькнула в голове у «Доктора» мысль, — Погубил бы девку…

— Не мучайте хоть…, — с хрипотцой в голосе попросил «Доктор»

— Не ссы, — «успокоил» его все тот же тип, — уйдешь с кайфом!

* * *

Глава 69

7 января 2020 года, Санкт-Петербург, особняк Семьи Кайи на берегу Невы, около одиннадцати утра.

Утирая плечом со лба пот, бежал на беговой дорожке, ощущая неописуемое удовольствие в ногах, после вчерашнего Рождественского «стояния» в Казанском соборе (сегодня утром, слава Богу, будить меня, настаивая на моем личном присутствии на утренней службе, не стали, видимо, помятуя о том, **что** за мероприятие мне предстоит посетить сегодняшним вечером).

Внезапно в наушниках замолкла музыка, и вместо нее донесся сигнал вызова от видеофона. Перейдя с бега на быстрый шаг, взглянул на дисплей. Звонит Ия.

— Привет, Ия! С Рождеством тебя!

— Привет, Кайа, и тебя с Рождеством, — негромко ответила подруга, все последние дни пребывавшая в подавленном настроении (впрочем, ей было с чего), — я не помешала?

— Нет, конечно! Тем более, я и сама хотела сейчас тебе позвонить, а то, блин, вчера ни минутки свободной не выдалось. Есть новости. Хорошие, — сообщил подруге я.

В ответ, на том конце «провода» раздалось лишь негромкое сопение.

— **Все**, Ия, **все**! Теперь ты можешь быть свободна, словно птица в небесах! А что до того человека, который хотел от тебя сама знаешь чего…что ж, в этой жизни он тебя более не потревожит! Я свое обещание сдержала.

Как и «папаня», который вчера, по пути из Имения в Петербург поведал мне (как-то даже буднично) на ушко жуткую историю о том, что шантажист, как выяснилось, оказался не только редкостным мерзавцем, запугивавшим барышню и вымогавшим у нее наличность, но и вдобавок, подлым душегубом, убившим в приступе безумной ревности собственную подругу. А затем, не желая отвечать перед законом за содеянное, малодушно сведший счеты с жизнью.

Ловко сработано, что сказать (хотя, было бы забавно, случись все именно так, но подобное, конечно, крайне маловероятно)…

А виртуальные изображения Ии? Какие-такие изображения? Их нет и никогда не было…

Интересно, а знала ли подруга шантажиста о его делишках? И поддерживала ли его во всем этом? И если да, то и хрен бы с ней! Получила, как говорится, на все деньги. А если нет? Ежели нет…то врать себе не стану, мне, если честно, все равно (пожалуй, что безразличие — это защитная реакция моей психики

(нет, не моей, Кайи, хотя какая теперь между нами разница?) иначе…иначе я бы уже просто сошел с ума от всего произошедшего). Вся эта печальная история не вызвала во мне никаких эмоций, кроме, пожалуй, облегчения от того, что Ию удалось-таки оперативно «снять с крючка». Жизнь — есть жизнь, и однажды она заканчивается у всех, у кого-то — раньше, у иных — позже. И если, вместо того, чтобы бороться (любыми средствами, и мне, если честно, наплевать, если кто-то думает иначе), когда это необходимо, я буду подвержен излишнему человеколюбию (что с моей стороны было бы сущим лицемерием, учитывая то, какую ужасную роль я сыграл в недавних по-настоящему трагических событиях, для весьма немалого количества людей), то и моя собственная жизнь и жизни дорогих мне людей закончатся, возможно, гораздо раньше, чем могли бы (а я ведь не просто хочу выжить, но и забраться «наверх»…чем «выше», тем лучше, дабы быть кем-то значимым, и сильно сомневаюсь, что Вселенная устелет для меня этот путь лепестками роз). Нравится ли мне такое положение дел или же нет, никого не волнует — это просто факт. Так что, чего кочевряжиться, строя из себя «хорошего», порядочного и совестливого человека? Я тварь. Я сволочь. Но у Вселенной иных ролей для меня нет. Единственное, что меня теперь по-настоящему занимает — Рождественский прием в доме потенциального любовничка и мой успех там, в смысле добычи необходимого компромата, дабы покончить со всей этой долбанной Семейкой (лучше бы, конечно, в физическом плане, так оно надежнее).

А вообще, забавно это, как быстро слезла вся позолота с моей маски «хорошего, цивилизованного человека» (а ведь я, некоторое время назад, и в самом деле считал себя таковым), когда вопрос встал «ребром». Или — или. И не где-то там, у кого-то абстрактного, а у меня любимого. Быть или не быть. Что за вопрос…?

— Слава Богу! Слава Богу…! — на «той стороне» начались причитания, ввиду облегчения от свалившегося с души булыжника, а минутку спустя, более-менее успокоившись, Ия возбужденным голосом уточнила, — Но это же правда? Это точно все? Нет ли тут какой-нибудь ошибки…?

— Точно! — перебил я подругу, — Все остальное расскажу при личной встрече. И еще кое-что…

— Что? — встрепенулась подруга

— Софрина Анжела — эта женщина ведь работает в вашем доме, верно? — поинтересовался я

— Ну да, работает, — с недоумением в голосе ответила Ия, — она помощница нашей экономки. А ты откуда про нее знаешь?

— Ия, просто сделай так, чтобы у вас она более не работала! — велел подруге я

— Э-то **о-на**…? — «переварив» сказанное мной, по слогам спросила Ия

— Одна из двоих. Да. Но против тебя у нее ничего нет, она лишь делала то, что ей было велено тем человеком, однако…, — ответил я, — В общем, Ия, избавься от нее! А уж как ты это сделаешь — сугубо твое домашнее дело, я в это влезать не имею права, но, уверена, ты справишься.

— Я поняла, я поняла…, вот же сука! Мерзкая предательница! — я впервые услышал ругательства из уст нежной, и более чем тихой и скромной подруги, — Но ты права, Кайа, да… Ты права! Это сугубо мое домашнее дело, и я, будь уверена, с ним разберусь сама…но это точно? Не хотелось бы чтобы пострадал невинный человек.

— Точно, абсолютно, — ответил я.

— Ясно… Я благодарна Господу за то, что он однажды свел наши пути…, — сказала подруга, затем спросив, — Ты же ведь, кстати, вчера в Казанском соборе была, верно?

— Уху, — издал звук согласия я, — и на всенощном бдении с литией и на Божественной литургии…

— Кайа, не нужно говорить подобное столь печальным голосом! Это же здорово! Я тебе так завидую! — отчитала меня Ия, поинтересовавшись — А Государя удалось увидеть?

— Извини, я просто устала. А царская Семья…да, была вчера в соборе, и я даже стояла от них не слишком далеко…, — ответил я

— Здорово… — вздохнула в ответ та

В отличие от памятной приемки линейного корабля, в этот раз все было предельно формально и скучно. Царская Семья совершенно не помпезно прибыла в собор на Рождественскую службу (хоть и с полным соблюдением необходимого протокола), а после, также тихо убыла восвояси (единственно, что Государь позвал на «пару слов» нескольких человек, в числе коих был и «папаня», а «матушка»…«матушки» с нами не было, она осталась в Имении, и вместо нее в Петербург поехала одна из «тетушек», сестра «папани»)

— …я бы тоже хотела своими собственными глазами его увидеть, — мечтательным голосом пробормотала в трубку подруга, — ты же сегодня вернешься?

— Нет, сегодняшним вечером, мне, вместе с отцом и тетушкой, предстоит еще посетить Рождественский прием, который дает один важный для нашей Семьи господин, и на который мы приглашены.

— Это будет…то, о чем ты мне рассказала на Новый Год? Тебя представят твоему…любовнику? — тихим голосом спросила подруга

— Оно, да, только тс-с-с, это пока секрет, — ответил я

— Что ж, в таком случае мне остается лишь пожелать тебе удачи, — сказала Ия

— Спасибо, все будет хорошо! — уверил я подругу

Позже. Около пяти вечера.

— Ты очаровательна, Кайа! От тебя просто невозможно отвести глаз! — сказал «папаша», зайдя в будуар «тетушки» (получив на то разрешение, само собой), в котором последние несколько часов над моей тушкой трудилось множество специалистов по наведению женской красоты, и собственно, наводили на меня эту самую красоту, и приобняв за талию, чувственно чмокнул в щеку, — ты у меня совершенно неотразима…

— Само собой, пап, как гиперзвуковая ракета! — улыбнувшись «отцу» ответил я

— Ну-ну! Таких ракет не будет еще лет пятьдесят, а может и дольше, а вот ты у меня есть уже сейчас! Быть тебе самой красивой барышней предстоящего вечера! — заявил «папаша», нежно погладив по плечу

— Меня это как-то не слишком уж и радует…, — ответил я, отойдя на шаг от «отца» и уперев взор в пол, а затем…, — Хотя…, а с другой стороны, почему бы и не порадоваться, даже если идем мы на этот прием не развлечения ради, а по делу? В конце концов, нужно стараться получать удовольствие даже от того, от чего получить его непросто…

Я перевел взор на зеркало, в котором в полный рост отразилась моя Кайа во всем своем великолепии. Обалденно уложенная вечерняя прическа и вечерний же макияж (не вульгарный, подчеркивающий юность Кайи, с одной стороны и придающий ей немалую толику сексуальности, с другой, если подобное уместно придавать четырнадцатилетней девушке, конечно). Дорогая, отлично сидящая одежда, всегда придает уверенности тому, кто ее носит (и совершенно неважно, мужчина ты или женщина), а на Кайе сейчас было просто бомбическое платье цвета изумруда (интересно, сколько времени обычная Семья, смогла бы жить на те деньги, за которые его пошили?), ради обладания которым, уверен, многие так называемые «светские львицы» пошли бы на убийство (возможно, даже на массовое). Причем выражаясь нефигурально. С одной стороны, оно вроде, как и «макси» (что я и предпочитаю видеть на Кайе),

но с другой, совершенно не чопорное и отлично подходит молодой барышне.

Ну и, конечно, пристойная для барышни «из Филатовых», которая собирается на знаковое светское мероприятие, ювелирка… Кольца (которые, увы и ах, будут спрятаны перчатками, ибо мизинец…), серьги, колье, браслеты. Из «камней», все — сплошь изумруды (подходящие к глазам и платью) и бриллианты.

Все это на Кайе (а значит и на мне!) сейчас выглядит просто сногсшибательно, хотя лично я и не любитель всевозможных побрякушек, но раз уж они есть…

«Кукла! Напыщенная безмозглая кукла!» — наверняка именно так сказали бы завистники, если бы увидели Кайю теперь. Ну что ж, сегодняшним вечером мы и посмотрим, такая ли уж «безмозглая кукла» — Кайа в моем исполнении.

— Мне нравится, что ты **так** на это смотришь, — ответил «отец» и обратившись к сестре, спросил, — Мила, вы уже закончили с приготовлениями?

— Да, Игорь, мы практически уже готовы. Остались кое-какие штрихи, — кивнув, ответила «тетушка».

— Хорошо, тогда я на секундочку украду Кайю, — заявил «папаша» и взяв за руку, вывел меня из будуара своей сестрицы.

— Кайа, — сказал он, закрывая дверь, когда мы вошли в небольшую, аскетично обставленную комнату (здесь были лишь пара диванчиков, да небольшой стол, на котором стояла ваза с цветами), без окон, — ты все это уже знаешь, конечно, но хочу напомнить насколько важно для Семьи получить предстоящие контракты…

— Прекрасно об этом помню, пап, — с полным спокойствием на лике ответил я.

— Я могу понять, что ты совершенного не в восторге от того, что тебя фактически вынуждают становиться любовницей для человека, который на восемнадцать лет старше…он, должно быть, выглядит стариком в твоих глазах…, — начал отец, встав рядом, и беря мою ладошку

— Вот уж вряд ли! Сомневаюсь, что ты понимаешь. Да, и «совсем не в восторге», папа — это столь милое преуменьшение, что… И дело тут даже не в его возрасте, это самое меньшее из того, что меня раздражает в предстоящем «союзе»! — ответил я, глядя на стену, — Какого черта любовницей? И какого черта в четырнадцать лет, папа?! А как же наслаждение юностью?! Сомневаюсь я, что это можно делать, находясь в одной койке с…с садистом! Я ощущаю себя какой-то средневековой героиней печального образа! Какой-нибудь, блин, Ядвигой Польской

(«современная» же Ядвига, кстати, обо мне не забывала, прислав сегодня поздравления с Рождеством)!

— Она, кстати, вышла замуж в двенадцать лет, — издав хмыкающий звук, вставил свои пять копеек, «папаша»

— Ну, у нее хотя бы святая миссия была! В прямом смысле слова! Она замуж выходила, дабы литовских язычников в веру Христову обратить! — натурально возмутился я, — А у меня какая цель? Тьфу! Думаешь согласилась бы она выйти за Ягайло, если бы у Польши была нужда продать литовцам мечи и доспехи, а без ее этого замужества эту сделку было бы не провернуть?

— Думаю, что очень вряд ли…, — пришлось признать «папане»

— Знаешь, пап, я даже всерьез размышляла над тем, чтобы навострить лыжи, — издав хмыкающий звук, я взглянул «папаше» в глаза

— В смысле? Я не запрещаю тебе заниматься зимним спортом…, — не понял «папаша»

— В смысле, сбежать! — пояснил я и отвернулся

— А, понимаю… И верю. И что же тебя остановило? — поинтересовался тот

— Это бы не помогло. Во-первых, меня бы нашли, и скоро, в чем я не так давно убедилась лично, а во-вторых… Впрочем, какой прок от этих «во-вторых», «в третьих» и «в десятых», — вновь повернув голову к «отцу», махнул свободной рукой я

— Ну так что, Кайа, ты будешь вести себя сегодня на приеме так, как я того от тебя ожидаю? Как вся Семья от тебя того ожидает? — спросил «папаша», все также держа меня за руку

— Я…буду, — облизнув пересохшие губы, ответил я

— Ну вот и хорошо, — с облегчением выдохнул «папаша», — а когда отец твоего любовника выйдет в отставку со своего поста, ты будешь вольна расстаться с ним в любой момент, когда посчитаешь нужным, я против не буду. И еще кое-что. Учти, Кайа, **там** друзей у нас практически не будет, особенно среди хозяев вечера, и все сказанные тебе слова на веру не принимай, и душу свою перед хозяевами и их гостями не раскрывай, но будь со всеми вежлива и корректна.

— Буду, папа.

На этом наши «пару слов» окончились, и он, сказав, что со мной еще хочет приватно пообщаться Лера, вышел из комнаты.

И как вскоре выяснилось, со мной хотела поговорить, причем в режиме видеоконференции, вовсе не Лерочка, а «любимая мамочка»…

— Привет, мам! С Рождеством! — сказал я, принимая из Лериных рук видеофон

— С Рождеством, дорогая! — ответил та, удобно устроившись в кровати и кушая ложкой какой-то йогурт, ну, или что-то вроде, — Как твое настроение?

— Мам, тебе что, доставляет удовольствие издеваться над своей бедной приемной дочерью? — поинтересовался я, — Как ты, блин, думаешь, какое у меня может быть настроение, в день, когда я еду знакомиться со своим будущим любовником, коего заочно терпеть не могу?

— Полагаю, что ты в настроении делать самые разнообразные глупости и пакости, — кивнула на мои слова матушку, с удовольствием (аж зажмурилась!) откушав очередную ложечку йогурта.

— Так говоришь, словно, окажись ты на моем месте, сама бы устраивала глупости и пакости…, — сказал я

Та вновь кивнула.

— Я обещала папе, что буду вести себя как должно, — продолжил я.

— Конечно, ты же у меня большая умница! И я тебе помогу сдержать обещание данное Игорю, — таким довольным тоном сказала «мама», что у меня зачесались ладошки

— И как же, мама, ты мне поможешь с этим? — вкрадчивым голосом поинтересовался я.

— Видеофоны, Кайа. Я заберу у тебя видеофоны. Все три. Твой, а также, еще два других…, — еще более довольным голосом, хотя, казалось бы, это уже невозможно, сказала та

— Еще два других? — спросил я.

— Да, Кайюшка, еще два других. Два тех самых, что ты так ловко добыла в школе, — мне показалось, что еще чуть-чуть и она заурчит, словно кошка, глядя на меня.

— Нет у меня никаких других видеофонов, кроме моего…! — чуть истерично ответил я, ибо выглядеть это должно было правдоподобно, ведь, если вот так запросто отдать устройства матушке, она, чего доброго, заподозрит неладное

— Уж не считаешь ли ты, золотце, что твоя мама наивная простачка, которую легко можно обвести вокруг пальца, провернув подобную нехитрую схему? Я, доченька, сама привыкла обводить других вокруг пальца, служба такая. А **те** накопители, кстати, я уже нашла, — поставив пустую посуду на прикроватный столик и устроившись поудобнее, положив щеку на ладошку, сказала «матушка».

— Мама…! — воскликнул я и в уголках моих глаз появились слезы

— Кайа, ты ведь обещала, помнишь! И если потребуется, Лера возьмёт тебя за шкирку и вытрясет эти устройства, — твердым голосом пообещала «мама».

— Мама! — вновь возопил я, — Ты позволишь своей наемной служащей применить ко мне насилие?!

— Если это пойдет на пользу Семейным делам, то да, позволю, — пожала плечами «матушка».

— Ладно, Бог с вами со всеми, — я невесело улыбнулся, — не нужно еще сильнее портить Рождество.

Достав из сумочки требуемые девайсы — бросил их на столик.

— Тебе меня совсем не жаль…мама? — спросил я, отвернувшись от камеры

— Кайа, скажу честно, когда ты была просто дочерью одного из сыновей Главы, который, к тому же, практически не имел шансов стать следующим Главой Семьи, то я хотела саботировать решение нашего Малого Совета относительно тебя. Но теперь, как я уже говорила ранее, когда ты стала дочерью Главы, нравится это твоему будущему любовнику или же нет, но он будет вынужден обращаться с тобой должным образом. Так что у меня нет особых причин беспокоится, ибо у тебя все будет хорошо! Жаль, конечно, что не удалось пристроить тебя в законный брак, да и на несколько лет позже, но такова уж наша доля, что поделать?

— Есть еще что-то, что ты хочешь мне сказать, мама? — раздраженно махнул рукой я

— Нет, на этом все! Будь умницей и слушайся папу! — ответила та и отключилась

Встав с диванчика, и не говоря Лере ни слова, вышел из комнаты, улыбнувшись (но строго «про себя»), ведь если это не какая-нибудь очередная хитроумная игра «матушки», то мне-таки действительно удалось провести ее. Ну, ладно, поживем — увидим.

Позже.

Наш авто, проехав в ворота Имения Семьи Блумфельдт (графский род, родственники Государыни), над которыми бдел огромный позолоченный двуглавый орел, не спеша покатил по широкой и прекрасно освещенной липовой (если я, конечно, не ошибся и это — в самом деле липы) аллее к громадному двухэтажному дому…нет, не к дому. К настоящему дворцу, с реющим над ним имперским стягом.

— И **это** жилище государственного чиновника, пусть и из «знатных»?! Это какие же взятки нужно брать, и сколько воровать

из казны, чтобы позволить себе купить или отгрохать, а затем и содержать подобное (это не наследственное владение, ибо как я выяснил, родственники Государыни переехали в Петербург вслед за ней)? — в сердцах воскликнул я, оглядывая дворец и прекрасно освещенную территорию, с разнообразными постройками вокруг. И территория этого Имения, если и была меньше территории нашего, то точно ненамного, но…! Но, это земля в самом дорогом из предместий Петербурга! Это насколько же нынче влиятелен Семейный клан Государыни, если позволяет себе так нагло демонстрировать свое богатство всем окружающим и насколько самому Государю приходится считаться с ними?

— Кайа, — шлепнула меня ладошкой по коленке «тетушка», сидевшая в кресле напротив, — ты что?! Не вздумай даже заикнуться о подобном на людях!

— Само собой, — пожав плечами, ответил я, продолжая глазеть в окно

Повсюду охрана! И в отличие от Имения Филатовых, охрана которого явно предпочитала действовать скрытно, не привлекая к себе всеобщего внимания, охрана этого объекта была нарочитой, мол, «не влезай — убьет!». Я заметил уже несколько вооруженных какими-то винтовками патрулей, с собаками, и в военной форме…форме, да. Это — та самая форма, в которую были облачены солдаты в тот ужасный вечер на железнодорожном «узле».

«Внутренние войска» — вспомнил я слова пожилого путейца.

— Огромные, Кайа! Баснословные! — честно ответил «отец»

— Игорь! — вновь возмутилась «тетушка»

— Искренне надеюсь на то, что у Русской Императорской Армии будет чем стрелять, когда и если до этого дойдет дело…, — сказал я, и «папаша» промолчал, а вот «тетушка» вознамерилась было меня обругать, но…

Это нормально, когда такие Семейства, как Филатовы строят дворцы в своих Имениях. Имеют полное право, ибо они, как ни крути, владельцы огромных бизнес-империй, со сверхдоходами, но… Блумфельдты?! Те самые Блумфельдты, что еще вчера, можно сказать, были никем, так, мелкие дворянчики из тех прекрасных мест, которые и не сразу-то найдешь на карте Империи. Те Блумфельдты, которые теперь без зазрения совести кормятся за счет обороноспособности государства, ни в чем себе не отказывая (ведь баснословные взятки госчиновникам от Министерства Войны наверняка компенсируются госзакупками военного имущества по кратно завышенной стоимости)… И глядя на весь этот блеск и шик у меня появилось очень нехорошее такое предчувствие.

— Барин, барыни, мы приехали, — услышал я голос водителя из интеркома, в тот момент, когда наш авто остановился у парадного входа дворца Блумфельдтов.

«Отец», выйдя из авто, подал нам с «тетушкой» руку.

Во дворце Блумфельдтов.

Говорят по-немецки

— Игорь! — радостно поприветствовал «папашу» Глава Блумфельдтов, вместе с сыном, невесткой и двумя малолетними внуками, встречавший прибывающих гостей, и пожав руку, похлопал того по плечу, — С Рождеством! Рад, что несмотря на дела, ты все-таки смог выбраться, чтобы посетить старика! Как поживает твой отец?

Про покойных братьев «папаши» он упоминать не стал.

— И вас с Рождеством, Генрих Карлович, — ответил «папаша», — отец неплох настолько, насколько может быть неплох человек, недавно перенесший инсульт, спасибо.

— Жив — и это самое главное! Он старик крепкий, выкарабкается! — заявил Генрих Карлович

— Конечно! — согласился «отец»

Затем, «отец» за руку поздоровался с человеком, которому «моя» Семья решила отдать Кайю в любовницы.

— С Рождеством и тебя Александр, — без всяких эмоций в голосе и на лице произнес он

Блумфельдты — вроде как немцы, и, вероятно, католики, а стало быть и Рождество у них должно было быть не сегодня… А, нет, помнится в информации об их семействе, которую мне предоставил «папаня», говорилось о том, что они — протестанты, перешедшие в Православие, вслед за Государыней. Ренегаты… ради собственной выгоды запросто предавшие собственную церковь.

— А это, моя дочь, Кайа, — тем временем «отец» представил меня этим уважаемым людям (после представления своей сестры), слегка подтолкнув вперед, — к сожалению, немецким она пока еще владеет не в должной мере.

— А! — перейдя на русский, когда ему представили меня, не менее радостно воскликнул Глава Блумфельдтов, похожий на барона Владимира Харконнена из экранизации Дэвидом Линчем Гербертовской «Дюны», если уж и не как брат-близнец, то точно, как его близкий родственник, разве что, чуть стройнее, — барышня, которая совсем скоро станет частью моей Семьи! Красавица, просто красавица!

На языке Пушкина Генрих Карлович говорил с тем же акцентом, что и Государыня. И все же, несмотря на кажущуюся внешнюю доброжелательность, в его голосе ощущалась злоба. Такое от меня не скроешь. Он ненавидит Филатовых всем сердцем. Это факт. Всех! И меня, в том числе.

— Здравствуйте, Генрих Карлович, с Рождеством вас, — вежливо поздоровался я со стариной Генрихом, после чего тот, натурально схватив меня за плечи, облобызал в обе щеки (Господи, дай мне сил!).

— Ну что ж, Кайа, позволь представить тебе, — произнес Генрих Карлович, и взором указал на своего сына, — моего сына и твоего будущего…

Тут старик Блумфельдт на секунду запнулся, хотя и вовсе не из-за какого-либо неудобства. Напротив, судя по всему, ситуация доставляла ему несказанное удовольствие.

— Будущего любовника, — пришла ему на помощь женщина, стоявшая чуть позади Александра и державшая за руки двоих мальчишек лет восьми.

Женщина сказала это таким тоном, что было очевидно — сдерживается она, чтобы прямо здесь и сейчас не вцепиться мне в лицо, из последних сил. И если было бы возможным убить взглядом — Кайю мгновенно разорвало бы на молекулы.

Эта женщина — Лара Блумфельдт, жена Александра. Та самая «серая мышка», любящая своего мужа до безумия (и судя по всему — в прямом смысле слова) и на которую присутствие здесь его будущей любовницы явно подействовало, как ударная доза «озверина». Вон, как желваки ходят…

— Мама, мне больно! — вскрикнул один из мальчиков, когда мать, в порыве лютой злобы, слишком сильно сжала его руку

— Лара…! — чуть повысил на нее голос Александр, после чего, взяв и облобызав мою правую руку, с которой я загодя снял перчатку, сказал, — С Рождеством, барышня. Я о вас многое слышал и теперь искренне рад увидеть, наконец, воочию. Вы очаровательна! Сегодняшним вечером у нас будет возможность узнать друг друга поближе и получше.

И это его «поближе и получше» мне, почему-то, нихрена не понравилось!

Впрочем, сказал он мне ровно те слова, которые обязан был сейчас сказать, однако по его холодному и отстроенному выражению лица было очевидно — Кайю видеть он рад не больше, чем она (то есть я!) его.

Ну, еще бы! Ему должны были доставить самый что ни на есть «высококлассный товар», а вместо этого, в насмешку, выдали меня, известную идиотку-самоубийцу.

— С Рождеством и вас Александр. Я благодарна Господу за то, что он однажды свел наши пути…, — процитировал я Ию, игнорируя безумные взгляды Лары, после чего, игривым тоном поинтересовался, — Надеюсь, что вы слышали про меня исключительно хорошее?

— Не буду вас обманывать, но…разное, — уклончиво ответил тот

Александр Блумфельдт — красивый, статный мужчина, покоривший, уверен, не один десяток женских сердец, внешность которого портило, на мой скромный взгляд, лишь две вещи. Показная холодность (впрочем, многим женщинам подобное нравится) и то, что он разодет в пух и прах. А ювелирки на нем, равно как и на его отце, если и меньше, чем, к примеру, на мне, то ненамного.

— Игорь, Мила, Кайа…, — вновь заговорил хозяин этого дома, — Развлекайтесь! Скоро начнутся танцы, а потом будет подан ужин! Очень надеюсь, что вы не найдете этот Рождественский вечер скучным! И да, Игорь…, тебя весьма многие искали на разговор.

Прислуга помогла нам снять верхнюю одежду и унесла ее в гардероб, ну а мы направились в главный зал. Однако…

— Я на секундочку, — шепнул я «тетушке» и остановив одну из многочисленных горничных, сновавших здесь повсюду, тихо поинтересовался, — где здесь гостевой туалет.

— Следуйте за мной, пожалуйста, — ответила горничная, девица лет двадцати, облаченная в миленькую униформу.

В туалете.

— Ну что, рыжая злодейка, — улыбнулся я своему отражению в зеркале, — делу время?

Приподняв подол платья и приспустив чулок, оторвал видеофон, приклеенный несколькими кусками пластыря ко внутренней стороне правого бедра (синей изоленты, увы, не нашлось). Чуть ниже был приклеен аккумулятор…

Собрав и включив девайс, запустил сетевой анализатор.

Всего в этом Имении было развернуто три сети.

Общедоступная — для гостей, и две с шифрованием военного образца, причем одна из которых, не имела доступа в Коммуникационную Сеть (о чем мне сообщил сетевой анализатор), а это значит…

Я запустил «брутфорс», оптимизированный мной для работы с шестиядерным процессором этого видеофона. Мне необходимо подключиться к оборудованию данной сети, получив доступ к управляющей программе, дабы узнать, каким именно «адресам»

разрешена в ней работа. Все это я уже неоднократно проделывал дома, отработав всю цепочку действий до автоматизма, здесь же — все то же самое. Остается лишь ждать…

Убрав видеофон в сумочку, вышел из туалета, направившись на поиски «папани» и «тетушки».

К роскоши, в том числе, и к показной, я уже привык, так что этот дворец удивить меня ничем не смог, и шел, глазея по сторонам без всякого интереса.

Гостей было уже довольно прилично (и каждому из них нужно мило улыбнуться, держа при этом спину и голову ровно, как учили!), хотя до настоящего столпотворения, кажется, вряд ли дойдет.

— Игорь! А вот и ты! С Рождеством! — услышал я женский голос, когда, наконец, обнаружил «родственников».

В нашу сторону неспешно шла весьма симпатичная особа, одетая в очень и очень стильный вечерний «прикид», что-то в районе 35 лет, наверное, плюс-минус, и с совершенно потрясающим выражением самоуверенности на лице.

— Алиса! И тебя с Рождеством, — ответил «отец», и как мне показалось, ему с трудом удалось подавить раздражение в голосе и на лице, — прекрасно выглядишь!

— Спасибо! Игорь, мне необходимо переговорить с тобой. Уделишь для меня несколько минут? — поинтересовалась она

— По какому вопросу? — удивленно подняв бровь, спросил «папаня», — Мне казалось, что мы еще много лет назад сказали друг другу **все,** что должны были сказать.

— На этот раз только дела! — издав хмыкающий звук, ответила женщина, — Я уже, поверь, давно не та молоденькая дурочка, влюбленная в тебя без памяти, да и ссориться с Женей… опасно для здоровья

— Ну вот, никто меня больше не любит, — деланно расстроился «папаша», — ладно, пойдем… Мила, мы с Кайей покинем тебя на несколько минут, найди, пожалуйста, чем себя развлечь

— Ладно, — ответила та, и взяв с подноса, проходящего мимо официанта, бокал, направилась вглубь зала

— Мне бы хотелось переговорить…приватно, — сказала Алиса, выразительно посмотрев на меня

— Это моя старшая дочь и наследница, Кайа. Так что о делах мы можем (и будем! — услышал я несказанное) говорить в ее присутствии, — ответил «папаша»

— Ах, вот оно как! — сказала та и представилась мне, — Меня зовут Игнатовой Алисой

— Очень приятно, я — Филатова Кайа, — представился я

— Наши Семьи давние деловые партнеры, — пояснил «папаня» и повел нас в один из небольших кабинетов, подготовленных, как я понял, специально для того, чтобы гости могли переговорить тет-а-тет.

— Я слушаю тебя очень внимательно, — сказал «отец», когда мы устроились в креслах, я рядом с «папашей», Алиса — напротив

— Как ты, наверное, уже знаешь, Семья предложила мою кандидатуру на место главы проекта «Прометей». Основные акционеры и инвесторы проекта — согласились с этим назначением, — сказала Алиса, разглядывая меня.

— Поздравляю, Алиса! — совершенно искренне ответил «отец», но было очевидно, он в курсе этого, — Это несомненное доказательство твоей успешности в делах. Итак, ты хотела похвастаться?

— Не совсем, — ответила та и облизала губы, кажется, предстоящий разговор ей совершенно не нравится, — Игорь, моя Семья нервничает. Инвесторы и акционеры тоже…

— По поводу? — перебил Алису «папаша», и открыв стоявшую на столе бутылку воды, поинтересовался, — Хочешь?

— Да, спасибо, — ответила та, после чего, приняла бокал из рук «папаши», который затем налил и себе (я отказался), — все они опасаются того, что Филатовы задержат поставки двигателей и спутники из первой очереди не будут выведены на целевую орбиту в срок. Либо же…

Она не договорила, предпочтя отпить воды.

— Алиса, мы давно сотрудничаем в разных сферах. Было ли хоть раз, чтобы Филатовы задержали поставки своей продукции, либо продукция была бы некачественной? Ты же именно это говорить не захотела, но подразумевала, так? — улыбнулся собеседнице «папаня», пожав плечами

— Ни разу, — без раздумий ответила та, — как ни разу я не слышала и о том, чтобы на ваших предприятиях произошли две подряд крупные диверсии. Если честно, до недавнего момента, я о подобных инцидентах не слышала ни разу…

Две диверсии подряд?

— Не было никаких диверсий! Был взрыв газа и инцидент на испытательном стенде, а там подобное порой случается. Последствия всего этого уже устранены, — чересчур уж резко ответил «папаня».

— Как и не было того стрелкового боя на одной из ваших производственных площадок, после которого, опять же, по слухам, «отгрузили» несколько грузовиков покойников?

Стрелковый бой с кучей трупов?

— Инцидент был исчерпан. Нападавшие — уничтожены

практически полностью, оставшихся в живых — сейчас отлавливают, а производственная площадка вернулась к нормальной работе… Алиса, подобное — издержки нашего дела, что поделать? Такое, хоть ты и не могла слышать о подобном, случалось и раньше. А сейчас, подобные инциденты будут повторяться, к сожалению, с завидной регулярностью, причем **у всех**, ведь статус-кво среди Семейств был нарушен, и теперь, все и каждый будут искать свое новое место под Солнцем, плюс наши импортные друзья также не станут в этой ситуации сидеть сложа руки…, — тоном, с которым родитель разговаривает с ребенком, объяснил Алисе сложившуюся ситуацию «папаня».

— А если послезавтра удача от тебя отвернётся? — шёпотом спросила женщина, — Никогда не знаешь, чем закончится дуэль! Что будет с нашими договоренностями, если тебя убьют?

Диверсии, кровавые побоища, а теперь еще и дуэль… Не скучно, оказывается, живем, — я взглянул на «отца», но тот проигнорировал мой взгляд. И с кем это у него на послезавтра назначена дуэль, про которую я ничего не слышал? Впрочем, готов поставить рубль на то, что с тем типом, который «разрисовал» его при задержании…

— Если все закончится для меня плохо, а этого не случится…, — сказал «папаня», взяв мою ладошку в свои, — то в сделке между Семействами не изменится ровным счетом ничего. И несмотря ни на что, ракетные двигатели для запуска спутников вашей гражданской навигационной системы будут поставлены в срок, в полном объеме и надлежащего качества.

— Ты это знаешь. Я это знаю, — сказала Алиса, разглядывая свои шикарные туфли, — А вот инвесторы отнюдь в этом не убеждены! Игорь, они ожидают задержки поставок! И они недовольны, ибо, вкладывая свои деньги, единственное, что их интересует — прибыль. А на фоне новостей о всевозможных инцидентах в вашей Семье, у нас растут лишь издержки…

— Чего ты хочешь? — «в лоб» спросил папаня

— Скидку в девять с половиной процентов на двигатели для запусков второй и третьей очереди…, — так же прямо ответила та

— Зачем ты подняла эту тему здесь и сейчас? Цена, равно как и прочие детали будущего контракта будет обсуждаться в соответствующее время и месте…

— Игорь, если мы сейчас не договоримся по цене, то никакого обсуждения в будущем не будет. И как ты сам отметил, Семьями **теперь**, в том числе и моей, в расчет принимаются не только доводы чистой экономической целесообразности… Я **уже** вынуждена искать альтернативного поставщика…, — сказала Алиса

— Секунду, — ответил Алисе «папаня», и склонившись к моему ушку, сказал, — это будет долго и нудно. Скоро начнутся танцы, пойди, пожалуйста, найди тетю.

— Ладно, — согласился я, — но, пожалуйста, расскажи мне потом, чем все закончилось

— Хорошо, — ответил «папаня» и я поднялся из кресла, — пожалуй, я оставлю вас разбираться с этими скучными делами вдвоем

— Приятно было познакомиться, — улыбнулась мне Алиса

— И это взаимно! — также с улыбочкой ответил я

На выходе из кабинета я почувствовал слабую вибрацию в сумочке, сигнализирующую, словно поплавок на рыбалке, что на «крючок» попалась «рыба», отчего настроение мое, как не сложно догадаться резко поперло вверх, и я, разве что не насвистывал, ища теперь укромный уголок, где бы меня не потревожили.

Для работы в автономной Сети этого Имения было разрешено три «адреса», то есть три устройства, два из которых сейчас были «не в сети». «Клонировав» на виртуальном сетевом адаптере один из этих двух «адресов» (можно было бы добавить в «разрешенные» и новый «адрес», благо «права» на это у меня теперь имелись, но не хотелось оставлять следов), вошел в автономную Сеть, в которой обнаружился, помимо моего видеофона и еще одного подключенного к сети персонального устройства, лишь некий огромный по объему файловый сервер.

— Ну что ж, Кайа, добро пожаловать! Посмотрим, какие грязные секреты есть у старика Блумфельдта (если, конечно, он и впрямь хранит здесь какие-нибудь свои секреты, а не скажем, огромную коллекцию порнушки), — тихонько промурлыкал я себе под нос, подключаясь к файловому серверу…

И…

Меня выкинуло нахрен из этой автономной Сети! Попытался подключиться к Сети вновь, и…

Запрещено!

По спине пробежал адреналиновый холодок, а ладошки вспотели.

Моя задумка только что потерпела очевидную неудачу, и от осознания этого факта, у меня подкосились ноги и начался приступ астмы. Стало тяжело дышать.

Совершенно не вовремя в памяти всплыла финальная заставка Ералаша, ну, там, где: «**Всё!**».

Нужно срочно взять себя в руки и перестать паниковать!

Довыделывался, бляха-муха! Думал, самый умный! Но как же так? У себя в Имении все получилось, почему же здесь не выгорело? Наверняка, некий дополнительный уровень

безопасности, про который я «ни сном, ни духом»…

Сейчас у охраны совершенно точно поднимется «хай» (если уже не поднялся!)! Нужно срочно избавиться от видеофона! Трясущимися руками я полез в сумочку, дабы достать влажные салфетки и стереть с устройства свои отпечатки…